Иосиф Дик

В ДЕБРЯХ КАРА-БУМБЫ

Рассказы

#эксмодетство

В дебрях Кара-Бумбы
Иосиф Ионович Дик

Аннотация
Иосиф Дик. В дебрях Кара-Бумбы. повесть, рассказы
Рассказы
- Первый взлёт
- Про Вову Тарелкина
- Красные яблоки
- Ванькин папа и война
- Находка
- Ответственный редактор
- «Тошка»
- Бумажный голубь
- Кутька
- Острое лезвие
- День птиц
- Запал
- Синий турман
- Янтарный мундштук
- Записка
- Золотая рыбка
- Манная каша
- Пирог с начинкой

Железная воля
Хитрющий парень
Девчонки и мальчишки. (из дневника Миши Пташкина)
Мой учитель
Как утонул Гога
«Счастливая» ручка
Дуб
Привидение
Чудо-чудеса
Шапка на трубе
Володина гора
Загадка природы
Третий глаз
Одно слово
Зелёные огоньки
За прекрасную даму!
Кастаньеты
В дебрях Кара-Бумбы. повесть
Глава I. Удар сабли
Глава II. Зойка
Глава III. В дебрях Кара-Бумбы
Глава IV. Дела житейские
Глава V. Да здравствуют пампушки!
Глава VI. Испытания
Глава VII. Легенда о любви

Глава VIII. Костры наших душ
Глава IX. Лёшка и мохнатое
Глава X. Корень женьшень

Аннотация

В сборник вошли рассказы советского писателя Иосифа Дика, а также повесть «В дебрях Кара-Бумбы». Главные герои произведений, мальчишки и девчонки, ходят в школу, попадают в передряги и веселятся на каникулах. Они уже не дети, но пока не взрослые, и им ещё предстоит научиться дружить, общаться с родителями, быть честными и порядочными и брать ответственность за свои поступки.

Повесть «В дебрях Кара-Бумбы» входит в программы внеклассного чтения для начальной и средней школы.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Иосиф Дик
В дебрях Кара-Бумбы
повесть, рассказы

© Дик И. И., наследники, текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Рассказы

Рассказы

Первый взлёт

Когда Вову Морковкина на сборе решили назначить главным голубеводом класса, больше всех протестовал Пашка Туманов.

— Долой Морковкина! — вопил он, размахивая руками. — У него ничего не выйдет!

— А почему не выйдет? — кричали ребята, предложившие Вовкину кандидатуру.

— А потому, что он свистеть не умеет! И мама у него всех голубей перережет…

— Нет, она не перережет, — чуть не плача, говорил Вова. — Она крови боится.

— А они у вас в комнате всю посуду перебьют!

— А я посуду уберу, — не сдавался Вова, — и голубятню сделаю!

Ему очень хотелось оправдать доверие класса. Это было первое общественное поручение.

В общем, так или иначе, а кандидатуру Морковкина класс всё же отстоял. Вова должен был первым начать гонять голубей, приобрести в этом деле опыт, а затем этот опыт распространить среди своих соучеников.

На следующий день на покупку «опытной пары» голубей в классе было собрано с каждого

по десять копеек, и Вова, громыхая карманами, набитыми мелочью, пошёл после уроков к себе домой осваивать новый вид спорта.

Для начала Вова решил узнать, а почему обыкновенный голубь называется голубем мира. Он залез в папин шкаф с книгами и в энциклопедии нашёл удивительное объяснение. Когда древний бог войны Марс однажды отправился в поход, он не мог надеть свой шлем, потому что голубка свила в нём гнездо.

Подведя теоретическую базу на случай атак со стороны мамы, Вова перевёл всю денежную мелочь в бумажные знаки, а затем принялся учиться настоящему свисту. Он засовывал четыре пальца в рот и рывками выдувал из себя воздух. Однако изо рта вырывалось гусиное шипение. Тогда Вова перешёл на два пальца и стал то закладывать между зубов язык, то вытягивать губы. Но и тут ничего не получалось. Оставалось одно: свистеть через выбитый зуб. Но, к сожалению, такого во рту не оказалось.

Впрочем, однажды в воскресенье, промучившись целое утро, Вова так оглушительно свистнул в два пальца, что из кухни прибежала мама.

— Вова, что ты делаешь? — закричала она. — Это безобразие!

— Нет, это не безобразие, — радостно ответил Вова, — а общественное задание! — И ещё раз свистнул.

— Общественное задание? — удивилась мама. — А может быть, ты ещё и голубей будешь гонять?

— Вот то-то и оно! — сказал Вова. — Мне надо завести самца и самочку.

— Боже, что он говорит! — воскликнула мама и позвала из другой комнаты папу.

Когда в столовой появился папа, мама буквально засыпала его словами:

— Вот посмотри — плоды твоего воспитания! Вчера он красками стал красить рояль, а сегодня он уже о голубях думает! Ты слышал, как он свистит?

— Слышал, — ответил папа.

— И не обратил внимания?

— А что же тут такого? Все мальчишки умеют свистеть.

— Но ведь он же себе губы разрывает! Посмотри на его рот — весь красный! А теперь он ещё хочет купить голубей…

— Подожди, Верочка, не шуми, — сказал папа. — Ну и пускай покупает. Голубь — благородная птица…

— Когда Марс, бог войны, отправился в поход, — начал объяснять Вова, — то он…

— При чём тут марсиане! — перебила его мама. — Никаких голубей! Вова, ты понял меня? Никаких голубей! Не хватало, чтобы ты ещё шею сломал!

— Мам, я не упаду с крыши, — заныл Вова. — И я себе свистульку куплю — вместо пальцев.

Он посмотрел с мольбой на папу — дескать, спасай. Но тот, видно, чтобы не подрывать мамин авторитет, махнул рукой и вышел.

У Вовы от горя разрывалось сердце. Если мама и папа против голубей, значит, придётся с голубями расстаться. Но как же быть? Ведь Вова не о себе заботится, а обо всём классе. И что же выходит? Значит, Пашка прав, когда кричал: «Долой Морковкина»? Дудки ему — прав!

И тут Вова решил сесть на трамвай и поехать на птичий рынок.

…Рынок начинался ещё задолго до входа на большую асфальтированную площадь с крытыми прилавками. Здесь были сотни людей с голубями, щенками, котятами, кроликами, гусями. Щенки и котята выглядывали из-под воротников рубах, пальто, телогреек. Гуси крякали в мешках. Кролики сидели в корзинках.

Какой-то дядька водил за собой на верёвочке здоровенного серебристого петуха, который время от времени с криком «ку-ка-ре-ку» кидался на прохожих. Те со смехом разбегались по сторонам.

— Ребя-а! — радостно стонал кто-то. — Меня жареный петух клюнул!

Вова разевал рот от удивления. Он не знал, никогда не думал, что в Москве живёт столько любителей птиц, рыб и других животных.

В ряду кормов для рыб продавались сушёная дафния и циклопы. В больших консервных банках копошились красные червячки длиной с граммофонную иголку. На развёрнутых газетках в чёрной земле копошились белые червячки. Продавец брал их щепотками и укладывал в специальную мерку — пустой спичечный коробок.

— Бери за гривенник, — предложил продавец Вове червей. — Самая что ни на есть ихняя еда, вроде ветчины. Вот, положим, тебе хочется чего-нибудь солёненького куснуть али сырка, так и рыбе — надо разнообразное меню…

— Кому элодею и папоротник! Кому элодею и папоротник! — басом говорил высокий гражданин, держа в одной руке банку с зелёными растениями, а в другой — медицинский пинцет.

За стеклянной банкой в воде растения казались большими, широколистыми, а вынимали их оттуда — они становились тощими и жалкими.

Тут же, за прилавками, лежали и речной песок цвета яичного желтка, и надутые футбольные камеры, служащие для вдувания воздуха в аквариум, и электрический воздушный компрессор.

А в птичьем ряду верещали щеглы, синицы, канарейки, ярко-голубые, с зелёными переливами попугайчики.

Вова думал, что они заморские, откуда-нибудь из Чили или с Суматры, но оказалось, что их выводят в Москве.

Под клеткой с канарейкой сидела какая-то бабка и держала в руках бутылку с бумажной этикеткой: «Кислота из хвоста муравьёв».

— Можешь отпить глоточек, — сказала она Вове. — Эта кислота вроде как лимон. Мы в деревне с ней даже чай пьём. А так — она от ревматизму.

То тут, то там раздавались голоса:

— Щегол поёт с гарантией!

— А к кенарю надо сажать синицу, тогда они друг друга поддержат — ну, как хор Пятницкого!

— У кого есть соловей? Куплю соловья!

— Клетка плохая? Да вы очки снимите! Она же ведь из рояля сделана. Одни проволочки чего

стоят! Сюда хоть гориллу сажай — не выскочит!

Но самым большим рядом был голубиный. Продавцы держали голубей и в плетёных корзинах, и в металлических клетках, которые могли складываться в чемоданы. Сидели голуби целыми стаями. «Дутыши», «пегарьки», «воротникастые», «немцы», «почтари» всех цветов, раскрасок и оттенков спокойно ворковали и поклёвывали зерно. Покупатели для чего-то расправляли им крылья, дули под хвост, раскрывали клювики.

Вова с интересом прислушивался к «учёным» разговорам. Оказалось, что голубь ценится по головке и «платью», то есть по оперению. Лучший голубь — это «немец», и стоит он до трёх рублей. «Немцы» появились у нас после войны. Их привезли солдаты из Германии. Эти голуби летают со скоростью экспресса и безошибочно находят свой дом. А турманы — это такие голуби, которые могут кувыркаться в воздухе через голову.

Рябоватый парень, у которого голуби торчали из всех карманов, из-за пазухи и голенищ широких сапог, уговорил Вову купить за два рубля «понятых» — самца и самочку.

— Мечта, а не птица! — сказал он. — Купишь — весь век благодарить будешь. Они тебе в месяц по два яичка приносить будут. Ты их что — для

продажи будешь разводить?

— Нет, — ответил Вова. — Как птицу дружбы…

— А-а, ясно… для политики, значит!.. Во-во! Они самые подходящие… Ну, бери тогда с корзинкой. Отдаю бесплатно!

Когда Вова подъехал на трамвае к дому, в квартиру к себе он идти побоялся. Там опять будет скандал!

Но куда же их всё-таки девать? Во дворе сараев нет — в их доме паровое отопление. В подвал отнести — не годится: голубям нужен свет. А что, если на чердак?

И Вова с корзинкой, осторожно переставляя её со ступеньки на ступеньку, полез по пожарной лестнице наверх.

— Эй, Морковкин, ты куда? — услышал он голос Пашки Туманова. — Лунатиком заделался?

— Сам ты лунатик! — усмехнулся Вова. — Я голубей купил!

Пашка, как обезьяна, в один миг влез на крышу и раскрыл корзинку. От солнечного света голуби вдруг стали такими ослепительно белыми, что Пашка невольно зажмурился.

— Ой, какая красота! — восхищённо сказал он.

— Это «понятые», — наставительно сказал Вова. — То есть семья. И у них детёныши будут…

Пашка с усердием на лице взял в руки корзинку и внёс её через слуховое окно на чердак.

Здесь под железной крышей Вова вынул голубей и подвинул их — улететь они никуда не могли. Птицы, задевая крыльями толстые пыльные балки, разлетелись по сторонам и вдруг доверчиво уселись к Вове на плечо.

— Ого! Они тебя уже знают! — изумился Пашка. — А давай их на воздухе погоняем!

— Улетят… — нерешительно сказал Вова.

По-честному говоря, ему очень хотелось запустить свою покупку в воздух. А вдруг она какая-нибудь бракованная? Но кто знает, можно ли их уже выпускать или надо ещё недельку подождать. Впрочем, может быть, они уже привыкли к дому? У них в голове после поездки на трамвае, должно быть, всё перемешалось.

— Да смотри, они ведь уже привыкли! — убеждённо сказал Пашка. — Полетают, полетают и, вот увидишь, опять прилетят!

И, схватив голубей, он полез обратно через окно на крышу.

«Ну, была не была!» — подумал Вова.

Белая парочка взмыла над крышей и, видно, обрадовавшись простору, стала ходить кругами. Потом голуби поднялись к перламутровому обла-

ку и… стремительно скрылись из глаз!

Вова долго глядел им вслед, ждал, ждал — и вдруг заплакал.

— М-да… осечка, кажется, вышла… — почесал затылок Пашка. — Но я думаю, что они просто попить захотели и сейчас вернутся.

— Дурак, не вернутся! — с горечью сказал Вова. — Что же я теперь в классе скажу? Ведь на меня надеялись.

— А то и скажешь, что опыт не удался. Ведь это же была «опытная пара»?

— Опытная.

— Ну и горевать тут нечего!..

Наутро Пашка с большими подробностями рассказал всему классу о том, как Вова умело гонял у них во дворе голубей, и как эти голуби садились к Вовке на плечо, и как они поднялись к самому облаку и «сами» улетели. И Пашка очень просил, чтобы класс Вову не ругал.

Откровенно говоря, многие ребята очень смеялись над незадачливым Вовой.

Но когда на большой перемене в класс пришла Вовина мама и сказала пионервожатому, что её сына надо снять с должности главного голубевода, весь класс постановил: не снимать! Во что бы то ни стало уговорить маму! Вова уже

знал, как надо обращаться с голубями. У Вовы был уже опыт. А опытных людей, как известно, надо ценить!

Про Вову Тарелкина

Жил-был в одной школе Вова Тарелкин. В общем, это был неплохой мальчишка, однако и не совсем хороший. Дело в том, что Вова страшно любил ругаться. И ругался он через каждое слово. Такие слова, как «псих ненормальный», «дурошлёп», «индюк», летали вокруг Вовы, как осы, и очень больно жалили его друзей. А на днях к Вовиному языку прикрепилось новое словечко: «чёрт».

Бабушка не раз говорила: «И что ты, Вовка, болтаешь! Знай: ведь мягкое слово кость ломает, твёрдое — гнев возбуждает!» Но Вова на эти уговоры не обращал никакого внимания.

И вот однажды вечером бабушка постелила внуку постель и велела сейчас же ложиться. А Вова сказал:

— А ну её к чёрту, эту кровать! Всё спать, спать, а когда же телевизор смотреть?

— Всему своё время, — ответила бабушка. — А вот будешь чёрта поминать, он возьмёт к тебе и явится. Хлопот тогда не оберёшься!

Но, забравшись в кровать, Вова только расхохотался.

— Эх ты, бабка, бабка… темнота! — сказал он. — Вспомнила про чертей, а они сейчас отменены. Это ведь всё пережитки капитализма!

Но только он произнёс слово «чёрт», вдруг слышит за спиной дребезжащий голосок:

— Здрасте! А кто меня звал?

Вова обернулся и ахнул: перед ним стоял самый настоящий чёрт — маленький, чёрный, будто в саже, с крысиным хвостиком и стоячими ушами, как у немецкой овчарки. Глаза у него были юркие и хитрые, а на голове — круглая лысинка.

— З-здравствуйте, — заикаясь, вежливо сказал Вова и протёр глаза.

— А вы зря, молодой человек, глаза трёте, — сказал удивительный гость, — я теперь от вас никуда не денусь. Я знаете чем питаюсь? Мне ни хлеба, ни сарделек не требуется, а надо только, чтобы моё имя поминали…

— А что же я с вами буду делать? — растерянно спросил Вова.

— А что вам угодно!

«Как бы от него отделаться?» — подумал Вова и спросил:

— Ну а во двор вы сейчас можете со мной пойти?

— Пожалуйста! Хоть во двор, хоть в коридор!..

— Вот это хорошо! — обрадовался Вова. — Ну и устрою же я там потеху! Пошли!

— Спасибо за доверие! — сказал чёрт и, вскарабкавшись, как обезьяна, по Вовиной ноге, забрался под пиджак.

Дело было в воскресенье, и ребят во дворе было много. Они играли в футбол.

— Эй, вы! — закричал Вова с крыльца. — Идите все сюда! Я вам сейчас чёрта лысого покажу!

— Чего? — удивился Мишка Чугунов, пробегая мимо Вовы с мячом. — Я те покажу чёрта лысого! — И с ходу шлёпнул Вовку по затылку.

Вова потёр макушку, а чёрт захихикал:

— Хе-хе! Скушал затрещинку? Хорошие у тебя друзья! А хочешь, я тебя со всеми чертями познакомлю?

«Куда б его деть? — подумал Вова о новом знакомом и быстро-быстро пошёл со двора. — Вот навязался на мою голову! Кажется, жил себе тихо, а тут нате вам — чёрт! — И вдруг Вова решил: — А пойду-ка я в кино! Там в темноте кому-нибудь подсуну этого чертяку — и до свиданья!»

В кинотеатре «Вулкан» шёл фильм «Встреча с дьяволом», и чёрт, увидев рекламу, закричал: «Уй, вот красота! Своих ребят увижу! Давай бери быстрее билет!»

Вова чинно стал в очередь, но перед самым окошком кассы нетерпеливый чёрт вдруг высунул из-под пиджака свою лохматую руку и попытался вырвать у какого-то мальчика билеты.

— Держите его! — закричал мальчик и схватил Вову за шиворот.

А чёрт почувствовал, что их дело плохо, и укусил мальчика за палец.

— Ой! — закричал мальчик. — Ты ещё кусаешься?!

— Нет, это не я! — сказал Вова.

— Вы будете брать билеты? Мы на сеанс опаздываем! — заволновались стоявшие в очереди. — Гоните его вон!

К Вове подошёл милиционер.

— Ты как себя ведёшь? — строго сказал он. — Ты что, не читал постановление горсовета о поведении подростков на улице?

— Читал, читал! — подсказал из-за пазухи чёрт. — С ним лучше не связывайся.

— Не читал! — назло чёрту сказал Вова.

— А раз не читал, — сказал милиционер, — пойди домой, изучи этот документ, а потом уж приходи, — и выгнал Вову на улицу.

«А что, если его в урну выбросить?» — решил

Вова и, подойдя к урне, схватил чёрта за ножку и вытянул его на свет. Чёрт упал на дно урны, и вдруг из урны фонтаном забили пустые спичечные коробки, папиросные окурки, мятая бумага.

Вова бросился бежать по улице, но его остановили прохожие и велели подобрать за собой мусор.

Делать было нечего. Вова опять вернулся к урне, и тут чёрт опять к нему забрался под пиджак!

— Да что ты, Вовочка, на меня сердишься! — заюлил чёрт. — Ей-богу, я не виноват! Просто тут люди несознательные — и в кино, и на улице! Ну, куда мы ещё пойдём веселиться?

«Пойду в Дом пионеров и сдам его в антирелигиозный уголок, — подумал Вова и обрадовался: — Вот это правильно! Лучшего места не найдёшь!»

Но в Доме пионеров шёл концерт, и туда пускали только по пригласительным билетам. А у Вовы его не было.

— Не бойся, со мной не пропадёшь! Я сам хочу концертик посмотреть! — вдруг шепнул чёрт. — Я тебя могу через свой вход провести.

— А как? — удивился Вова.

— Мы можем пробраться через печную трубу. Это мой служебный вход.

— Ну, это очень сложно! — вздохнул Вова. — А потом, мы ведь измажемся, как черти!

— Спасибо за угощение! — облизнулся чёрт. — Как будто мармеладку съел! А если измажемся, так мне не привыкать, а тебя я своим хвостом обмету. Ну, полезем?

«Как бы там Маринку не встретить! — подумал Вова об одной своей голубоглазой однокласснице. — А может быть, она сейчас дома?» — и сказал:

— Полезем!

По пожарной лестнице они взобрались на крышу, залезли в трубу и через пять минут выскочили из старинного камина в фойе.

В это время начался антракт, и пионеры в белых рубашках стали заполнять фойе. Они с недоумением окружили чумазого Вову. У него была сажа и на руках, и на носу, а от пиджака она прямо отлетала хлопьями.

— Ой, Вовка, что с тобой? — вдруг подскочила к Вове Маринка. — Ты что, из печки вылез?

— Ага, — ответил Вова. — Это чёрт меня туда занёс.

— Да ты скажи толком!

— А я и говорю толком! — обиделся Вова. — Чёрт попутал…

— Да ты что, с ума сошёл — в таком виде являться сюда! — сказала Маринка и принялась отряхивать Вову.

А вокруг них поднялась пыль столбом. Маринка закашлялась. А чёрт захихикал:

— Вот потеха! Вот представление! Как в аду!

— Его отсюда надо вывести! — вдруг закричали окружившие Вову ребята.

— Ну вы поймите, честное слово, чёрт попутал... — начал оправдываться Вова. — Он у меня тут, под пиджаком, сидит. Честное слово! Вот он! — И Вова распахнул пиджак.

Но чёрт в одну секунду забрался в боковой карман и закрыл его на пуговицу.

Ребята с удивлением заглянули под пиджак, но никого там не нашли и тут же выставили Вову из Дома пионеров.

«Ну что делать? Что делать? — думал Вова. — Вот несчастный день!»

— Слушай, — предложил чёрт, — я вижу, у тебя плохое настроение. Давай сейчас заберёмся в какую-нибудь котельную и ну начнём шуровать! А? Там жарко! Дым столбом! Красотища!

— Никуда я больше с тобой не пойду! — сказал Вова. — И не приставай!

Вова вышел в скверик, сел на скамейку и горь-

ко задумался.

И вдруг Вова услышал за пазухой храп с присвистом.

Чёрт, свернувшись комочком, уже спал.

Вова толкнул его в бок:

— Ты что, спишь?

— А почему бы мне не спать? Я сегодня здорово повеселился! — открыл чёрт глаза. — А потом, ты меня сегодня хорошо накормил. Ну а после обеда что всегда полагается? Мёртвый час. Вот и спокойной ночи! — И чёрт снова захрапел.

«Он спит себе, а я тут мучаюсь!» — подумал Вова и вздохнул…

Когда чёрт проснулся за пазухой, то начал щипать Вову и говорить, что он голоден и ему надо хоть одно ругательное словечко! Но Вова молчал.

Тогда чёрт ударил Вову кулаком в ребро и выскочил из-под пиджака. Но не тут-то было. Вова схватил его за хвост, подбежал к мусорному ящику, бросил в него чёрта и с силой захлопнул крышку и ещё накинул замочный язык на ушко. И тут он кинулся бежать домой.

А чёрт закричал:

— Давай назад! Давай назад!

Тут Вова… проснулся в поту.

И услышал, что за окном урчит мусороуборочная машина и дворник Фёдор Иванович командует шофёру:

— Давай ещё назад! Давай назад! Стоп! Сейчас будем нагружать!

Красные яблоки

Валерка и Севка сидели на подоконнике и закатывались от смеха. Под ними, на противоположной стороне улицы, происходило прямо цирковое представление.

По тротуару шагали люди, и вдруг, дойдя до белого, будто лакированного асфальта, они становились похожими на годовалых детей — начинали балансировать руками и мелко-мелко семенить ногами. И вдруг… хлоп — один! Хлоп — второй! Хлоп — третий!

Было очень смешно смотреть, как прохожие падали на лёд, а потом на четвереньках выбирались на более надёжное место.

А вокруг них валялись и батоны хлеба, и бутылки с молоком, и консервные банки, выпавшие из авосек.

К упавшим прохожим тут же подбегали незнакомые граждане. Они помогали им встать на ноги и отряхнуться. И это тоже было очень смешно, потому что один дяденька помог какой-то тёте встать, а потом сам поскользнулся и снова сбил её с ног.

— А давай так, — вдруг предложил Валерка, —

будем загадывать: если кто упадёт, значит, ты проиграл, а не упадёт — выиграл!

— Давай, — согласился Севка и сказал: — Ну а как ты думаешь, во-он та старушка в платочке брякнется?

— Брякнется, — усмехнулся Валерка.

— А я говорю: нет. Ну, посмотрим, чья возьмёт! — ответил Севка.

И ребята буквально впились глазами в маленькую старушку, подходившую к злополучному месту.

Старушка остановилась перед широкой наледью. Она понимала, что ещё шаг — и ей несдобровать. Но обходить наледь было далеко.

Вчера в водопроводном колодце сорвало вентиль, и вода долго била из-под чугунной крышки, лежащей на асфальте. Неисправность вскоре устранили, но на улице, сияя на солнце, застыло хрустальное озерцо.

Старушка с минуту стояла, беспомощно оглядываясь по сторонам, а потом подошла к маленькому заборчику, тянувшемуся вдоль тротуара, и, держась за него руками, перешла опасное место.

— Э-э, хитрая старушенция попалась! — сказал Валерка. — Один — ноль в твою пользу. А теперь во-он видишь, толстый дядька с портфелем бе-

жит. Вот посмотришь — сейчас поцелуется!

— А я говорю, не поцелуется! — засмеялся Севка.

Но «выиграл» Валерка.

Толстый дядька, видимо, торопился на автобусную остановку и с размаху влетел на лёд. Здесь он всплеснул руками, потом высоко вскинул левую ногу и, широко взмахнув портфелем, хлопнулся об лёд. Но он тут же вскочил на ноги, подобрал шапку и, потирая ушибленный бок, побежал дальше.

— Молодец! Вот это физкультурник! Один — один, ничья! — сказал Валерка. — А теперь видишь вон ту, в красной шапочке? Упадёт или не упадёт?

— Хо, а это не твоя ли мамаша?

— Моя мама?! — встрепенулся Валерка.

— Да! — Севка вгляделся в подходившую ко льду женщину, но через секунду уже уверенно сказал: — Нет, не твоя. Твоя повыше!

И вдруг женщина упала. Она взмахнула руками и, разбросав вокруг себя по снегу красные яблоки, завалилась на бок. Упала и больше не встала. Вокруг неё тотчас же собралась толпа.

Валерка и Севка увидели, как какой-то человек выскочил из толпы и подбежал к будке теле-

фона-автомата. Потом эту женщину занесли в парадное.

Валерке почему-то очень захотелось увидеть её лицо, но он так и не смог — загораживали прохожие. Но вот приехала «скорая помощь», и женщину увезли.

Валерка был уверен, что эта женщина не его мама, и всё-таки не совсем. У неё ведь тоже была такая же походка, как и у мамы, и пальто такое же. И, главное, вот сейчас, в обеденный перерыв, мама должна была прийти с фабрики и накормить Валерку, а её нет!

— Ну, давай ещё загадаем… Во-он на ту девчонку. Проедется она носом или нет? — как ни в чём не бывало сказал Севка и уткнулся в окно.

— А у тебя голова, честное слово, трухой набита! — вдруг сердито сказал Валерка.

— А ты чего это разъярился?

— Ничего! Думай, что говоришь!

— Я и думаю! А не хочешь играть — я пошёл! — И Севка, обиженный, ушёл.

«Ну куда же мама задевалась? — думал Валерка и почувствовал, что ему становится страшно. — Она это была или не она? И почему я не выскочил на улицу?»

И вдруг в коридоре раздался звонок. Валерка

подбежал к двери и распахнул её.

На пороге стояла мама — румяная с морозца, улыбающаяся!

Валерка бросился к ней и суетливо стал помогать снимать пальто, чего раньше никогда не делал.

Ванькин папа и война

Это было давно. В первые дни Великой Отечественной войны. В одной семье вместе с папой и мамой жили брат и сестра — Ваня и Галя. Они были ещё маленькими, но, чем могли, помогали маме по хозяйству. А в основном они играли друг с другом и пели песни.

Вечером в доме на лестнице иногда не горел свет, и ребятам казалось, что на чёрном ходу сидит медведь. Возвращаясь с улицы домой, они, бывало, проносились мимо этого чёрного хода как угорелые. А вот их папа мимо чёрного хода никогда не бегал.

Он даже не испугался, когда и война началась. Мама заплакала, а он сказал:

— Ничего, разобьём фашистов! — И пошёл в военкомат записываться добровольцем на фронт.

Но никто его на фронт не отправил, а ему дали бронь — оставили работать на своём заводе.

Ваня с Галей очень огорчились, что их папа не поехал на фронт, но всем ребятам во дворе они сказали, что папа будет воевать в тылу и у него под рубашкой самая настоящая броня.

И вот так папа три года на заводе работал — вы-

пускал танки. А потом как-то раз пришёл домой и сказал:

— Ну, ребятки, я всё-таки добился своего! На фронт еду! — И стал собирать вещи.

Ваня ему тоже помогал. А когда мама вышла из комнаты, он попросил:

— Пап, возьми и меня на войну, а?

— Нельзя, — покачал папа головой. — Ты здесь за Галюшкой следить должен.

«И ведь правда, — подумал Ваня, — Галя-то у меня ещё маленькая. А вдруг её кто тронет?»

На прощание папа поцеловал ребят и сказал, чтобы они не баловались. Мама опять заплакала, а ребята нет. Чего плакать? Ведь папа разобьёт фашистов и опять приедет!

И Ваня с Галей висели у папы на ремнях. Повиснешь, а они не рвутся, скрипят и новыми ботинками пахнут.

Потом папа надел пилотку, оглядел комнату и сказал:

— Ну, пора идти…

— Ваньк, а что, наш папа — лётчик? — спросила Галя у брата.

— Нет, — ответил Ваня. — Он танкист.

— Не обманывай, — сказала Галя, — у танкистов пилоток не бывает. У них танкетки!

Ваня засмеялся. Ну чего она в Красной армии понимает? Ничего.

Только тут, правда, и он сам немножко ошибся. Папа сказал:

— Я служу в пехоте.

И уехал.

Скучно стало без него. И на лестнице страшнее. Галя дня через два прибегает к Ване и говорит:

— Ты знаешь, на чёрном ходу не медведь, а сам фашист сидит. Он такой лохматый, с красными руками, а нос у него синий-синий.

Ваня разозлился на Галю. Зачем она такую ерунду говорит? Кто фашиста к ним на чёрный ход пустит?

Мама часто плакала, а Ваня держался. Мало ли почему от папы не было писем. На войне ведь всё бывает. А всё же иногда и ему страшно становилось: а вдруг папу уже убили?

Но он Гале об этом ничего не говорил. Пусть себе играет.

Так много месяцев они жили втроём. Наступила весна 1945 года.

И вот как-то раз в комнате зазвонил телефон. Ваня снял трубку и сказал, что мамы нет, а когда придёт, он не знает.

А в трубке какой-то дяденька засмеялся:

— Ванька, да это же я, папа твой!

— Папа! — закричал Ваня и от радости трубку повесил.

А когда опять снял — только гудок гудел.

Ух и перепугался же он тогда!

Но тут телефон опять зазвонил, и Ваня услыхал папин голос.

— Ванечка, скажи маме, что я в госпитале, приходите ко мне завтра.

— Обязательно! — закричал Ваня. — Как мы тебя все любим!

Галя тоже влезла в разговор.

— Папа, а ты жив? — спросила она и сразу же отдала Ване трубку, захлопала в ладоши и стала прыгать на диване.

Под конец разговора папа поцеловал ребят и сказал:

— Ну, до завтра!

Теперь Ване нужно было маме на работу позвонить. Он позвонил, но не сразу всё сказал, а сначала спросил:

— Мама, а ты знаешь что?

А мама в ответ:

— Я ведь просила тебя не звонить так часто!

— Ну ладно, не буду, — сказал Ваня. — А наш папа знаешь где? В госпитале, вот где!

Вдруг в трубке что-то зазвенело, какие-то голоса послышались:

— Дайте воды! Валерьянку!

Ваня зовёт маму, а она не подходит.

Потом какой-то человек подошёл:

— Ничего, мальчик, всё в порядке. Маму начальник позвал.

Смешной какой-то был человек. Будто Ваня ничего не понял. А Ваня всё понял, и не нужно было его успокаивать.

Назавтра ребята пошли в госпиталь. Встали рано-рано, а на улицу вышли поздно. Это мама была виновата. Это она Галю хотела красивой сделать. Бант ей на голову привязывала, ботинки чистила. А Ване она сказала, чтобы он надел курточку. Такую, с белым платочком.

Да и сама мама тоже долго одевалась во всё новое. А когда она надела красную кофточку с голубыми цветами, Галя прошептала:

— Ой, мама-то у нас какая хорошая! И вся в салютах!

Они вышли на улицу.

Ваня нёс для папы подарок. В коробке лежали плитка шоколада и Галины рисунки. Там были нарисованы только люди и домики в дыму, и Галя говорила, что это война.

Когда к остановке подъехал трамвай, вагоновожатая не хотела впустить ребят через переднюю площадку.

— Народу полно! — сказала она. — Сидели бы дома!

Но Галя уже стояла на подножке.

— А мы к папе едем, в госпиталь. И нам даже без очереди можно! — сказала она и вошла в вагон.

Вышли ребята не скоро. Они приехали на окраину города.

Когда они шли по госпитальной лестнице, мама очень волновалась и всё спрашивала у Вани с Галей:

— Какой он будет, какой он будет?

А откуда им знать, какой папа будет? Такой, наверно, как и раньше: фокусы показывать будет, в кино с ними ходить будет.

И Ваня с Галей перескакивали через две ступеньки.

Но к папе сразу не пропустили.

— Ваш муж в шестой палате, — сказал доктор, — он вас ждёт. Только халат наденьте.

Мама надела халат и тоже стала похожа на доктора. А на ребят халатов не было, и они надели взрослые ночные рубашки. В них ни рук, ни ног не видно.

— А для чего так? — спросила Галя.

— Это потому, что ты заразная, — шутя сказал Ваня.

И они пошли по коридору. Тут ходили перевязанные бойцы. А один был с палочкой, и у него на глазах тряпочка висела. Как в жмурки играл.

Галя открыла рот и стала смотреть на него. А Ваня ей сказал:

— Не смотри! Он не видит.

И ему было очень жалко раненого бойца.

И вдруг Ваню сзади кто-то подхватил и подкинул к потолку. Глядит — и Галя тоже уже под потолком руками машет!

— Папа! — узнал Ваня сразу.

— Папа! Папа! — закричала Галя.

И ребята стали его целовать в лицо, в нос, в уши. А он — их.

Сначала долго целовались, потом пошли в палату.

Папа усадил ребят на постель, а сам полез в тумбочку. Оттуда запахло чем-то вкусным.

Ваня тоже туда заглянул. А там были конфеты, и яблоки, и кисель в стакане.

Но Ваня у папы ни крошки не попросил. Папе поправляться надо. А ребята сами по своим детским карточкам всё получают.

— Ну, братцы-кролики, ешьте, я для вас сберёг, — вдруг сказал папа и высыпал конфеты на постель.

Ваня их сначала сосал понемножку, потом стал есть целыми. А потом даже две штуки в карман положил.

И Галя тоже ела.

А папа всё с мамой говорил. Мама ему рассказывала, как обувала ребят, как кормила, как они его ждали.

Потом папа рану показывал на ноге.

Ваня думал, что это будет какая-нибудь дырка от пули и через неё смотреть можно будет, а это была просто красная кожа. И крови даже не было.

— Поджила, — сказал папа и завязал ногу. — Теперь уж скоро войне конец.

— Ой, папа! — вспомнил Ваня. — Мы тебе подарок принесли!

Он вынул из коробки шоколад и Галины рисунки. Он думал, что папа сразу же шоколад съест, но ему понравились только непонятные рисунки.

— Вот молодец! — удивлялся папа и целовал Галю.

Долго ребята сидели у папы, чуть ли не до самой ночи. Ему и градусник ставили, и пилюли

давали, а они всё сидели.

Потом Галя сказала:

— Я хочу спать!

И все стали прощаться.

Папа проводил ребят до ворот госпиталя.

И вдруг они увидели, как все люди стали выскакивать из домов на улицу, потому что на площади заговорило радио:

— Товарищи! Враг капитулировал! Мы победили!

И что тут поднялось! Все люди стали обниматься и целоваться друг с другом. А потом какие-то мужчины подхватили папу на руки и стали его качать. Папа взлетал к небу и махал руками. А мама кричала:

— Осторожно! Осторожно!

И тут же прямо в больничном халате папа решил поехать домой. Мама сказала, что, наверно, врачи будут ругаться, но папа ответил:

— Ничего не будут! В такой день можно!..

И вот ребята пришли к себе в комнату и в один голос закричали, что как хорошо, что нет войны, и как хорошо, что снова можно жить вместе с папой и мамой!

Находка

Витя шёл по бульвару удивительными зигзагами… Не обращая внимания на прохожих, он устраивал… взрывы. Подойдёт к одной куче листьев и по ней ногой — трах! Подойдёт к другой и снова — трах! А листья, как из пушки, — вверх! И долго летают в воздухе.

Витя — белобрысый мальчик с бледненьким лицом и синими большими глазами. На нём кепка козырьком на затылок, через плечо на верёвочке висит портфель, от которого пахнет скипидаром. Для того чтобы портфель выглядел новым, Витя чистит его ваксой.

Мальчику хочется есть. Сегодня мама дала ему на завтрак пятнадцать копеек, но Витя потратил деньги не по назначению. Он купил себе бумажные пистоны и забавлялся ими во время школьных перемен. Пистоны оглушительно стреляли, когда по ним били каблуком, и все ребята завидовали Вите.

Но вот Витя погнал по бульвару какой-то упругий газетный комок, который выскочил из кучи. Витя бил по нему и с разбегу, и с места, и «через ножку». Наконец, подогнав комок к выходу с

бульвара — здесь уже проходила трамвайная линия, — Витя положил его на блестящий, будто отникелированный рельс и топнул по нему ногой.

Вдруг перевязанный верёвочкой комок развернулся, и Витя увидел под ногами… деньги. Это были пятирублёвки, лежавшие на рельсах, словно синий веер.

— Клад! — прошептал Витя и, моментально схватив деньги, прижал их к груди и что есть силы понёсся домой.

Ему всё время казалось, что за ним кто-то бежит.

«Фу! Даже не верится! — подумал Витя, взлетев к себе на третий этаж. — Вот бывает же: шёл, шёл и нашёл».

Он быстренько сосчитал пятирублёвки. Их было ровно двенадцать, новеньких, хрустящих.

«Обалдеть можно! Шестьдесят рублей!»

У Вити вдруг отчаянно заколотилось сердце и что-то сжалось в животе. Ему было и радостно, и страшно. Нет, этого никогда не может быть, чтобы на улице просто так деньги лежали. Их, наверно, кто-нибудь специально положил — проверить людскую честность. Но всё-таки, кто же будет бросать специально такие деньги на

землю? Видно, они кем-то потеряны! И, значит, их можно тратить!

Дома Витя незаметно от мамы спрятал в тёмный чуланчик деньги. Там лежали старые галоши, газеты, утюги, бутылочки из-под лекарств, и туда редко кто заглядывал.

За столом он сидел молча, уткнувшись в тарелку. Запах картофельного супа приятно щекотал ноздри, но зачем наедаться супом, когда можно пойти в магазин и взять двадцать пирожных, даже тридцать?! А что, если правда купить тридцать пирожных, угостить маму, всех соседей и самому наесться на целый год?

А ещё можно накрыть во дворе стол и поставить на него всяких яблок и печений, а потом позвать всех ребят. «Что за праздник у вас?» — будут спрашивать прохожие. А ребята хором ответят: «Это Витя Горчаков угощает! Он добрый». Но, конечно, всё это глупости. Яблоки и пирожные съешь, а назавтра всё равно опять их захочется. Надо что-нибудь из вещей купить, чтобы надолго хватило. Но что? Ботинки? Шапку? Пальто?

Витя почувствовал, что голова у него пошла кругом. Ему так спокойно жилось, а теперь прямо места себе не найдёшь. Маме деньги показать — начнёт спрашивать, откуда взял, и ещё, чего

доброго, отнимет. Надо, скажет, найти хозяина... А где его найдёшь? А ребятам показать — позавидуют или скажут: «Давай тратить на всех»... А жалко их без толку тратить...

После обеда Витя решил пойти на улицу, чтобы прикинуть, на что можно потратить деньги с толком. Шагать по проспекту с деньгами было очень приятно. Первым делом он выпил стакан газированной воды за четыре копейки и разменял первую бумажку. Потом он зашёл в рыбный магазин и съел пирожок с вязигой и бутерброд с красной икрой. Вязига от обыкновенного риса отличалась лишь тем, что пахла рыбой.

И Витя понял, что потратил деньги без толку. А может быть, и с толком, потому что в следующий раз он никогда не купит такого пирожка.

Есть больше не хотелось, и тогда Витя поехал в мебельный магазин. То, что он задумал, было просто невероятно. Он решил купить шкаф, погрузить его на такси и привезти домой. Мама ахнет: «Откуда это?» Но возвратить истраченные Витей деньги она уже не сможет: «Купленный товар обратно не принимается».

Но в мебельном магазине была толкучка: привезли алюминиевые кровати-раскладушки, и Вите расхотелось покупать шкаф. Он решил по-

ехать в зоопарк.

В центре парка на маленьких ослах и пони по кругу катались ребятишки. Витя сначала прокатился на осле, потом на пони, а в другом месте зоопарка залез на верблюда. По бокам верблюда висели две корзиночки, и справа от Вити вдруг очутилась какая-то девочка. У неё были длинный нос и светлые волосы, а на макушке висел голубой бант, который развязался. К Витиному верблюду за хвост был привязан другой верблюд, и, когда караван под предводительством старика с кожаной сумкой и билетиками, как у кондуктора, тронулся, девочка схватила Витю за руку. Витя хотел отдёрнуть руку и сказать: «Чего хватаешься?» — но, увидев, что девочка побледнела, успокоил её:

— Это ещё ничего, а других вот тошнит.

Караван медленно двигался по аллеям. Справа и слева в высоких клетках рычали тигры, выли шакалы и летали попугаи. А в огромном котловане с каменным барьером по серым скалам ходил белый медведь.

Свою спутницу по каравану Витя потерял в толпе в ту же минуту, когда девочка вылезла из корзинки на деревянный помост. Потом он её увидел с мамой около газетного киоска. Но по-

дойти к ней не решился. И стало Вите почему-то грустно. Нет, надо было бы взять с собой кого-нибудь из знакомых мальчишек.

Побродив ещё немного по аллеям и съев три эскимо, Витя отправился домой.

И хотя мама всегда говорит, что деньги летят очень быстро, при подсчёте оказалось, что за целый день был истрачен всего-навсего рубль.

В чуланчике Витя начал заворачивать в чистую газету своё богатство и вдруг обнаружил в старом бумажном комке записку. Как он раньше не обратил на неё внимания?

«Дорогая мамочка! Поздравляю тебя с днём рождения. Целую. Алёша».

Витя вздохнул. Вот не было печали — хозяин нашёлся! Шёл, наверно, к маме и потерял. Но нет ли адреса ещё на бумажке? Нет? И, значит, этих денег всё же Витя хозяин! А почему теперь Витя хозяин?

Витя вдруг представил себе незнакомую «мамочку». Она почему-то походила на Пелагею Павловну, жившую под Витиной квартирой. Маленькая, морщинистая старушка в чёрном платке. У неё был только один зуб, впереди. Витина мама в праздники всегда угощает Пелагею Павловну пирогами. Старушка тоже имела где-то

взрослого сына, но в каком городе он жил, Витя не знал.

Вечером, когда Витя лёг спать, в животе у него что-то урчало. Наверно, переел мороженого. Вите захотелось сразу уснуть, и он стал считать слонов… Один слон… два слона. Но вдруг Вите показалось, что вместо слонов он считает свои деньги. Да, да, у него в руках деньги, как синий веер. И даже больше — он стоит в магазине и покупает велосипед и два пирожка. А затем к нему подходит верблюд и по-человечьи говорит: «Ага, попался! Теперь я скажу старушке!» И Пелагея Павловна хочет укусить Витю своим единственным зубом.

Витя проснулся в шесть часов утра. «Что же делать? — думал он. — Ну хорошо, положим, я деньги как-нибудь верну хозяину. Но ведь это благородный поступок! А кто о нём узнает? Может быть, сходить с этими деньгами в «Пионерскую правду»? Главный редактор, конечно, сразу распорядится, чтобы Витю сфотографировали и написали о нём такую заметку: “Вчера ученик 4-го класса «Б» Витя Горчаков нашёл крупную сумму. Не истратив ни копейки, Витя решил вернуть деньги пострадавшему. Пионер просит пострадавшего зайти по адресу: 4-й Колобовский,

дом № 27, квартира № 8. С часу дня до шести вечера. На снимке: Витя Горчаков с деньгами”».

Но этот план Витя отклонил сразу. Ну, положим, что редактор напечатает такую заметку. Её все прочтут, и тогда любой человек сможет прибежать в редакцию и сказать: «Отдайте! Это я потерял!» А как его проверишь? Но, конечно, для этой проверки можно будет отвести специальный кабинет, и Витя будет сидеть за большим столом. Теперь пускай кто хочет идёт. А он каждого будет спрашивать: «А как вас зовут?» Вот тут-то он их и поймает! Но нет, наверно, никто не придёт за чужими деньгами.

В общем, после долгих размышлений Витя решил, что, как бы он ни хотел вернуть хозяину деньги, вернуть он их едва ли сможет: не найдёшь человека. И, следовательно, эти шестьдесят рублей он может тратить с лёгкой душой.

С этого дня у Вити началась весёлая неделя. Он почти каждый день ходил в кино. Покупал себе шоколадные конфеты, пирожные, приобрёл в спортивном магазине ручной силомер, купил на подставке рыбий скелет. В магазине ДОСААФа, увидев старый, ржавый телеграфный аппарат, тоже его купил. Зачем ему были нужны силомер, рыбий скелет, телеграфный аппарат, он и сам не

знал, но всё-таки обладать такими вещами было очень приятно. Витя спрятал их в чуланчике и иногда сжимал в кулаке силомер и рассматривал устройство рыбьей головы. А телеграфный аппарат он разобрал и превратил в кучу интересных деталей.

На последний гривенник Витя купил себе «уйди-уйди» — смешную пищалку с резиновым чёртиком на конце.

Деньги пролетели быстро, незаметно, и теперь без них Вите было как-то легче: не надо ходить по магазинам, не надо бояться, что про деньги узнает мама и будет ругать Витю за утайку.

А в субботу папа принёс с завода получку — пятьдесят рублей за полмесяца. Они взяли с мамой в руки карандаши и стали распределять деньги на питание, на оплату квартиры, телефона, газа, на трамвайные расходы, на папиросы папе, на парикмахерскую.

Папа был серьёзен. Он сокращал то «папиросную» статью, то «киношную».

— М-да! — говорил он. — Тут надо бы выкроить что-нибудь Витюшке или на ботинки, или на зимнюю шапку, а то замёрзнет скоро паренёк.

— Ну, давай выкраивать, — отвечала мама.

И они снова писали на бумажке цифры.

Перед ужином папа торжественно сообщил, что зимняя шапка уже «выкроена» и надо завтра же пойти за ней в магазин. А иначе деньги можно распустить по мелочам, и тогда будущий помощник — Витя — простудится, останется «без головы».

— А пальто, брат, мы тебе ещё через месяц соорудим. Вот я на сверхурочную работу останусь, — улыбнулся папа.

— Ладно, я подожду, — сказал Витя и подумал, что если бы он не истратил те шестьдесят рублей, то пальто можно было бы купить хоть сегодня. Но постойте, на каком основании он мог на эти деньги покупать пальто? Он что, заработал их? Нет! Это были чужие деньги! И, может быть, незнакомый Алёша вот так же, как и папа, сидел и «выкраивал» на обеды, на одежду для своей матери. А Витька взял и махнул их в два счёта! Не понёс в милицию, не настаивал на розыске хозяина, а потихоньку, как жадный человек, проел их, потратил. Ведь, честное слово, можно было в милицию отнести! И, может быть, нашёлся бы этот самый Алёша. Вот бы обрадовался! Полмесяца не зря работал!..

У отца было усталое лицо. В тонких, упругих пальцах с въевшейся в них металлической пы-

лью карандаш еле заметно дрожал. У отца всегда пальцы чуть-чуть дрожали, когда он приходил с работы, — это Витя заметил давно. Но сегодня ему особенно больно было это видеть. Ему почему-то казалось, что и у неизвестного для него Алёши были такие же руки.

Ответственный редактор

Сразу после ужина Боря развил бурную деятельность. Он аккуратно расставил стулья вокруг стола, налил в графин свежей воды, выключил телефон и разложил на скатерти листы чистой бумаги.

Ровно в восемь часов к нему пришли Игорь и Ромка.

— Борь, вытаскивай свой альбомчик! Я тут хорошие марки принёс — поменяемся? — ещё не сняв пальто, воскликнул в коридоре Ромка.

Но, к его удивлению, Боря вдруг сухо ответил:

— Никаких альбомчиков. Сейчас же начинаем работать. Прошу к столу.

Усевшись на стуле, Боря налил в стакан воды, отпил немножко и сказал:

— Заседание редколлегии считаю открытым. Какие у нас задачи? Нам надо написать передовицу — это раз! — Боря согнул один палец. — Надо собрать материал — это два! — Он нажал на второй палец. — И художественно оформить — это три! Я, как ответственный редактор, беру на себя передовицу и оформление, а тебе, Игорь, я поручаю ошибочный отдел.

— Как это — ошибочный?! — вытаращил Игорь глаза.

— Не бойся, не бойся. Будешь только ошибки в газете исправлять, ты же ведь хорошо диктанты пишешь. А Ромка будет завотделом писем…

— А бухгалтер кто? — спросил Ромка. — Если Борька ставит дело с разными заведующими, так нам нужен и бухгалтер.

— Ты не смейся! — сказал Боря. — У нас дело пойдёт по-серьёзному и без бухгалтера.

Игорь и Ромка впервые видели Борю таким деловитым. Ромка смотрел на него, и несколько раз ему хотелось сказать Борьке: «А что ты из себя начальника строишь? Только вчера выбрали, а ты уж и рад командовать!» Но, когда Боря дал ему ещё одно задание — принести из дома пишущую машинку, — Ромка неожиданно для себя тоже налил в стакан воды и сказал:

— Машинка будет!

С этого вечера у Бори началась новая жизнь. Он завёл небольшой коленкоровый портфельчик, на котором печатными буквами было написано «Портфель редакции», и складывал туда ребячьи заметки. По нескольку раз в день он таинственно шептался с Игорем и Ромкой об оформлении, обсуждал с ними карикатуры. Выпуск этого номера

газеты был необычным — газета шла на конкурс, объявленный между пятыми классами.

Всё шло хорошо, но вот, когда Боря решил уже приступить к основной работе с клеем и красками, на одной из перемен в своей парте он нашёл заметку за подписью: «Красный глаз». В ней говорилось о том, что Ромка Кузнецов очень увлекается марками и забывает об уроках. Статейка называлась «О низком качестве географических знаний».

Весь день Боря не решался сказать Ромке об этой заметке. Но вечером, когда редколлегия вновь собралась на Бориной квартире — это было последнее заседание, утром стенгазета должна была выйти в свет, — Боря, как бы между прочим, протянул Ромке сложенный вчетверо листок.

— Возьми-ка вот, прочитай! — сказал он.

Чем дальше Ромка читал, тем больше мрачнел.

— Ерунда! — наконец сказал он и усмехнулся. — Тоже мне Красный глаз! Если я один раз про какой-то Иртыш не знал, так об этом сразу в газете печатать?

— А почему же не печатать? — сказал Игорь. — Не увлекайся марками чересчур.

— Наоборот, они мне помогают! Вот скажите,

где находится Сальвадор?

— И скажем, — ответил Боря, нахмурившись, — в Центральной Америке. Сальвадор знаешь, а Иртыша-то не нашёл!

Ромка исподлобья взглянул на Борю:

— Значит, ты будешь её печатать?

Секунду Боря колебался. Может быть, действительно не стоит задевать Ромкино имя? Ведь Ромка, в сущности, неплохой мальчишка и к тому же друг. Но потом Боря сказал:

— Если пишут правду, я должен её печатать.

— «Пишут правду»! — усмехнулся Ромка. — Откуда ты знаешь, что это правда? А может быть, я совсем и не из-за своих марок пострадал, а по уважительной причине. Материал надо сначала проверить, а потом уже печатать.

— А из-за чего же ты не выучил урока? — спросил Игорь.

— Как — из-за чего? — Этот вопрос застал Ромку врасплох. — Ну, я… занят был…

— И чего ты, Ромка, тут выкручиваешься? — вдруг сказал Боря. — Ведь я очень хорошо помню тот день, когда ты по географии отвечал. Ты тогда перед уроками в филателистический магазин ходил. Было? Было! Вот материал и проверен.

— Пожалуйста, печатайте! — сказал Ромка. —

Только от руки много не напечатаете.

— Ты не дашь машинку?! — спросил Игорь, побледнев.

— А что ж ты думаешь, что я на своей машинке да про себя заметку буду писать? Жди! — Ромка схватил пальто и вышел из комнаты, хлопнув дверью.

— Эх, может быть, не нужно было ссориться! — минут через пять вздохнул Игорь, потому что Боря выложил перед ним штук пятнадцать заметок, которые надо было теперь переписывать от руки.

— Ничего, — сказал Боря. — Нам такие члены редколлегии не нужны.

Он положил на пол белоснежный ватманский лист и быстро набросал контуры заголовка. Стенгазета называлась «Пионерский горн». Акварельная краска ложилась ровно и мягко. Игорь и Боря то и дело вставали на ноги, чтобы издали оглядеть свою работу.

И вдруг в тот момент, когда заголовок был уже написан, Игорь, поднимаясь с колен, задел рукой блюдечко с красно-бурой водой и опрокинул его на ватманский лист. Длинный ручеёк наискось пересёк газету.

— Тьфу! — мрачно плюнул Боря. — Вот не везёт!

И машинки нет, и кляксу посадили!

— Какой-то рок преследует! — сказал Игорь. — А может, на завтра отложим? Завтра и Ромку уговорим, и на свежую голову что-нибудь придумаем.

— Да чего там откладывать! Надо закончить сегодня, и всё! — сказал Боря. — Но что только делать? Заклеить, что ли?

Он полез в свой стол и начал рыться в журналах, ища какой-нибудь рисунок. Но ничего такого подходящего к газете не нашёл.

И вдруг Боря вытащил из ящика печатный лагерный плакат. На фоне палаток стоял розовощёкий горнист. А внизу было написано: «Солнце, воздух и вода — наши лучшие друзья!»

— Эврика! — закричал Боря. — Мы спасены!

Он положил этот плакат на ватманский лист и острым концом деревянной кисточки стал обводить пионера с горном. На газете оставался еле заметный след. Потом Боря провёл карандашом по этому следу, и на ватмане улеглась точная копия горниста.

— Игорь, разводи краски! — сказал Боря и смущённо улыбнулся. — Правда, этого пионера мы должны были бы сами нарисовать, но, может быть, примут, а?

Горнисту ребята подрумянили щёки, глаза

сделали чёрными, а горн посыпали золотой блёсткой…

Вдруг поздно вечером явился Ромка. Он жил в соседнем доме и прибежал без пальто, держа под мышкой пишущую машинку в футляре.

— Давайте, что печатать! — сказал он скороговоркой. — Я с папой говорил. Его тоже однажды критиковали в стенгазете…

— А заметку про себя отпечатаешь? — спросил Игорь.

— Конечно, — сказал Ромка. — Могу хоть в двух экземплярах! Мне не жалко…

Стенгазета вышла яркой и радостной. Боря повесил её на стену для просушки, и в комнате словно сразу стало светлее…

А на следующий день после уроков жюри конкурса, куда входили пионервожатая Аня и учитель рисования Юрий Осипович, начало рассматривать стенные газеты.

Вскоре ответственные редакторы со своими членами редколлегий были приглашены в пионерскую комнату. Боря вошёл последним. Он увидел свою газету, приколотую кнопками к стене, и уже не мог оторвать взгляда от пионера с золотым горном. Ему казалось, что все смотрят на этого пионера и понимают, что его нарисовал

не Боря, а настоящий художник.

Редакторы, как на пионерской линейке, выстроились шеренгой, и вожатая Аня объявила результаты конкурса.

— Первую премию, — сказала она, — большую коробку акварельных красок, мы выдаём газете «Пионерский горн»!

Боря подошёл к Ане и под аплодисменты присутствующих получил награду.

— Спасибо за краски, — тихо сказал он Ане. — Но этого пионера с горном не мы рисовали. Он был на плакате напечатан.

Боря ожидал, что сейчас ребята закричат: «А-а, на чужой счёт живёте!» — но, к его удивлению, ничего этого не произошло.

— Правда? — спросила Аня. — Хорошо, вы его перевели, но мы даём вам премию не только за рисунок… У вас принципиальная газета.

И она, чуть-чуть улыбаясь, посмотрела на Ромку.

«Тошка»

Я заглянул в наш пустой ещё класс и вдруг увидел Димку. Красный, взъерошенный, он сидел за партой в глубокой задумчивости и разглядывал какие-то скомканные бумажки. Заметив меня, он зло стрельнул своими голубыми глазами и хлопнул ладонью по бумажкам.

— Вот, полюбуйся! — сказал он. — И это в нашем коллективе!

На первом клочке я увидел корявые строчки: «Тошка! Тошка! Как много в этом слове для пионера завелось!» А на втором было ещё похлеще: «Я люблю Тошку!»

У меня в душе что-то ёкнуло, но я твёрдым голосом спросил:

— Откуда это?

— Нашёл в классе, когда пол подметал, — почти шёпотом ответил Димка. — Ну, что скажешь, а? В нашем отряде любовь! И в ней замешана твоя Тошка! А почерк узнаёшь чей? Лёньки Соловьёва!

— Нет, этого не может быть, — сказал я. — Они совершенно разные люди.

— Положим, так! — горячо сказал Димка. —

Но всё равно, раз такие записки появились, мы должны принимать меры!

— Во, посмотрите на него! — сказал я. — Нашёл себе занятие… Может быть, подумаем о каких-нибудь других делах?

— На что ты намекаешь?

— А на то, что, кроме сбора металлолома, мы ничем не занимаемся. И Тошка тебя правильно на сборе критиковала!

— Ну знаешь ли, ты мне это брось — своих соседей защищать! — вскипел Димка. — А может быть, ты сам эти записки написал?

— Да ты что, свихнулся? — Я замахал на Димку.

— А раз нет, тогда слушай! В общем, я объявляю тайный розыск автора. Для начала, я считаю, нам надо устроить лекцию. Положим: «Есть ли любовь на Марсе?» Она будет с намёком. Мы будем говорить про Марс, а сами начнём наблюдать за Землёй. Чуть кто на лекции взвизгнет, значит, у того нервы не выдержали и, значит, тот влюблён! А? Как ты смотришь?..

Согласитесь, я всё-таки не мог пройти мимо этого случая с Тошкой. Кто же всё-таки мог состряпать эти записки? Но я предложил Димке другой ход — без лекций и без взвизгиваний.

С первого урока мы с Димкой повели наблюдение за классом. О, это было любопытное занятие — подмечать в ребятах всё то, на что ты раньше совсем не обращал внимания. У Лёньки Соловьёва, оказывается, была бородавка на щеке, а школьные брючки такие короткие, что над краем ботинок даже голые ноги виднелись.

Гришка Цырлин — курносый, со свекловичными щеками — на перемене окунал в банку с тушью капиллярную трубочку и писал какие-то странные этикетки: «Компот — 5 коп.», «Рыбные фрикадельки — 30 коп.».

Федька Соколов с вниманием пересчитывал на парте чистые почтовые открытки. Их была целая пачка — штук двести. Откуда они взялись?

«У Тошки Бабкиной появился маникюр! — написал мне на уроке Димка. — Хе-хе, явление многозначительное! Будем бдительны! А у Ленки Крыловой новые туфли!»

«Оболтус! — ответил я ему. — Поменьше смотри на девчонок!»

«Внимание! — вскоре написал он мне снова. — Я сейчас видел, как Тошка что-то передала Соловьёву! Будем хватать его на перемене!»

И действительно, как только кончился урок, Лёнька Соловьёв первым выскочил из класса и

куда-то помчался по коридору.

Мы его еле догнали в толпе мальчишек. Я хотел было Лёньку незаметно припереть к стенке, но Димка не понял меня и свалил его на пол.

— И куда ты всё бегаешь, бегаешь? — спросил он ласково, сев на него верхом.

— В буфет! — ничего не понимая, ответил Лёнька.

— А как настроеньице? — склонился я над ним.

— Прекрасное…

— А что это тебе Тошка на уроке передала?

— Деньги… чтоб я ей пирожок купил с мясом.

— Ага, с мясом… — сказал Димка. — А битки в дверях не хочешь?

— Нет.

— Значит, тогда скажи, чьи это стихи: «Тошка, Тошка, как много в этом слове для пионера завелось!»?

— А откуда вы их знаете? — вдруг с удивлением спросил Лёнька.

— А мы всё знаем! Говори, чьи?

Но вдруг Димка полетел в одну сторону, я — в другую, а Лёнька Соловьёв, как пташка, вспорхнул из-под нас двоих и убежал.

Оказалось, что в этот момент мимо нас прохо-

дил какой-то десятиклассник-дружинник и, не поняв, что между нами происходит товарищеское собеседование, разбросал нас по сторонам.

Но мы не огорчились: «тошкливая нить» была уже в наших руках.

Вечером того же дня я готовил уроки, и вдруг в квартиру кто-то позвонил. Прежде чем открыть дверь, я спросил:

— Кто там?

— Телеграмма! — ответил женский голос.

Я открыл дверь и остолбенел: передо мной улыбалась Ленка Крылова! Она ужасно смутилась, пробормотала: «Я не знала, что ты здесь живёшь!» А потом, не глядя, протянула телеграмму и быстро-быстро затопала каблучками вниз по лестнице.

Телеграмма была настоящая. От отца с Сахалина. Только как она попала к Ленке?

Но подождите, это ещё не всё.

В воскресенье вечером мама попросила меня сбегать в гастроном и купить кефир. Однако магазин был уже закрыт, и я направился в кафе-молочную. Открываю дверь и чуть в обморок не падаю: среди столиков в белом халате ходит моя соседка Тошка Бабкина и собирает на поднос посуду.

Я мог бы, конечно, подойти к ней, но, решив, что ей, пожалуй, эта встреча будет неприятна, незаметно вышел из кафе.

Я думал: говорить об этом Димке или нет? Ещё будет над ней издеваться. Дескать, все пионеры по домам сидят и уроки учат, а эта деньги себе подрабатывает! И смотрите где — в кафе! А может быть, она маме-официантке хочет помочь? Нет, всё-таки я не выдам свою Тошку!

Не успел я прийти домой, зазвонил телефон. Это был Димка. Он не кричал, а просто вопил в телефонную трубку:

— Вовка, давай быстрей на улицу! Здесь такое представление — прямо ахнешь!

Димка звонил из автомата. Мы с ним встретились около кинотеатра и помчались на проспект. Здесь, на углу возле «Синтетики», стоял в стеклянном газетном киоске Лёнька и быстро-быстро продавал только что поступившую вечернюю газету.

— Вот он каков, наш Соловьёв! — прошептал Димка, глядя со стороны. — Как будто его бабушка сама не может справиться. Не спускай с него глаз, будем следить, куда он пойдёт! Мы не позволим ему эксплуатировать свой детский труд!

Распродав газеты, Лёнька подсчитал выручен-

ные копейки, а потом, погасив в киоске свет, побежал — и куда бы вы думали? — ко мне в дом.

Минутой позже мы с Димкой увидели, как в моё парадное прошмыгнули и Федька Соколов, и Ленка Крылова, и Гришка Цырлин, и ещё другие ребята из нашего класса.

Я сразу догадался, что это не случайно. Они — к Тошке Бабкиной, которая живёт подо мной.

Мы с Димкой поднялись ко мне в квартиру, легли на мой балкон и свесили с него головы.

У Тошки на кухне вовсю гремел магнитофон. Кое-кто из ребят танцевал. Ленка на газовой плите жарила яичницу. Федька открывал консервную банку голубцов с мясом.

Потом все уселись за стол, чокнулись лимонадом и озорно закричали: «Да здравствует Тошка!»

В обрывках их разговоров чаще других слов мы улавливали такие: «Ленинград», «Аврора», «Русский музей».

Посмотрев друг на друга, мы с Димкой вдруг поняли, что это дело с непонятной Тошкой не такое уж простое.

Нам их надо обязательно вывести на чистую воду. Иначе как же тогда Димке жить на свете:

его пионеры все вместе внизу, а их председатель отряда один наверху.

Я решил помочь моему другу. Чтобы восстановить свой авторитет, Димке сейчас же надо было совершить какой-нибудь героический поступок.

Я обвязал Димку, как альпиниста, крепкой верёвкой, пропустил её сквозь балконные прутья и стал потихоньку опускать друга со второго на первый этаж. Как он там болтался в воздухе, я видеть не мог. Но вдруг внизу раздался ужасный крик:

— Ой, Димка повесился!

— Я ещё не повесился, — пыхтя, ответил Димка. — Только скажите, что такое «Тошка»?

И тут я чуть не выпустил верёвку из рук. Наши ребята дружным хором ему ответили:

— Трудовое общество шестого класса «А»!

Бумажный голубь

После уроков, когда учительница зоологии Марья Алексеевна вышла из класса, на парту вскочил Юра Иванов:

— Эй, вы! Смотрите! Голубь новой конструкции!

Ребята, которые, весело разговаривая, распихивали по сумкам учебники и тетрадки, на секунду умолкли. Юра подкинул голубя к потолку. Ударившись о потолок, голубь камнем пошёл вниз, но над самыми партами вдруг круто взмыл и, зачерпывая крыльями воздух, поплыл в угол класса.

Все восхищённо следили за ним. Кто-то шепнул: «Вот здорово!» Юра слыл в классе за первого мастера по голубям, и многие ему завидовали.

— А я лучше сделаю! — вдруг воскликнул Миша Вознесенский.

Он выхватил из сумки первый попавшийся под руку учебник, вырвал из середины три листа и разложил их на парте. Приходивший недавно к папе в гости знакомый показал Мише, как надо делать голубя — да какого голубя, классического! Правда, он делал его из толстой ватманской бу-

маги, но и эти листы были подходящими.

— Что же ты из учебника вырвал? — заметил сосед по парте.

— А, неважно, — отмахнулся Миша.

Первый лист пошёл на крылья, но только не на плоские, как обычно делают, а на дутые, угловатые, похожие на крылья стрижа. Из второго листа Миша сложил фюзеляж. А из третьего получилось красивое хвостовое оперение, как у бомбардировщика.

Миша быстро скрепил все три части, поправил погнувшиеся крылья и закричал:

— А ну, Юрка, давай кто кого!

— Что вы в классе сражаетесь? Пошли лучше на улицу, — предложил Вадик Поляков.

— Пошли! — согласились остальные.

Схватив сумки, они выскочили из класса и с гиканьем понеслись по коридору. Впереди с голубями в руках бежали Юра и Миша. Уборщица тётя Фрося, которую они чуть не сбили с ног, закричала им вслед:

— Вот угорелые! Весна, что ль, на вас влияет?

На улице стояла чудесная майская погода. Голубое бездонное небо было чисто. Свежие, словно омытые недавними дождями, солнечные лучи, отражаясь в лужах школьного двора, били в

глаза. В воздухе чувствовался сладковатый запах распускающихся молоденьких лип. На ветвях, важно надув грудки, сидели воробьи и деловито чирикали.

— Кидай первый! — сказал Миша. — У кого больше секунд пролетит, тот и победил. Ладно?

— Ладно! — согласился Юра и с размаху швырнул голубя в воздух. Он взлетел высоко.

— Раз, два, три… — считали ребята, затаив дыхание, — пять… семь…

Голубь, покачиваясь, летел к луже.

— Упал!

— Значит, у тебя семь! — сказал Миша. — А теперь мой.

Он дунул для счастья в крылья, поплевал на острый носик, а затем, словно гранату, как-то из-за головы бросил своего голубя.

— Затяжной полёт в стратосферу! — скороговоркой произнёс он и начал считать.

Голубь, взлетев выше первого этажа, тюкнулся в кирпичное здание школы и поплыл дальше.

— Пять… семь… восемь… — считали ребята.

Голубь шёл к земле. Вдруг его подхватила какая-то невидимая рука, и он опять взмыл. Он летел на воробьёв. Прервав деловитое чирикание, они испуганно взлетели. Зацепившись за

ветви, голубь пошёл вниз и, описав дугу, сел на асфальт.

— Пятнадцать! — гордо воскликнул Миша. — Наша взяла! Пятнадцать секунд! — И побежал за голубем.

Он поднял его и, сдув пыль, осторожно засунул в сумку.

А Юра своего голубя, намокшего в луже, презрительно растоптал ногами. Ему, конечно, было обидно, что теперь мастером по голубям будет считаться другой.

Размахивая сумками и оживлённо болтая, ребята вышли со двора.

Дома Миша, заглянув на кухню, бросил:

— Мам, дай поесть! — И пошёл в комнату.

На своём письменном столике он выложил из сумки все учебники, а затем осторожно вынул голубя. Обмакнув перо, он аккуратно написал на нём: «Мой рекордсмен! 15 секунд!» — и положил в средний ящик. Здесь у него в одном углу хранилась «Пионерская правда» с интересными фотографиями и загадками, а в другом углу лежали ненужные номера. Так, на всякий случай.

— Мам, а чья это? — спросил Миша, заметив на столе широкополую соломенную шляпу.

— Папина, в командировку. Купила сегодня

случайно, — ответила мама, расставляя на столе тарелки.

Миша надел шляпу и подошёл к зеркалу. Шляпа была велика и упала ему на нос. Откинув её на затылок, Миша подмигнул сам себе: дескать, ну, брат, не подкачай! Ему захотелось, чтобы немедленно, завтра же начались экзамены. Ему казалось, что он не вынесет этих пятнадцати дней, оставшихся до экзаменов.

Но экзамены подошли совсем незаметно. Хотя Миша сдавал их уже в третий раз, но эти для него были особенными. Папа летом должен был ехать на Кавказ и обещал Мишу взять с собой, если он хорошо сдаст экзамены.

На Кавказе Миша ни разу не был. В его воображении рисовались огромные скалы, покрытые ледниками. У подножия скал росли тропические деревья, а на них прыгали мартышки. По ночам, совсем как в джунглях (Миша читал о них в книжке «Маугли»), рычали тигры и плакали шакалы. И ещё Миша слыхал, что на Кавказе всюду растёт бамбук и его можно срезать задаром. А ему как раз нужен бамбук на удочки и на лыжные палки. Но главное был не бамбук. Бананы — вот что интересовало Мишу больше всего! Он уже не раз представлял себе, как залезет на дерево, увешан-

ное жёлтыми, похожими на огурцы бананами, и, усевшись на суку, будет чистить их и отправлять в рот пахучую мякоть. Мише говорили, что на Кавказе бананы не плодоносят, а впрочем, он не возражал и против яблок и винограда. Эх, вот если бы сдать все экзамены!..

Первый экзамен — диктант — он выдержал на четвёрку. Учительница нашла у него две ошибки. Вместо «соловей» он написал «саловей», а вместо «чернила» — «чернилы». Больше ошибок не было. Папа, слегка пожурив его за ошибки, ещё раз повторил своё обещание.

Диктант Миша писал в понедельник, а уже в четверг надо было сдавать зоологию. Миша зоологию не то чтобы уж очень любил, но раз сдавать, так надо сдавать как следует. А вдруг папа скажет: «Э-э, братец, подкачал ты. Уговора у нас насчёт троек не было...» Миша ходил в школьный живой уголок, рассматривал там разных черепах, юрких ящериц и разноцветных бабочек, приколотых под стеклом.

Нужно было знать и о медузах, и о раках, и об обезьянах, которые были нарисованы в книжке висящими на хвостах. Учебник Миша прочёл два раза. Ему всё было ясно: и деление насекомых на низшие и высшие подклассы, и кто такие

земноводные, и кто относится к млекопитающим. Но Миша не удовлетворился этим. Он стал читать книгу ещё раз и вот тут-то обнаружил, что в середине учебника вырваны три листа. По оглавлению в конце учебника Миша узнал, что на этих страницах рассказывается про раков. Он просмотрел весь учебник, думая, что вырванные листы лежат где-нибудь не на своём месте. Он трогал корешки пропавших страниц и злился на того, кто вырвал их. Книга была из школьной библиотеки, побывала во многих руках, но вот какому-то болвану (Миша так и говорил — болвану) зачем-то понадобились страницы о раках.

«Авось пронесёт!» — подумал Миша вечером перед экзаменом и юркнул в постель. Заснул он сразу. Ему снились джунгли, по которым ползал огромный таракан, а представитель класса пресмыкающихся, ящерица прыткая, как бешеная гонялась за тигром…

Наутро мама нажарила сладких пирожков. Но Миша ел их, почти не чувствуя вкуса. Он ещё раз просматривал учебник. Конечно, он всё знал, но всё же где-то внутри копошился страх.

— Миша, торопись! — сказала мама. — Я у тебя из стола бумаги немного возьму. Пирожков захватишь с собой.

— Ладно! — буркнул Миша и, не допив чая, вылез из-за стола.

Положив завтрак и учебник в сумку, он спустился вниз.

Ах, как хорошо было на улице! Миша шёл, весело поглядывая по сторонам, и совсем не боялся, что какая-нибудь кошка, выскочив из подворотни, перебежит ему дорогу.

Он смеялся над одной маминой знакомой, которая однажды сказала ему об этой нехорошей примете, и даже, словно назло примете, сам заглядывал в подворотни.

Пришёл он в класс к звонку. Ребята волновались. На столах и на подоконниках стояли стеклянные баночки, в которых играло солнце, освещая заспиртованных лягушек и головастиков.

Кроме Марьи Алексеевны в класс вошёл ещё и директор школы. «Начинается!» — кто-то взволнованно вздохнул на последней парте, и в классе сразу стало тихо. Было слышно, как под матовым колпаком на потолке, будто испугавшись наступившей тишины, звонко забилась муха.

Лица у ребят вытянулись, стали серьёзными. Со школьного двора через распахнутые окна доносились весёлые голоса каких-то мальчишек,

игравших в лапту.

— Ну, кто первый? — улыбаясь, спросила Марья Алексеевна. — Кто посмелее?

«Подожду пока, — думал Миша. — Может, что полегче достанется».

Смелых оказалось много. Ребята выходили к столу, брали билеты и один за другим — одни бойко, другие медленно — отвечали.

«Жалко, медуза не моя — уж я бы про неё ответил! Черви? Пустяк!» — уже сожалея, что не пошёл отвечать первым, думал Миша, когда кто-нибудь из ребят отвечал на вопросы.

— Миша Вознесенский! — вдруг услыхал он. — Пожалуйте билет!

Заложив палец за палец на счастье, как это делали все ребята, и держа руку за спиной, он подошёл к столу.

«Какой взять? Какой? — быстро соображал он, рассматривая билеты. — Около меня лежит — это, наверно, про муравьёв, — не возьму. А на конце, наверно, про акул — тоже не возьму».

Он взял из середины. Вдруг у него зарябило в глазах. Первый вопрос был нетрудный — об эвглене зелёной, а второй…

«Вляпался!..» — подумал Миша. Второй вопрос был такой: «Речной рак — представитель рако-

образных».

Чтобы оттянуть время, Миша долго рисовал на доске рака. Он выводил по памяти каждый его суставчик, и так, словно должен был сдавать свою картину в Третьяковскую галерею.

— Что-то ты, Миша, уж больно долго рисуешь! — сказала Марья Алексеевна. — Отвечай!

Когда Миша говорил об эвглене зелёной, Марья Алексеевна одобрительно кивала головой. Миша готов был рассказывать об эвглене зелёной чуть ли не весь день, только бы не спрашивали у него второго вопроса.

— Ну, а что ты скажешь нам о раках? — перебила его Марья Алексеевна, почувствовав, что Миша что-то уж чересчур расписывает эвглену.

— О раках? — тоскливо переспросил Миша.

Он посмотрел на свою картину. Но там рак был как рак, и все его внутренности прикрывал добротный панцирь, тщательно выписанный.

— Ну… — медленно начал он. — Раки водятся в реках, их под камнями можно ловить. Я вот тоже на даче с мальчишками ловил. Только они больно здорово кусаются передними ногами.

Миша указал на клешни рака.

— А как они называются? — спросила Марья Алексеевна.

— Ноги… — ответил Миша. — А как же ещё?

— Надо знать. Это ногочелюсти. Ими рак поддерживает возле рта пищу. Так, дальше!

— Ну, раки очень вкусные, их варят и едят…

— Это ты говоришь о промышленном значении?

— Ну да. Их на рынке продают.

Ребята засмеялись. И вдруг Миша ободрился. Его словно подхватило и понесло, понесло. Он выкладывал всё, что знал о раках:

— Ну, раки ползают задом наперёд. А ещё они умеют свистеть, только свистят раз в сто лет, и поэтому такая пословица образовалась: «Жди, когда рак свистнет». И Пушкин в стихотворении про утопленника говорит:

Всё в нём страшно онемело,
Опустились руки вниз,
И в распухнувшее тело
Раки чёрные впились.

Учительница нахмурилась.

— Ерунда! А больше ты ничего не можешь рассказать?

— Больше… ничего… — прошептал Миша, поняв, что всё бесполезно.

— Ну так вот, — сказала Марья Алексеевна. —

Ставлю тебе двойку. Во-первых, за то, что ты не всё выучил, во-вторых, за то, что пустословие пытался выдать за ответ. И хороший рассказ об эвглене тебе не поможет. Правильно я говорю, Виктор Андреевич?

Директор школы кивнул головой.

Миша вышел из класса. На душе было как-то нехорошо, и хотелось плакать. Теперь упрашивай не упрашивай, а папа всё равно не возьмёт на Кавказ. Он твёрдый. Да и вообще влетит.

В коридоре, безнадёжно бросив на подоконник сумку, он облокотился на неё и подпёр кулаками подбородок. Под локтем был какой-то мягкий бугор. Миша вытащил из сумки завтрак. «Съесть его, что ли, с горя?» — подумал он и принялся развёртывать пирожки. Вдруг Миша остолбенел. В середине промаслившейся, ровно обрезанной бумаги был нарисован разрез рака. Над каждым внутренним органом стояла цифра. Под рисунком давалось объяснение. Во втором листе говорилось о жизни ракообразных. А внизу Миша вдруг прочёл:

«Мой рекордсмен! 15 секунд!»

Кутька

В один из осенних дней, когда на улице шёл дождь и мама не пускала гулять, Алёшу вызвал в коридор соседский мальчик Гога. Бархатная курточка у него была вздута на животе, и под ней что-то вздрагивало и шевелилось.

— Щенка хочешь? — шёпотом спросил Гога.

— Хочу! — обрадовался Алёша, а потом спросил: — Живого?

— Что ж я тебе, дохлого притащу? — обиделся Гога. — Конечно, живой. И лает как настоящий. Я его за десять копеек продаю.

— Дорого, — вздохнул Алёша. — У меня только пять копеек.

— Ну, как хочешь, — равнодушно сказал Гога и заглянул к себе за пазуху.

Алёше тоже очень хотелось заглянуть, но Гога не позволил:

— Чего зря смотреть! Покупай!

— Ну ладно, подожди тут, — согласился Алёша и побежал в комнату. — Варька, — сказал он сестре, которая, завернув куклу в одеяльце, укладывала её спать, — что ты с тряпками возишься? У тебя пять копеек есть?

— Есть. А зачем тебе? — спросила Варя, продолжая укладывать куклу.

— Гога щенка продаёт, он лает как настоящий.

Алёша думал, что Варя тоже обрадуется и сразу даст пять копеек, но она сказала:

— Да ну его! Он кусаться будет.

— Вот чудна́я! — рассердился Алёша. — Да он же маленький. В кукольную кроватку поместится.

Варя насторожилась.

— А спать его можно укладывать?

— Ой, сколько хочешь! — сказал Алёша, заметив, что Варя соглашается. — Давай пять копеек.

Варя вынула из кармана ключик и открыла свою копилку…

За дверью Гога деловито пересчитал деньги, а потом, сунув Алёше в руки тёпленький комочек, убежал к себе.

В комнате щенок повёл себя как давнишний житель. Он облазил все углы и чихнул два раза под Вариной кроватью.

— Ой, чихает! — рассмеялись ребята и стали за ним бегать.

Потом Варя сказала:

— Хватит бегать. Ему уже надо спать.

— Ну вот ещё — спать, — возразил Алёша. — Пускай бегает. И ты за него не беспокойся. Ведь

он мой.

— И мой, — сказала Варя, — я тебе пять копеек давала.

— Ну и что ж? — ответил Алёша. — А тот главный, кто покупал. И твои деньги я верну.

— Не надо мне денег. Я щенка хочу, — плаксиво сказала Варя.

В комнату вошла мама.

— Варюшка, ты чего надулась? — спросила она. — Алёша обидел?

— Я её не трогал. Это она сама! — крикнул Алёша, запихивая щенка под диван.

Но Варя уже не выдержала и заплакала, уткнувшись в мамин передник.

— Мама, Алёшка щенка принёс и сказал, что будет общим, а сам один играет.

— Какого щенка? — удивилась мама. — Алёша, где щенок?

Сказав про себя, что Варе несдобровать, Алёша вытащил щенка.

Он был светло-коричневый, и только носик и глазки были чёрными.

Попав из-под дивана снова на свет, щенок радостно помахивал хвостиком.

— Ты откуда взял? — спросила мама, нахмурившись.

— Гога дал.

— А кто тебе позволил принести его в комнату?

Алёша уставился в пол. Эх, и до чего же обидно! Сейчас мама велит отнести щенка обратно. Она всегда так говорит, когда чего-нибудь без спросу приносишь в комнату. Конечно, насчёт щенка можно было спросить и до покупки, но кто знает, позволила ли бы она покупать!

— Не хочешь отвечать? — помолчав, сказала мама. — Ну, так вот: немедленно отнеси его обратно.

Алёша взял щенка и, погрозив Варе кулаком, пошёл к Гоге.

— Гога, — сказал он, когда тот выглянул из своей комнаты, — отдавай десять копеек. Щенок мне не нравится. Тут у него какое-то белое пятно на спинке.

— Не возьму, — сказал Гога. — Мне тоже это пятно не нравится.

— А куда ж я его дену? Ведь на улице дождь.

— К другим соседям подкинь, — посоветовал Гога и, захлопывая дверь, добавил: — А денег твоих у меня уже нет.

Тут Алёша заплакал, потому что ему и десять копеек было жалко, и щенка.

«Куда б его деть?» — думал он, стоя в коридоре. И вдруг решил, что лучше всего выпустить щенка в кухню, а там кто-нибудь его подберёт.

На кухне стояла Гогина мама и, что-то напевая, чистила ножи и ложки.

Алёша незаметно подошёл к баку с грязным бельём и сунул туда щенка. Закрывая крышку, он оставил маленькую щёлку и твёрдо решил после ужина принести ему покушать.

На ужин мама сделала блинчики с вареньем.

— Варька, — шепнул Алёшка за столом, — не ешь блинчики.

— Тебе дать, да? — громко спросила Варя.

— Ну, как хочешь, — шепнул он снова, — а я не буду есть. Щенку отнесу.

— Щенку? — спросила Варя, задерживая во рту последний блин.

— Что за разговоры за столом? — строго сказал папа. — Варя, доедай блин.

— Не хочу, я наелась.

— Я тоже наелся, — сказал Алёша и вылез из-за стола.

Папа очень удивился и пошёл спать, потому что устал после работы.

Вскоре мама уложила ребят спать и сама тоже пошла.

Алёша так и знал, что Варя уснёт! Когда папа и мама умолкли у себя в комнате, он разбудил Варю. Она боялась идти в тёмный коридор, но Алёша, сунув ей тарелку с блинчиками, повёл её за руку.

На кухне горел свет и никого не было. Щенок, свернувшись клубком, крепко спал.

— Давай его не будить, — шёпотом сказала Варя, — а просто положим и уйдём. А?

— Давай, — согласился Алёша.

Варя опрокинула тарелку, и на бельё упали три блинчика и натекло немножко вишнёвого варенья.

Наутро был выходной день, и папа на работу не пошёл. Он лежал в постели и читал книжку.

— Папа, — сказал Алёша, подойдя к нему, — когда я вырасту большой, ты мне фотоаппарат купишь?

— Куплю, — сказал папа.

— А давай так, — предложил Алёша, — ты мне тогда не покупай, а лучше сейчас разреши со щенком играть. И Варька хочет.

— Да, да, — подтвердила Варя. — Он такой хорошенький. И пахнет, как твоя шуба.

Отложив книгу на столик, папа засмеялся и сказал, что Варя ещё ничего не понимает и поэто-

му очень смешная. Алёше он этого не сказал.

Тогда Алёша схватил книгу и, отойдя от кровати, сказал:

— Папа, если ты разрешишь нам играть со щенком, то мы тебе отдадим книгу, а не разрешишь — не отдадим.

Вдруг в комнату вошла мама. В одной руке она держала за шиворот щенка, а в другой папину шёлковую рубашку, на которой было большое вишнёвое пятно.

Алёша с Варей сразу поняли, что произошло, и, быстро вспрыгнув к папе на постель, залезли под одеяло.

— Ах вы разбойники! — слышали ребята мамин голос. — Я вас всё равно найду и отшлёпаю.

— Я их тоже отшлёпаю, когда найду! — воскликнул папа, а сам щёлкнул Алёшу, чтобы тот не шевелился под одеялом.

Потом ребята одобрительно похлопали папу по ноге, потому что услыхали, как он шепнул маме всего лишь два слова:

— Оставь щенка!

Щенка поместили в передней. В тёмном углу между шкафом и сундуком положили старое Алёшино пальто и покрыли его ковриком. Постелька вышла мягкая и тёплая. По Вариной просьбе

мама сделала маленькую ватную подушку. Но щенок, видимо, не очень-то уважал её. Обычно на подушке он укладывал свои задние лапы.

Возле постели стояла эмалированная мисочка, и, хотя после каждого собачьего обеда она была дочиста вылизана, ребята по очереди споласкивали её под краном.

Щенка прозвали Кутькой. Кормили его ребята почти всем тем, что ели сами. И мандаринами, и селёдкой, и конфетами.

Щенок жирел, толстел, а однажды, услыхав за окном собачий лай, так громко впервые залаял и заметался по комнате, что ребята испуганно подумали, не взбесился ли он.

Но Кутька не стал на них бросаться. Кончив лаять, он зевнул и покатился к своей мисочке доедать суп.

— Это он уже умеет по-собачкиному говорить? — спросила Варя.

— Ага. Он большой стал, — сказал Алёша и покрошил Кутьке в суп ещё кусок хлеба.

Как-то, рано придя с работы, папа надел на Кутьку ошейник и ушёл с ним. Ребята так и заснули без Кутьки.

Под утро Алёшу разбудила Варя. Она дёргала его за нос, пока он не открыл глаза.

— Алёшка, — сказала она, — ты знаешь, кто у нас Кутька?

— Кто?

— Немецкая овечка. Вот кто. Я сама слыхала, как папа маме говорил. Гога нам овечку продал.

— Какая же Кутька овечка? — засмеялся Алёша. — Совсем ты глухая стала. Папа, наверно, про немецкую овчарку говорил. Это такая собачья порода.

За завтраком папа уже сам рассказал, что Кутьку он водил в собачий питомник. Собаку там осматривали ветеринары. Её взвешивали на весах, измеряли рост и заглядывали в пасть, ощупывая зубы. В питомнике породистых собак дрессируют для военных целей. А летом Кутьку, может быть, возьмут на манёвры в часть.

— И он в сапогах будет ходить? — удивилась Варя.

— Зачем же в сапогах? — усмехнулся папа. — Ему и так не холодно. Смотри, какая шерсть! — И он погладил Кутьку.

Вообще папа часто гладил Кутьку, потому что блох у собаки не было. Но кто мыл собаку, папа не знал.

Купаясь в ванне, ребята всегда играли в «море». Пустят на воду резиновых слонов и уток и «под-

нимают бурю».

Однажды, когда они сидели в ванне, а мама в комнате натирала щёткой паркетный пол, Алёша сказал:

— Надо бы Кутьку искупать.

— Что ты! Нельзя собак в ванну! — испугалась Варя. — И мама сердиться будет.

— Один раз за всю жизнь можно, — сказал Алёша, — а мама не увидит, — и втащил в ванну Кутьку.

Вымыли его с мочалкой и туалетным мылом. Он сделался тоненьким и некрасивым.

— Ну какой! Испортил собаку! — сказала Варя. — Ты всегда любишь игрушки ломать.

— Ты ничего не понимаешь, — сказал Алёша, вытирая Кутьку мохнатым полотенцем. — Он высохнет и станет лучше.

Кутька встряхнулся и убежал. И вскоре они его не узнали. Повалявшись на паркетном полу, из светло-коричневой собаки он превратился в огненно-рыжую. Особенно красными были уши, будто Кутьку отодрали за какую-то провинность.

— Бедный ты мой, бедный! — вздыхала Варя, вертя в руках собачье ухо. — Что же теперь с тобой делать?

— Давай снова купать! — шёпотом сказал Алё-

ша. — Теперь уже мама позволит.

Но купать Кутьку в ванне и мама и папа запретили в один голос.

— Глупая выдумка! — строго сказал папа. — Вы бы его ещё с собой спать положили. Раз и навсегда запрещаю это делать. А потом, не всё ли равно, какого цвета собака. Кутьку я и рыжим буду любить. Был бы только умным.

Папа говорил правду. Он очень любил Кутьку.

Когда он приходил с работы, Кутька прыгал вокруг него, визжал, а потом ложился на спину.

— Ах ты негодяй такой, ах ты собака! — говорил папа и, приседая на корточки, почёсывал ему рукой живот.

Во время обеда Кутька глядел папе в рот и тихонько повизгивал. Папа незаметно с вилки кидал ему под стол кусочки мяса. А потом он попался. Варя кинула Кутьке целую котлету.

— Безобразие! — сказала мама, услыхав сочный шлепок под столом. — Кутька во время обеда больше не будет сидеть в комнате. Я натираю пол, чтобы на нём не было никаких пятен, а ты мне его снова пачкаешь.

— Да, — сказала Варя, — папе можно, а нам нельзя?

— Нет, я не кидаю, — замахал папа руками. — У

меня только один раз кусочек мяса сорвался…

— Я тоже видел, как он не кидает, — заступился Алёша за папу.

Но мама ему не поверила.

С этого дня во время обеда Кутька сидел в коридоре. Он жалобно скулил, а переставая скулить, шумно принюхивался к дверным щёлкам, сквозь которые до него доходили сытные запахи жирного борща…

Началась война.

Папа днями и ночами был на работе. Мама тоже надолго уходила в магазин. Алёша с Варей оставаться одни не боялись: с ними был Кутька — рослая собака с басистым лаем.

Ребята запирали дверь на ключ и начинали играть в «войну».

Кутька был за фашиста. Привязанный к ножке письменного стола и прикрытый для маскировки цветным ковриком, он сидел в папиной комнате.

В другой комнате храбрые разведчики — Алёша и Варя — отправлялись в поход за «языком». Им нужно было преодолеть много препятствий: проползти бесшумно по дивану, чтобы ни одна пружина не зазвенела, пролезть под обеденным столом и между ножками стульев и, наконец,

перед решительной схваткой притаиться за шкафом.

Кутька рычал, когда они набрасывались на него и кричали:

— Сдавайся, руки вверх!

В первую игру Варя пыталась раскрыть Кутькину пасть и схватить его за язык.

— Что ты делаешь?! — закричал Алёша. — «Язык» на войне — это не настоящий язык, а просто фашистский солдат. Фашиста ловят и допрашивают, где его часть. Вот как!..

Вскоре играть стали по-другому.

В носок домашней тапочки Алёша запихнул кусок хлеба и поднёс её Кутьке. У того потекли слюни, но достать он хлеб не мог. Тогда он зубами схватил тапочку и стал сильно крутить головой. Кусочек хлеба выпал, и он съел его.

Ребятам стало смешно, и они решили играть в тапочку каждый день.

Однажды мама пришла из магазина усталая и в дверях сказала:

— Варя, принеси мне тапочки.

Варя побежала в другую комнату. Вдруг, сорвавшись с места, Кутька обогнал её и, вытащив из-под дивана тапочку, понёс её к маме.

— Понимает! — удивился Алёша. — Вот ум-

ный!

А ещё они делали так: поплюют на палочку, дадут понюхать Кутьке и спрячут её под шкаф.

— Ищи, Кутька, ищи!

Кутька ходит, ходит по комнатам, принюхивается, а подойдя к шкафу, как залает, как заскребёт лапами.

— Нашёл! Молодец! — радовались ребята, а Кутька так подмигивал им глазами, словно говорил: «Я и сам знаю, что я хороший».

Но так продолжалось недолго. Почтальон принёс повестку. Папа прочёл её и дрогнувшим голосом сказал:

— Прощайтесь, детки, с Кутькой. Его забирают в армию.

— Кутька, милый, дорогой! — заплакала Варя. — Как же без тебя мы жить будем?

— Не плачь, Варька, — сказал Алёша, — он ведь фашистов кусать поедет.

На прощание Кутьку так накормили, что он еле-еле ходил и не мог лаять.

Папа надел на него ошейник и повёл. Забравшись на подоконник, ребята смотрели на Кутьку, как он в последний раз проходил по двору.

— До свиданья, Кутенька! — крикнул Алёша через форточку. — До свиданья!

А он повилял хвостом и вышел со двора.

Долго Кутька снился Алёше. Собака лизала ему руки и лицо, словно просила почесать ей за ухом. И Варе он тоже снился. Она рассказывала:

— Знаешь, Алёшка, я сегодня ему во сне всю свою манную кашу отдала. Весь свой хлеб.

И Алёша ей верил.

А мисочку, из которой ел Кутька, они вымыли и спрятали в Варины игрушки.

Ребятам очень хотелось узнать о Кутьке, где он и что с ним, и они упрашивали маму сходить в собачий питомник.

И вот как-то под вечер — на улице шёл дождь — мама пришла уставшая и вся мокрая. Дома её не было почти с самого утра. С прядки волос на лбу скатывались мутные капельки, руки у неё посинели от холода, но глаза её, ставшие печальными за последнее время, теперь почему-то весело блестели.

— Мамочка, ты вся продрогла! — закричали ребята. — Раздевайся быстрее!

Но она, не снимая пальто, достала из своей сумочки какую-то бумажку.

— Ну, угадайте, где я была!

— В очереди, наверно, — предположил Алёша.

— Не угадал, — улыбнулась мама. — Я на поезде

в собачий питомник съездила. Кутька уже на фронте. Вот его адрес — полевая почта.

— Кутька нашёлся?! — обрадовалась Варя. — Мама, давай ему письмо напишем, а?

— Ну вот ещё, письмо, — сказал Алёша. — Собакам не пишут. У них фамилии нет.

— Ничего, — сказала мама, — мы напишем командиру части, а он сообщит нам про Кутьку. Хорошо?

Попив чаю, они сели за стол.

Через полмесяца пришёл ответ. И в нём вот что было написано:

«Дорогие Алёша и Варя!

Это пишу вам я — Кутька. Получил ваше письмо и так обрадовался, что прыгал всем бойцам на грудь и лизал их щёки. Сейчас вечер. Я лежу в землянке перед печкой и греюсь.

Хорошо отдохнуть после работы! Сегодня я нашёл в снегу десять раненых, и мы спасли их. А ещё на поле боя пять бойцов из санитарной сумочки, которая висит у меня на животе, брали бинты и вату.

Меня все любят и за хвост не таскают. Особенно я подружился с командиром части, дядей Васей. По утрам я бужу его лаем и приношу ему сапоги. Он очень удивляется, откуда у меня такие спо-

собности.

Ну, кончаю, а то уже зевается. Пишите чаще. Письма ваши мне читает дядя Вася. А чтоб вы поверили, что это пишу я, ставлю вместо подписи свою лапу».

Ребята долго рассматривали чернильный отпечаток Кутькиной лапы.

— Похожа, — сказала Варя. — На снегу такая же была.

— Ага, — согласился Алёша. — Теперь надо ответ писать. Мама, напиши нам.

Письмо вышло недлинное, но хорошее.

Ребята просили Кутьку побольше спасать раненых и не простужаться.

Варя расписываться не умела и поставила крестик. Алёша всё же вывел внизу большими буквами: «Алёша».

А Кутькино письмо папа зачем-то положил в свой портфель, в то отделение, где у него лежала фотография Алёши и Вари…

И вот однажды в квартире зазвенел звонок. Мама куда-то ушла, и ребята боялись открывать дверь.

Потом Алёша спросил:

— Кто там?

— Откройте, пожалуйста! — сказал мужской

голос.

Ребята испуганно переглянулись. Голос был чужой и грубоватый.

— А кто вы? — робко переспросил Алёша.

— Ну, я… — медленно, как бы раздумывая, откуда он, отвечал мужчина, — ну, я от Кутьки.

— От Кутьки! От Кутьки! — радостно запрыгала Варя. — Открывай, Алёшка, быстрей!

На пороге, с мешком на плече и с пистолетом на ремне, стоял высокий военный.

«Ого, капитан к нам пришёл!» — гордо подумал Алёша. Он уже давно понимал военные знаки различия.

— Здравствуйте! — сказал капитан, заходя в коридор. — Это вы, наверно, Алёша и Варя?

— Правильно! Угадали! — сказал Алёша и похлопал рукой по кобуре капитана. — А вы, наверно, дядя Вася и письмо от Кутьки привезли?

— Вот и познакомились! — улыбнулся дядя Вася. — Только вот, ребятки…

— Чего? — насторожился Алёша.

— Ну… от Кутьки я привёз только один ошейник. Кутьку убили.

— И он не шевелится? — спросила Варя.

— Не шевелится, — обнял ребят дядя Вася. — И как-то всё нескладно получилось. В одной де-

ревеньке фашисты от нас побежали, а Кутька видит, что кто-то бежит, да и раз — вдогонку. Я кричу: «Назад!» — не послушался. Схватил одного за штаны и давай рвать. А тот вытащил нож, ну и… Вот, значит, как…

Дядя Вася достал из кармана ошейник и отдал его Алёше.

Вечером пришёл папа, и все уселись ужинать.

Папа, видно, был усталый и ел молча. Мама ни о чём его не спрашивала. Она тихо разговаривала с дядей Васей, подливала ему в чашку чаю. Дядя Вася утирал платком пот со лба и изредка говорил:

— Ух, как хорошо! Давненько дома не бывал!

— Папа, а для чего идёт дождь? — вдруг громко спросила Варя.

Алёша толкнул её локтем.

Варя оглядела всех и вдруг заплакала. Алёше тоже очень хотелось заплакать, но он сдержался.

— Не плачь, — сказал он Варе, — мы достанем новую собаку и подарим ей Кутькин ошейник. Хочешь?

— Хо-чу!.. — всхлипнула Варя.

И опять все утихли.

А папа подцепил вилкой картошку, оглядел её со всех сторон, потом посмотрел под стол и, грустно улыбнувшись, снова положил её на тарелку.

Острое лезвие

Петя чуть не плакал. У Пети тряслись коленки. Петя чувствовал, что сейчас произойдёт с ним что-то непоправимое, но помочь себе он уже ничем не мог…

На дворе стоял точильщик, и ножик — блестящий Петин ножик! — находился у него в руках.

И кто просил этого точильщика зайти во двор? Прошёл бы себе мимо, да нет, завернул.

— Та-ачить ножи-ножницы, бритвы править! Та-ачить ножи-ножницы, бритвы править!

И снял с плеча свой станок.

И сразу из всех дверей выскочили хозяйки. Кто нёс лёгкие и красивые столовые ножи, кто поварские — неуклюжие и почерневшие. Какой-то дедушка в валенках притащил и бритву и топор.

Точильщик втыкал ножи за ремешок на станке, запихивал себе за широкий пояс на живот, на бока и за спину.

Нажимая ногою на перекладину внизу станка, он работал, словно пританцовывая.

На оси вертелось штук восемь камней, начиная от тонкого и большого и кончая пузатым и маленьким. Пузатый камень, казалось, вертелся

быстрее остальных.

С воткнутыми за пояс ножами точильщик был похож одновременно и на разбойника и на фокусника. На нём были серый загрязнённый фартук и сдвинутый набекрень помятый картуз.

Наточив один из ножей, он, вскидывая бородку, подслеповато глядел на него из-под очков. Потом выдёргивал из головы волос и, положив эту еле заметную паутинку на лезвие, дул на неё губами, сложенными свистком. Паутинка разлеталась на две части.

И вдруг Петя вспомнил, что у него тоже есть нож! Вернее, он не вспомнил, а очень хорошо знал, что в кармане лежит перочинный ножичек. Петя сжимал его в кулаке — гладенький, почти что скользкий — и всё не решался отдавать в точку.

Ножик был и без точки хорош, резал всё что ни попало.

Приятель Сёмка совсем было замучил Петю. Гуляя во дворе, он то и дело подносил или стебель лопуха, или какую-нибудь веточку.

— А вот не разрезать тебе одним махом!

— Тоже мне нашёл! — раскрывал Петя ножик. — Он и потолще возьмёт!

И вдруг по веточке — раз!

— Видал? — насмешливо говорил Петя, аккуратно обтирая лезвие специальной тряпочкой.

— Видал… — Сёмка следил за сверкающим лезвием как заворожённый.

Когда Петя случайно на стадионе «Динамо» нашёл этот ножичек, он, придя домой, сразу привязал его накрепко верёвочкой к своему пояску.

Ножичек был с перламутровыми боками, которые на солнце переливались то розовыми, то зелёными, то синими огоньками. Он вмещал в себе шесть приборов. Кроме двух ножей — маленького и большого — в нём были ножницы, ногтечистка, штопор и, наконец, резец для консервов.

Нужно это было или не нужно, Петя всюду появлялся со своим ножичком. Он помогал бабушке чистить картошку, колол лучинки, хотя печку не топили. Он ходил по соседям вспарывать консервные банки, а продавщице в ларьке на улице открывал бутылки с лимонадом. За работу причитался стакан шипучки, но Петя вежливо отказывался от него.

Петя стал чистоплотным. Ногти у него были срезаны и тщательно подпилены. Сёмке тоже очень хотелось подпилить ногти, но попросить у товарища ножичек он не решался. Видно, бо-

ялся, что не хватит духу держать такую штучку в руках.

Сёмка всюду ходил за Петей как тень. Он придерживал консервные банки и после вскрытия банок незаметно пальцем снимал какую-нибудь томатную приправу, выступившую по краям. Он деловито советовал, как лучше ввинчивать штопор в пробку, и, закрывая глаза, маленькими глотками выпивал за Петю стакан шипучки.

Один раз, как-то днём, угостив Петю сырой морковкой, вынесенной из дому, Сёмка осмелел.

— Петя, — сказал он, — дай-ка мне на секундочку твой ножик.

— А зачем?

— Я срежу вон там тоненький-тоненький прутик. — И Сёмка указал на куст акации.

— Я бы тебе дал, — хрустя морковкой, сказал Петя, — да, вот видишь, он к поясу привязан.

— А ты ведь его отвязывал позавчера.

— Ну тогда отвязывал, а сейчас нельзя.

— Пожалел… — вздохнул Сёмка. — Ну ладно. Я вот тоже скоро куплю. Уж тридцать копеек насобирал. Куплю — даже посмотреть не дам.

— Купишь, когда Северный полюс растает, — засмеялся Петя. — Такого ножичка нигде не достать. Он, смотри, из нержавеющей стали сделан.

Петя дохнул на лезвие. Оно помутнело, как зеркало, и вдруг опять стало блестящим.

— Здо́рово! — загорелся Сёмка. — Воды, значит, не боится? А ну-ка дыхни ещё.

— Сто раз одно и то же не показывают!

Сложив ножичек, Петя поставил его ребром на ладонь — он был похож на крохотную подводную лодку; довольный, Петя щёлкнул языком и засунул ножик в карман.

На следующий день друзья уже забыли об этой маленькой ссоре. Они по-прежнему бегали по двору, запуская хвостатого змея; а из дров, которые штабелями лежали на дворе, складывали себе пещеру.

Всё шло по-прежнему — и вот:

— Та-ачить ножи-ножницы, бритвы править!

Петя вылез из дровяной пещеры, где они с Сёмкой из какого-то разломанного ящика сколачивали стол.

— Я не пойду, — сказал Сёмка, — мне точить нечего!

И остался.

Тысячи искр вылетали из-под ножей! Они летели раскалённые, стремительные, и все они попадали к Пете в ладонь!

Искры ладонь не обжигали. Да и сами их удары

были словно укусы каких-то комариков.

Петя вертелся около точильщика, пока тот не выточил все ножи и не стал заворачивать цигарку.

— Дядя, — сказал Петя, — а за сколько возьмёте поточить этот ножичек?

Точильщик приподнял картуз и поскрёб пальцем лысину.

«Все волосы на пробу ножей повыдергал», — подумал Петя.

— За этот махонький? — взглянул точильщик из-под очков на Петину гордость. — Двадцать копеек. Только я у тебя не возьму. Наточу, а ты ещё пальцы себе порежешь.

— Возьмите, дяденька! — застонал Петя. — Ни одного порезика не будет, хоть проверяйте каждый день.

— Нет, не возьму. Да у тебя, наверно, и денег нет.

— Что вы, дяденька, я их сейчас у бабушки достану.

— Вот загорелось! — улыбнулся точильщик. — Ну ладно, беги к бабушке. Гляди не обмани.

— Никогда не обманывал, — обиженно сказал Петя. — Сами увидите. А обману — ножичек себе возьмёте.

Отвязав от пояска ножичек и протянув его точильщику, Петя побежал домой. За спиной запел камень: ж-ж-ж…

«Теперь не нож, а совсем красота будет!» — подумал Петя, взбегая к себе на этаж.

Он застучал в дверь.

Сейчас должны были послышаться шлёпанье бабушкиных туфель и старческое кряхтение. Но за дверью никто не кряхтел.

«Заснула она, что ли?» Петя затарабанил что есть силы. Бабушка не открывала.

«Ушла, наверно, на базар!»

Петя кинулся к соседней квартире. Но и она была заперта. Петя заметался на лестнице. К кому идти? На первом этаже живут новые люди. Они только недавно переехали.

К маме на работу бежать? Далеко. И всего двадцать копеек! Двадцать копеек нужно!

И вдруг Петя, радостно подпрыгнув, быстро спустился во двор.

Точильщик увидел Петю и помахал ножичком. Лезвие заманчиво сверкнуло.

— Я сейчас! — крикнул Петя и побежал в дровяную пещеру.

— Сёмка, — задыхаясь, сказал он, — одолжи двадцать копеек.

— А зачем тебе?

«Сказать, что ножичек точу, — не даст», — подумал Петя.

— Для одного дела. Мне очень нужно. Бабушка придёт, я тебе верну.

— А-а… вот и попался! — засмеялся Сёмка. — Ты мне тогда ножичек не давал, и я тебе сейчас не дам. Деньги у меня тоже к карману привязаны.

— Как — не дашь? — побледнел Петя.

— Очень просто. Возьму да и не дам.

— Дай, Сёмочка! — взмолился Петя. — Я тебе всё, что захочешь…

— Не дам! — отрезал Сёмка. — Как ты мне, так и я тебе.

Всё было кончено. Ножик пропал. Точильщик сейчас уйдёт. Не ждать же ему бабушкиного прихода!

Выйдя из пещеры, Петя помахал точильщику — дескать, ещё секундочку! — и снова взбежал на крыльцо дома. Здесь он спрятался за дверь и с тоской стал смотреть через щёлку на точильщика.

У Пети тряслись коленки. Он чувствовал, что сейчас произойдёт что-то непоправимое…

Ножичек был готов. Точильщик раскрывал его на обе стороны и ухмылялся.

Ножичек, видно, ему понравился.

Вот он сложил его и сунул в карман фартука. Глядит по сторонам. Солнце поблёскивает в его очках. Утирает ладонью пот с лица.

Опять смотрит по сторонам. Что делать? Ведь уйдёт сейчас.

А вот и Сёмка идёт, заложив руки в карманы. Ух, жадина, погоди!.. Не такое увидишь!

— Мальчик, поди сюда! — кричит Сёмке точильщик.

Сёмка стоит спиной к крыльцу. О чём-то говорит и пожимает плечами. Вытаскивает руку из кармана, шевелит ею. Видимо, он крутнул камни на станке. Рука дёргается.

— Та-ачить ножи-ножницы, бритвы править! — кричит точильщик и поднимает на плечо станок.

Ножичек! Ножичек уходит! Штопор, ножницы — эх!..

Пете хочется броситься за точильщиком, догнать его и закричать:

«Отдайте, дяденька, милый, отдайте!»

Но — всё! Сёмка идёт к крыльцу, заложив руки в карманы. Посвистывает…

Петя еле сдерживал рыдания. Он взбежал к себе на этаж и почувствовал, что больше не может не плакать…

Если бы не пришла бабушка, Петя просидел бы на лестнице весь день и всю ночь. Ему нечего было делать ни в комнате, ни во дворе. Правда, он должен был готовить уроки: подходила к концу последняя четверть, за ней — каникулы, но разве можно спокойно сидеть за книгой, когда нет больше в кармане любимого ножичка?..

За что бы ни брался Петя, всё у него выпадало из рук. Даже бабушка заметила:

— Что ты, Петенька, кислый какой-то, как молоко?

«Кислый какой-то! А ведь всё из-за тебя да из-за Сёмки, — горестно думал Петя. — Тут не только скиснуть — свернуться можно».

Как Петя дожил до вечера, он и сам не помнит.

Он лежал на диване, закрыв ладонями глаза. Он ясно видел, как из-под вертящихся камней летели искры, как точильщик любовался ножичком. Потом всё это исчезло, и откуда-то из темноты вдруг снова выплыл ножичек, похожий на подводную лодку.

«Зачем я отдал?! Зачем я отдал?!» — думал Петя. Иногда ему казалось, что в кармане лежит что-то тяжёленькое, и он тщательно ощупывал карман…

Было уже часов восемь вечера, когда в двери

застучали. «Мама пришла», — подумал Петя и, вздохнув, слез с дивана.

В дверь колотил Сёмка.

— Уйди! — сказал Петя и хотел захлопнуть дверь.

Но Сёмка, подставив ногу, задержал её.

— Бабушка пришла? Давай двадцать копеек!

Он вынул из кармана уже раскрытый Петин ножичек, выдернул из головы два волоска, положил их на лезвие и дунул. Волоски разлетелись на две части.

День птиц

Витя и Женя, один белобрысый, худощавый, со вздёрнутым носом, другой низенький, с круглым лицом и торчащими из-под ушанки чёрными вихрами, деловито засунув руки в карманы, быстро шли по улице.

— Какую возьмём? — спрашивал Женя, перескакивая через лужи. — Ту, что в углу висит, или пониже, на полке?

— Любую можно. Всё равно выпускать будем, — отвечал Витя. — Купим и при всех выпустим. Вот позавидуют!

— Ага! А то, подумаешь, Мишка скворешней расхвастался! — соглашался Женя. — Только знаешь что? Давай возьмём, которая поёт. Может, она и в классе под партой чирикнет. Вот смеху будет!

— Хорошо бы такую! — улыбнулся Витя. — Но она, наверно, дороже. А у нас и так денег мало.

Воздух был ещё холодным, но мартовские солнечные лучи, скользя по ослепительно-белым сугробам, уже выжимали из них мутные ручейки, которые, журча, текли по обочинам тротуаров. С массивных сосулек ветер сдувал кристальные

капли, на лету разбивал их в водяную пыльцу и кидал в лицо. Стучали сучьями голые деревья, но серебристый безудержный щебет уже слетал с каждой ветки.

— Эх, воробьи-и!.. — мечтательно вздохнул Женя, ласково сощурив глаза.

Витя тоже хотел сказать о чём-то хорошем, но вдруг кто-то тронул его за плечо:

— Друзья, а ну-ка подождите минутку!

У дверей высокого серого дома, опираясь на палку, стоял мужчина в синем пиджаке, и носки его чёрных ботинок как-то странно торчали вверх. На правом борту пиджака у него была нашита одна жёлтая полоска. Голубые глаза его, сощуренные от солнца, хитро улыбались.

— Куда путь держите? — спросил он.

Витя насторожённо шмыгнул носом.

— По делам...

Женя поспешно отскочил в сторону.

— Да что вы испугались? — Мужчина вынул из кармана три рубля. — По делам идёте? Вот и хорошо! Заодно и мне поможете.

Зелёная бумажка хрустнула в пальцах.

— Здесь за углом магазин — два шага пройти. Если не трудно, возьмите папирос. Там продавщица — тётя Даша, она вам для меня отпустит.

Скажете, дядя Серёжа прислал. А я вас здесь подожду…

Ребята вопросительно переглянулись, а потом Витя взял деньги и осведомился:

— А каких вам купить?

— «Беломору» бы лучше, конечно, но берите, какие будут, — сказал мужчина и, почему-то взглянув на свои ботинки, словно они были ему помехой, с сожалением добавил: — Я бы сам сходил, да больно скользко…

Переулок ребята пробежали быстро, а когда завернули за угол и вышли на оживлённую улицу, Витя перешёл на шаг и, оглянувшись — не идёт ли кто за ними? — сказал:

— Он, наверно, того… — Витя постучал пальцем по лбу. — Перепугался я.

— А я не испугался, — соврал Женя, — только смешно! Он ненормальный какой-то: дал трояк и не побоялся, что убежим.

Магазин действительно был в двух шагах. Ребята тщательно осмотрели прилавок. Женя даже зачем-то заглянул в зазор между стёклами.

— Нету папирос…

— Пусто! — подтвердил Витя.

У прилавка стояла какая-то женщина с кошёлкой в руках.

— А вы что тут?! — накинулась она.

— Да мы не себе. Дядька попросил.

— А сам, что ль, прийти не смог?

— Значит, не смог.

— Продавщица на склад пошла, — уже миролюбивее сказала она. — Я вот тоже её жду.

— Пойдём на улице постоим, — предложил Витя, — там лучше: солнце.

Они вышли и облокотились на толстую никелированную трубу, ограждающую высокое зеркальное окно магазина. Стояли минут пять. Потом Женя снова заглянул в магазин и вышел оттуда:

— Не пришла ещё. Вот скука ждать! А что, если нам на птиц пока посмотреть? Может, выберем…

— Совсем продрогнет тот дядька.

— Не продрогнет. Чего ему, такому здоровому, сделается за полчасика!

В зоомагазине толпились покупатели, стояла разноголосица и пахло помётом. На полках осатанело кукарекали петухи, охлопывая себя крыльями. В куполообразной клетке, просунув меж прутьев радужный хвост и зажмурив один глаз, важно сидел попугай. Тряся пушистым хохолком, он иногда раскатисто кричал: «Все, как один, на палубу!» — и медленно закрывал

один глаз.

А в клетках, подвешенных к потолку, маленьких и больших, круглых и плоских, то закатываясь в трелях, то еле-еле цвенькая, порхали всевозможные птицы.

Ребята долго ходили по магазину, смотрели на кроликов, дотрагивались пальцами до колючек ежа и незаметно от продавцов дёргали за хвост попугая, который уже надменно молчал.

Наконец они остановились перед клеткой, в которой залихватски посвистывала сверху серенькая, а снизу жёлто-белая птица. Потом в горле у птицы что-то зашипело, заклокотало, и ребята услыхали мелодичный бой часов.

«Динь! Динь!» — вызванивала птица, набирая всё новые и новые звуки.

— Куранты играют! — восторженно зашептал Витя. — За такую и миллион рублей не жалко!.. Тётя, а сколько такая стоит? — робко спросил он у продавщицы.

— Три семьдесят. Покупать будете?

— Да нет, мы... — замялся Витя и, сам не зная для чего, прикинул в уме, сколько у них денег вместе с тем трояком. С чужими деньгами на покупку хватало.

Вдруг Женя, приблизив своё лицо к Витиному,

тихо произнёс:

— Давай, а?

— Чего? — не понял Витя.

— Куранты эти… И выпускать не будем…

Витя почесал пальцем щёку. И вдруг, внезапно просветлев, махнул рукой:

— А и влетит же, как узнают!.. Ну, была не была — давай!

— Никто не узнает! — убеждённо прошептал Женя. — А у него, наверно, ещё деньги есть. Так бы не дал.

Но всё же, прежде чем пойти в кассу, Витя ещё долго посматривал то на зажатую в потной ладони хрустящую трёхрублёвку, то на птицу.

— Ну?! — толкнул его локтем Женя.

Витя в последний раз посмотрел на деньги и, подскакивая, побежал в кассу. Кассирша выбила чек и дала сдачи — один рубль.

Домой ребята, чтобы не растрясти дрозда, шли медленно. Клетку нёс Витя, и держал он её впереди себя на вытянутой руке. Так лучше были видны и маленькие коготки на ножках, и блестящие чёрные глазки.

— Вить, дай я понесу! Вить, дай! — заходя то справа, то слева, то забегая вперёд, плаксиво просил Женя.

— Ну чего пристал? — равнодушно отвечал Витя. — Ведь полдороги ещё нету. Вон до того переулка донесу, тогда дам. А сейчас — не проси.

Женя прибавил шагу. Витя незаметно для себя тоже пошёл быстрее.

А дрозд, почувствовав на своей спинке солнечное тепло, ретиво бился о проволочную решётку. Он ожесточённо наскакивал на неё, но, ударившись, отлетал назад и недоумённо вертел головкой, словно спрашивал: «Кругом такое голубое небо, но почему же я не взлетаю?»

Витя видел, как из клетки выпархивали пушинки и пролетали над головами прохожих.

— Ну, давай! — сказал Женя, когда подошли к переулку.

Витя неохотно протянул клетку. Женя осторожно подхватил её и вдруг, случайно глянув в переулок, упавшим голосом прошептал:

— Смотри, стоит!

Недалеко от них, всё у тех же дверей, зябко потирая руки и дыша на них, стоял мужчина в синем пиджаке.

Ребята побежали от него. Впереди с клеткой в руках нёсся Женя. А дрозд ещё сильнее, чем раньше, бился о решётку.

Заскочив в подворотню, они побежали по со-

седнему двору. Громыхая железом, пронеслись по крышам сараев. Остановились только минуту спустя, когда перемахнули через забор.

Дрозд недовольно свистнул. Витя вздрогнул и посмотрел на приятеля. Женя, когда перелезал через забор, болтающейся клеткой ударил себя по коленке и теперь со сморщенным от боли лицом потирал ушибленное место.

— А чего бежали? — переведя дыхание, улыбнулся Витя. — Ведь он нас не видел.

— Это ты первый побежал! — чтобы оправдать наворачивающиеся слёзы, прокряхтел Женя.

На дворе никого не было. На ребят смотрел старый облезлый кот, которого они спугнули. Запутавшись в проводах, на ветру болтался чей-то змей.

— Женя! Женя! — вдруг услыхали ребята. — Ты где гуляешь? Иди кушать!

Со второго этажа, открыв форточку, Женю звала его бабушка.

Надо было идти.

В коридоре своей квартиры, уже оправившись от испуга, ребята порешили на том, что дрозд пока будет у Женьки, потому что у него и пшено есть, и бабушка глухая — не заругается, если птица запоёт. А потом, конечно, видно будет, куда

они его денут.

Порешили и разошлись.

Витя, найдя на кухне под клеёнкой ключ, отпер комнату. Хотелось есть. Он быстро снял пальто и повесил его на крючок. Пальто упало: вешалка оборвалась. Поднимая его, Витя почувствовал, как под пальцами что-то хрустнуло. Засунув руку в карман, он вытащил какую-то скомканную бумажку. Это был новенький рубль — сдача из кассы. У Вити стало нехорошо внутри. Он поспешно засунул рубль в карман.

Подставив стул к буфету, он распахнул его. На полке лежали хлеб и масло. А рядом с хлебницей белела записка от мамы: «Витенька, подогрей тушёную капусту и съешь. Она на кухне. Я приду поздно».

Разогревать капусту не хотелось.

Витя спрыгнул со стула. На нижней полке буфета под стеклянным колпачком лежал сыр. Витя отрезал кусок. Посмотрел — большой или небольшой — и отрезал ещё такой же.

Ел он так: в одной руке держал сыр, а другой, потыкав в маслёнку, подносил кусок хлеба ко рту.

За окном сгущались сумерки. Падал, налипая на стёкла, снег. Когда с зажжёнными фарами проезжали автомашины, по стенам ползли белые

полосы.

«Что-то Женька долго не приходит, — думал Витя. — Наверно, бабка опять уроки заставляет учить. Завтра в школу… После уроков будем праздновать День птиц…»

И опять вспомнился мужчина, зябко потиравший руки. Он был без шапки и, видно, замёрз.

А что, если так маму кто-нибудь обманет? Она, конечно, тоже долго будет ждать, но так и придёт домой ни с чем. Витя похолодел. Ему захотелось, чтоб сейчас, сию минуту в комнату вошла мама, весёлая, как всегда. Но мама не входила. Одному стало страшно. Захотелось на улицу, к людям, но только бы не сидеть в этой полутёмной комнате!

Витя зажёг свет, походил по комнате, прислушиваясь к своим шагам. Потом пошёл в другую комнату. В углу скреблась мышь. Витя топнул ногой, и мышь умолкла.

У письменного стола он присел на корточки и выдвинул ящик: запахло табаком. Папа надолго уехал в командировку. Перед отъездом он накупил много папирос и потом половину оставил дома. Над папиросами Витя сидел минуты две, разглядывая коробки. На них была нарисована белая гора и скачущий всадник. «Возьму, а потом маме всё объясню», — подумал Витя.

Он вынул несколько коробок, душистых и лёгких, и завернул их в газету…

Снег слепил глаза. Ветер играл незавязанными тесёмками шапки. Витя шёл быстро. Наконец завернул в знакомый переулок и нашёл дом с широкой дверью.

Женщина-дворник скребком очищала тротуар. Витя несколько раз прошёл около неё, а потом спросил:

— Тёть, а в этом доме живёт, ну, такой… в синем пиджаке?

— Это кто же? — разгибая спину, взглянула на Витю дворничиха.

— Ну, такой… — сказал Витя. — Он… вроде как на пятках ходит.

— А-а… тебе Звягинцев нужен? Инвалид? — решила дворничиха. — Недавно у меня его тоже кто-то спрашивал.

— Звягинцев, — наобум сказал Витя, а про себя подумал: «Хорошо бы, это был не он!»

— Ну так третий этаж, шестнадцатая комната. Кажись, три звонка, — сказала дворничиха и снова задвигала скребком.

Поднимаясь по лестнице, Витя вспомнил о приятеле и разозлился на него. Птицу они покупали вместе, а теперь он один должен был отдуваться.

И в то же время ему было приятно, что это он сам придумал вернуть папиросы. Женька бы, наверно, испугался. Он всегда трусит.

На третьем этаже Витя нащупал звонок.

«Ну, нажать или не нажать? — решал он. — А вдруг сейчас отведут в милицию! И мама узнает... Впрочем, я маме сам всё расскажу. Только бы не в милицию! А что, если этот дядька сдачу спросит?»

Витя совсем позабыл о деньгах. Он не знал, сколько стоит «Казбек», а значит, не знал, сколько денег придётся возвращать. Что же тогда делать?

Оставалось одно: идти обратно домой. Витька взялся за перила лестницы и соступил на две ступеньки.

«А чего бояться? — вдруг собрался он с духом. — Утром взял деньги, а сейчас папиросы принёс. Не мог раньше — уроки делал. А сдачу дома забыл. Извините, завтра принесу». Они, конечно, с Женькой сложатся поровну.

И Витя нажал звонок.

Когда за дверью послышались шаги, Вите захотелось броситься вниз по лестнице, но дверь открылась.

— Звягинцев здесь живёт? — заикаясь, спросил он.

— Здесь, — сказала женщина и указала на угловую по коридору дверь.

Отступать было уже нельзя. Оставалась только надежда: может быть, это не тот человек.

Затаив дыхание, Витя постучал.

— Войдите! — раздалось за дверью.

Витя толкнул дверь.

В светлой комнате на диване сидел знакомый мужчина. А за столом… за столом — у Вити задрожали колени — сидел Женя. Его приятель Женька.

«Поймали и допрашивают, наверно!» — Витя побледнел.

— А-а, заходи, заходи! — радостно воскликнул мужчина. — Наверно, рубль принёс? Мы уже о тебе тут говорили.

Витя ободрился. Значит, Женька чего-нибудь соврал неплохо, раз дяденька не ругается. Только как сюда попал Женька?

— Принёс, — сказал Витя, закрывая за собой дверь. — Я и папиросы принёс.

— Как?! — странно крякнул мужчина и посмотрел на Женю.

Тот, не замечая на себе его взгляда, два раза еле заметно подмигнул Вите: дескать, молчи!

— Очень хорошие… — тихо произнёс Витя, не

зная, что говорить, — длинные…

Он подошёл к столу, развернул газету и, облегчённо вздохнув, выложил на стол синие коробки. Потом достал из кармана рубль.

— М-да! — развёл руками мужчина и потёр себе лоб. — Ничего не понимаю: Женя сказал мне, что папирос не было.

Женя, опустив голову, водил пальцем по цветку, вышитому на скатерти, и напряжённо сопел.

— Ну ладно, — видимо придя к какому-то заключению, весело тряхнул головой мужчина, — потом разберёмся. А сейчас давайте чай пить. Небось с мороза по стаканчику неплохо? А? Как ты думаешь, Вить? Иди вешай пальто.

Витя удивился, откуда мужчина знает его имя. Он нерешительно взялся за пуговицу, раздумывая, снимать ли пальто или лучше уйти. Но когда мужчина шутливо крикнул: «Ну, чего, как сыч, надулся? Сходил бы лучше на кухню за чайником!» — Витя уже спокойно расстегнул все пуговицы и, попрыгав, пока с рук не сползло пальто, пошёл к вешалке.

На столе в окружении трёх фарфоровых чашек добродушно попыхивал чайник. В плетёной хлебнице лежал нарезанный белый хлеб. На широком блюдце белели кирпичики сахара и

лежали ровные, неполоманные квадратики жёлтого печенья.

Сначала ребята стеснялись, но после первой чашки осмелели и вскоре наперебой рассказывали дяде Серёже о своих играх, о школьных делах, о том, что учатся не плохо и не на «отлично», а на четвёрочки…

— А завтра День птиц. Все скворешни будут приколачивать!.. — вдруг почему-то печально вздохнул Женя. — А мы лучше хотели сделать — птицу выпустить, но не придётся, видно…

«Вот проболтался так проболтался!» — испуганно подумал Витя и толкнул под столом Женькину ногу. Тот, будто ничего не заметив, уже с азартом продолжал:

— Ух, дядя Серёжа, и поёт же она здорово! Вот сами услышите. Как свистнула у меня один раз дома, так моя глухая бабушка обрадовалась. А я думал, ругаться будет…

«Динь! Динь!» — вдруг услыхал Витя и стал искать глазами стенные часы.

Но на стенах висели только какие-то фотографии и две картинки.

«Динь! Динь!» — раздавалось откуда-то сверху.

Витя поднял глаза… На платяном шкафу стояла клетка с дроздом!

— Во как! Слыхали? — восхищённо сказал Женя и, словно его пощекотали, подскочил на стуле.

— Поёт! — улыбнулся дядя Серёжа. — Ну-ка, покроши ей хлебца. Да помельче.

Встав на стул и ещё приподнявшись на цыпочки, Женя крошил над клеткой хлеб.

— Она сейчас есть не будет, — сказал он, усаживаясь на место. — Я её дома покормил. Она и воды напилась. И как она пьёт интересно! Опустит клювик в воду, а потом его кверху задерёт и глотает, а у неё под горлышком что-то шевелится. Я сам видел! — хвастливо закончил Женя и, сияя, посмотрел на товарища.

Тому было завидно.

— Я тоже птиц люблю, — задумчиво проговорил дядя Серёжа. — У меня в детстве всегда их штук десять было. Сам ловил в силки, а весной выпускал. Откроешь клетку, а она и не вылетает, пока рукой не вынешь. Потом вспорхнёт — и поминай как звали! А ты смотришь, смотришь вслед, как будто что-то твоё, родное улетает. Да-а… Мальчишкой был.

Дядя Серёжа говорил, а сам смотрел в чашку, словно видел там своё детство. И Витя тоже заглянул в свою чашку, но она была пуста.

— Спасибо, — сказал он, собирая около себя в

ладонь крошки.

— Пей ещё! — Дядя Серёжа взялся за чайник.

— Напился, хватит! — сытно выдохнул Витя и сбросил в блюдце крошки.

— А я ещё выпью, — краснея и почему-то не глядя на Витю, сказал Женя.

Дядя Серёжа наклонил чайник. Светло-коричневая струйка забулькала в чашке.

— Дядя Серёжа, вы думаете, он пить хочет? — засмеялся Витя. — Это он чтоб печенья ещё поесть.

— Ну и пускай ест, — дядя Серёжа тоже усмехнулся, но сейчас же погасил улыбку. — Ешь, Женька, и без чая ешь!

После чая дядя Серёжа достал шахматы и, дымя цигаркой, объяснил, как надо играть.

Ребята, забравшись с ногами на стулья, понимающе кивали головами.

Едкий махорочный дым сизыми клубами расплывался над столом. Витя зажмурился и вытер ладонью выступившую слезинку.

— А почему вы, дядя Серёжа, папиросы не курите? — спохватился он.

— Какие папиросы?

— А вот лежат…

— Эти не мои, — покачал головой дядя Серёжа. — Для «Казбека» не хватило бы моей трёшки.

Ты признайся: наверно, дома их стянул?

— Ну вот, стянул! — покраснел Витя. — Они у нас просто так лежат. Мама не курит, а папа уехал. Мы их всем раздаём, кто ни попросит.

— Ну, тогда ладно.

Дядя Серёжа загасил цигарку и закурил толстую папиросу с золотыми буквочками…

Провожал их дядя Серёжа до самой лестницы. Он уж было собрался захлопнуть за собой дверь, как вдруг с досадой воскликнул:

— Тьфу, пропасть, чуть не позабыл! Обождите, ребятишки. Я быстренько… — И, прихрамывая, пошёл в комнату.

«Сейчас печенья на дорожку принесёт», — подумал Женя.

А Витя думал о том, что мама, наверно, уже пришла и волнуется за него. Но ему не попадёт: ведь он с Женей не по улицам гулял, а в шахматы учился играть.

Дядя Серёжа вышел из комнаты, держа в руке клетку.

— Выпускайте дрозда, пусть летит, — сказал он. — Ну, идите!

Ребята тронулись. И пока, разгорячённые и довольные, они спускались по лестнице, дверь на третьем этаже не захлопывалась.

Запал

Утром Петя проснулся от осторожного постукивания в окно. Перед домом, в саду, густо заросшем кустарником, стоял Лёвка. Босые ноги у него блестели от росы.

— Мать дома? — воровато обернувшись, спросил Лёва.

— Нету. На базар уехала, — зевнул Петя и ожесточённо стал протирать кулаками глаза. Вчера он допоздна читал книгу о войне, и теперь всё тело было тяжёлым и вялым.

— Дело есть, — сказал Лёвка. — Тут недалеко пройтись. Пойдём?

— Неохота, — отмахнулся Петя, — посплю ещё.

— Давай, давай, одевайся! — настаивал Лёва.

Лёва жил от Пети через два дома, и встречаться по своим мальчишеским делам они могли каждый день, иногда даже ночью, если уговаривались идти на рыбалку. Но на сегодня никакого уговора не было, а Лёвка пришёл чуть свет.

«Что это за дело у него?»

Село просыпалось. Был воскресный день.

Хлопая калитками, из палисадников выходили приодетые колхозницы, в белых платках, в

вышитых кофточках. Шлёпая босыми ногами по пыльной дороге, они несли на базар бидоны с молоком, корзины с яблоками и помидорами, яйца, сметану. Могучие волы, запряжённые парой, безразлично тянули скрипучие повозки. На них стояли корзины с овощами.

А на том месте, где раньше была недавно сгоревшая изба, уже белел низкий сруб. На нём верхом сидел дядя Матвей и топором отваливал от бревна щепу.

За село ребята выбежали быстро и весело, с ходу слетели в овраг. Место было знакомое. Здесь они не раз пекли в золе картошку. Овраг был в рост человека. С одной стороны обрывистый, с другой — пологий. Во время войны по нему проходила оборона фашистов. Сейчас где-то в кустах свиристела пичужка. Стояла приятная тень, пахло сыростью. Лёва шёл, раздвигая заросли орешника. Петя, идя за ним, остерегался, чтобы оттянутые ветки не выхлестнули глаза. Под ногами, пробившись сквозь листву, двигались солнечные пятна. От этого рябило в глазах и казалось, что земля шатается.

— Ну чего ты меня сюда завёл? — уже несколько раз спрашивал Петя.

— Погоди, погоди, — отвечал однообразно Лё-

ва, — увидишь — ахнешь.

Наконец над грудой свежесорванных листьев он остановился и сказал:

— Смотри!

Листья, шурша, отвалились к Петиным ногам. Два небольших снаряда с зеленоватой окисью на корпусах и позеленевший от времени запал от гранаты тускло поблёскивали на солнце.

— Ну? — вскинул сияющие глаза Лёва. — А ты не хотел идти. Это же самые настоящие снаряды.

Лёва, как маленького ребёнка, любовно подхватил снаряд и положил на руки.

— Ты смотри сюда. Вот эта часть — головка. Она как стукается об землю, так взрывается. А эта часть — гильза. В ней порох запрятан. Он такой разноцветный, как конфеты. Мне его один военный показывал. Мы их сейчас домой возьмём и там раскупорим. Головки выкинем, а порох пригодится.

Дрожащими руками Петя поднял с земли снаряд. Если бы не Лёва, он вообще бы побоялся к нему подойти — ещё, чего доброго, взорвётся! Но при Лёвке бояться нельзя. Он ребятам может рассказать, что Петя трус. А Петя не трус. Он просто не хочет баловаться со снарядом. Вот в соседней деревне мальчишки нашли мину, стали играть

с ней и добаловались! Одному палец оторвало, другому осколок в бок попал…

— Пошли, потом рассматривать будем! — сказал Лёва, запихивая в карман запал от гранаты. — Да ты не бойся — снаряды в руках не взрываются. Их и кидать можно. Во как!

Лёва невысоко подкинул снаряд и поймал его. Петя, осмелев, тоже легонько подкинул свой.

Шагал Петя быстро. Ему приходили в голову всякие смелые мысли.

«Во-первых, — думал он, — снаряд можно на ходу перекидывать из рук в руки, потом можно его покатить по земле, как брёвнышко, а ещё интересно бы положить его на плечо и нести возле самого уха».

После таких мыслей он почувствовал себя и впрямь бесстрашным человеком.

— Сейчас пойдём ко мне, — говорил Лёва. — У меня тоже все ушли. Возьмём молоток и — чик-чик — разом всё обделаем. А из запала свисток милицейский сделаем…

Припекало. Солнце поднялось уже высоко, и ни одно облачко не закрывало его спокойного сияния. Стояло погожее бабье лето. На сжатых полях стрекотали мириады кузнечиков. В голубом небе, курлыкая, учительской галочкой летели

журавли.

Входя в село, ребята засунули снаряды под рубашки. Около нового сруба их окликнул дядя Матвей:

— Эй, что несёте? Огурцы чужие?

— Не! — задорно улыбнулся Лёва. — Не угадали, дядя Матвей.

Когда вошли во двор и заперли за собой калитку, Петя устало присел на скамейку.

— Искупаться бы сходить.

Интерес к снаряду у него уже немного остыл. Всё оказалось простым и обычным. Так можно нести и любой кусок железа.

Лёва тоже порядком устал. До оврага было с километр ходу, а снаряды весили кило по три каждый.

— Пойдём окунёмся, — согласился он. — Только я сначала эти штуки за сарайкой зарою, а ты, хочешь, почисти пылью запал. Блестеть будет…

Зажав между большим пальцем и мизинцем трубочку запала, Петя стал протирать её пылью. После нескольких движений трубочка из ярко-зелёной превратилась в серо-зелёную, потом этот цвет поблёк, и вскоре за оставшимся сизым налётом уже стали проступать жёлтые блестящие царапины. Запал был сделан из латуни.

«А что, если трубочку разрезать ножом и посмотреть, как там устроено», — подумал Петя и вытащил из кармана самодельный складной нож. Положив трубочку на скамейку, он надавил ножом на кончик запала. Трубочка смялась. Петя нажал посильнее, и вдруг что-то огненное, что-то очень страшное ударило ему в лицо, в рот, в уши, разбросало руки и опрокинуло на спину.

Очнулся он через минуту. Боли никакой не было. Только на груди лежал тяжёлый камень и мешал дышать. «Умираю...» — подумал Петя и дико закричал. И сразу кто-то сильный подхватил его, положил на мягкое. Пахнуло сеном, и снова в нос ударил тошнотный запах крови. Издалека донёсся чей-то голос, очень похожий на голос дяди Матвея:

— Ах, сорванцы, что наделали!

Петя ясно различил эти слова, понял, что дядя Матвей подхватил его на руки, но всё это как-то проходило мимо сознания. И только один, вдруг неизвестно откуда надвинувшийся женский голос не давал ему покоя. Этот голос выкрикивал одно и то же:

— Петенька, боже ты мой!.. Петенька!..

— Мальчик, проснись! Уже завтрак!

Тёплая женская рука осторожно поглаживала

по плечу. Петя сладко потянулся, выпячивая грудь, поднял веки и… ничего не увидел. Испуганно схватился за глаза и, почувствовав на них повязку, сразу вспомнил вчерашнее.

— Где я? — чуть слышно спросил он.

— В больнице, в больнице! — торопливо ответила женщина. — Не волнуйся. Сейчас завтракать будем.

Петька помолчал. Потом, чётко выговаривая каждое слово, медленно спросил:

— А как же я есть буду? Я же не вижу!

«Не вижу!» У Пети внутри похолодело. Ему нестерпимо захотелось сорвать все повязки и выскочить из этой жуткой темноты. Но руки не повиновались. Он почувствовал, что от ощущения какого-то нарастающего страха у него начинают путаться мысли.

Скорей, скорей заговорить о чём-нибудь. Но вдруг горло сжала спазма. Петя всхлипнул.

— Ну вот, здравствуйте пожалуйста! — с мягкой укоризной сказала женщина. — Лучше раскрывай-ка рот.

Пете в зубы ткнулась ложка. Каша обожгла губы. Петя отдёрнулся и поморщился.

Женщина подула на ложку.

— И что плакать? — сказала она. — Приедет

профессор, посмотрит, и тогда станет ясно: плакать или не плакать.

И Петя услыхал, как несколько мужских голосов около него ответило:

— Верно! Верно!

Пете стало веселее. Значит, не он один такой. После завтрака санитарка Фрося взбила подушку, поправила одеяло и вышла. Петя разговорился с соседями по палате. Их было двое: один — Борис Фёдорович, бывший лейтенант (он Пете понравился сразу), другой — старшина Афанасий Дмитриевич. Они были ранены ещё во время войны, но до сих пор не могли избавиться от разных осложнений. Свет они видели, но плохо. Еле-еле различали предметы.

— Ох и лежать же надоело! — как взрослому, признался Пете лейтенант. — Лежишь себе и думаешь: провались бы оно всё пропадом — тоска зелёная. И только одно утешает: не зря пострадал.

— Вам-то что, — вздохнул старшина, — вы-то будете хорошо видеть, а мне-то как придётся — не знаю. Но тоже не робею. Слепой, а жизнь дороже.

Старшина громыхнул спичечным коробком.

— А ты, хлопчик, как пострадал?

Петя почувствовал, как под повязкой вспотели

щёки. Ему стало стыдно.

— У меня запал взорвался, — тихо признался он. — Я его ножом разрезал.

— Что, что?! — приподнялся на постели старшина. Под ним зазвенели пружины. — Запал взорвался?!

Голос старшины был злой, нехороший. Петя сжался в комок. Ему показалось, что старшина встаёт с постели и направляется к нему. Он готов был закричать: «Я не виноват! Это меня Лёвка научил!» — но тут в палате скрипнула дверь, и Фрося позвала:

— Мальчик, к профессору, на осмотр!

Петя был рад приходу санитарки. Она такая добрая и ни о чём не расспрашивает.

Пособив надеть халат, Фрося осторожно вывела Петю в коридор. Он впервые шёл вслепую. Он старался представить себе, что играет в жмурки и ничего тут страшного нет, но всё же инстинктивно ступал по-кошачьи, словно перед каждым шагом ожидала яма. В голове вертелся один вопрос: что скажет профессор?

Он не видел, как вошёл в полутёмную комнату с занавешенным окном. Не видел, что его окружили врачи, а перед ним уселся профессор в белой шапочке и в очках, вырезанных в форме

полумесяца.

С головы начали снимать повязку. Женский голос докладывал:

— Хлопов Пётр. Одиннадцать лет. Ранен при взрыве запала. Пытался разрезать его ножом. Лёгкий ожог рук и помутнение хрусталика на обоих глазах.

— Ну-с, голубчик, держи голову так.

Петя услыхал старческий голос и почувствовал, как мягкие пальцы приподнимают его за подбородок.

В руках профессора поблёскивал офтальмоскоп — круглое зеркальце на палочке. Жёлтый зайчик, отражённый зеркальцем от маленькой, но яркой лампочки, поплясал у Пети на лице и скатился на правый глаз. Петя зажмурился. Он увидел свет. Правда, он был похож на свет далёкого фонаря в ночи. Фонарь будто под ветром раскачивался из стороны в сторону.

— Замечаешь?

— Замечаю.

— Хорошо видно?

— Нет, мутно.

Профессор долго не отпускал Петю. Он просил то поднять глаза кверху, то опустить вниз, то смотреть в стороны.

Потом, положив руку на плечо, сказал:

— Ну-с, голубчик, будем лечить.

После обеда к Пете пришла мама. Она сидела на краешке постели и гладила его по волосам. Большой кусок пирога Петя жевал молча. Он чувствовал, что между ним и матерью встала какая-то преграда. И эта преграда — он сам, его баловство с запалом. Мама одевала его, кормила, отдавала самые лучшие куски (Петя замечал это!), если он болел — просиживала с ним целые ночи. Да что только не делала мама, чтобы Петя рос красивым и здоровым! А он? А он взял и в одну секунду поломал мамины труды. Ну куда он теперь годен — слепой? Как он сможет помогать маме под старость?..

С матерью Петя простился холодно, хотя ему до слёз было жалко её. Но побороть себя он не мог.

Вечером после отбоя Борис Фёдорович рассказывал сказку. Сказка была про Ивана-царевича и Василису Прекрасную. Лейтенант очень здорово умел менять голоса. Царь Берендей, и Кощей Бессмертный, и Василиса Прекрасная говорили у него по-разному.

Старшина то и дело с азартом перебивал:

— Ну, а дальше что?

В палатной тишине Пете ясно представлялось

подземное царство Кощея, такое страшное, с ведьмами, чертями и бушующим огнём. А сам Кощей был просто-напросто скелетом. Такой скелет Петя видел в биологическом кабинете школы. И почти как наяву Петя увидел погоню за Иваном-царевичем. Засыпая, он подумал: «Вот чудно как! Взрослые люди, а рассказывают детские сказки!..»

Сентябрьские погожие дни сменились беспрерывными дождями. Каждое утро Пете закапывали что-то в глаза и шприцем кололи руку. После укола Петя хватался рукой за лоб и, посасывая сквозь зубы воздух, взад-вперёд молча ходил по перевязочной — терпел. Повязка с головы у него была уже снята, но как он ни пытался, поднося к глазу, рассматривать какой-нибудь предмет, увидеть всё равно ничего не мог. А солнце, которое иногда проглядывало сквозь тучи, казалось ему тусклым и расплывшимся.

Между завтраком и обедом, если не крапал дождь, Петя обычно выходил во двор с Борисом Фёдоровичем. Гулять с ним было интересно. Он угощал семечками и часто рассказывал о фронтовой жизни. А ещё они подходили к барану, который щипал траву. Петя со смехом крутил его за рога, а потом давал обнюхивать руки. Мокрый

нос барана доверчиво тыкался в ладони.

За эти дни Петя передумал о многом. Его мысли часто останавливались на Лёвке. К нему была лёгкая зависть. Вот он сейчас гуляет на свободе, ходит, учится, а Петя лежит. И вместе с этим Петя очень волновался за товарища. Как бы Лёвке не вздумалось разбивать молотком снаряды.

Он хотел было о Лёвкином житье-бытье порасспросить у мамы, но, чувствуя, что она зла на Лёвку, расспрашивать не решился.

Но однажды, к Петькиному удивлению, мама сказала:

— Это тебе от Лёвки, — и сунула в руки большой пахучий шар.

Петя оставил яблоко до вечера. После ужина, оторвав зубами большой кусок сладкой мякоти, Петя вдруг обнаружил в яблоке записку. Она была свёрнута трубочкой. Такой способ передачи для Пети был не нов. Яблоко протыкается гвоздём, а потом в дырку запихивается записка. Но в больнице это была большая радость. Прочесть записку Петя не мог, а показывать никому не стал. Мало ли что может Лёвка там написать. Так непрочитанную и запрятал в тумбочку.

Петя ждал операции. Об этом ему не раз говаривали и врачи, и профессор. И даже, как у

большого, спрашивали разрешения. Петя согласился. Он знал, что с операцией к нему должны прийти и школа, и товарищи, и санки, и многое другое, по чему он уже успел соскучиться. А без каких-то там хрусталиков, которые удалят, как сказал профессор, он обойдётся. Их вполне заменяют очки.

И вот однажды утром Петьке не подали завтрака. У Пети началась неприятная внутренняя дрожь. Он предчувствовал, что сегодня с ним произойдёт нечто особенное.

Действительно, вскоре в палату вошла сестра.

— Петя, на операцию, — сказала она весело и взяла его за локоть.

Пете стало не до смеха.

В большой операционной пахло спиртом. Петю положили на стол. Руки ему привязали к столу бинтами, а на ноги навалилась сестра. Сердце стучало так часто и сильно, что казалось, вот-вот выпрыгнет из грудной клетки. Петьке дали выпить какой-то порошок. Сердце мало-помалу успокоилось.

— Ну-с, голубчик, сейчас мы тебе подарим свет, — слышал Петька то удаляющийся, то приближающийся голос профессора. — Только не бойся, больно не будет.

Запах спирта ударил Пете в нос. Что-то кольнуло в правый глаз, и Петька почувствовал, как вслед за этим по глазу начали чем-то скрести. Боли не было. И вдруг — свет! Обыкновенный свет электролампочки ударил в глаз. Над глазом двигались чьи-то руки.

— Вижу! Вижу! — закричал Петя. — Я вас вижу!

— Ну и смотри на здоровье! — отозвался профессор.

Он был бородатый и усатый.

Нервы у Пети были напряжены. Больше сдерживаться он не смог и заплакал…

В свою палату Петя плыл на носилках. Ночью он не спал. Боялся, что, заснув, резким движением может случайно повредить глазам. Глаза болели. Лёжа на спине, он с завистью слушал лёгкий храп Бориса Фёдоровича и тоненькое посвистывание старшины. Петя думал о том, что глаза — самое основное в жизни. Правда, это была не его мысль, а мысль старшины, но почувствовал её Петя очень ясно только сейчас, в первые часы своего прозрения. Раньше он об этом не задумывался, как вообще не думал о своём здоровье. Шёл дождь, и мама велела надевать галоши. Стоял на улице мороз, и мама завязывала

горло шарфом. А Петя злился на неё. «Кутает, как маменькиного сыночка, — думал он, — всё равно выйду на улицу и сниму». Теперь же ему очень хотелось, чтобы сейчас на постели сидела мама. Петька никогда-никогда не покинет маму, когда вырастет большой.

Под утро он заснул.

...Зрение увеличивалось быстро. На пятый день врачи позволили повязку снять, и Петя уже самостоятельно мог ходить по больничным коридорам. Предметы и люди виделись ему ещё как в тумане или как в речной воде. Петя подходил к столу и с тихой радостью говорил: «Это стол!» Точно так же он узнавал и стулья, и шкафы, и кровати. Такая же радость была и в первом классе, когда Петька впервые из слогов научился составлять слова.

Он замечал, что надпись в коридоре «Не курить» с каждым днём вырисовывается всё лучше и лучше.

За день до выписки Петю вызвали в перевязочную. Врач усадил его перед таблицей, на которой были напечатаны буквы уменьшающегося размера, и стал подбирать очки.

— Ну, как видно? Ясно? — спрашивал он, вставляя в специальную оправу выпуклые стёкла.

— Не… не очень, — отвечал Петя. — Всё расплывается.

— А ну-ка попробуем вот это стёклышко. Прочитай пятую строчку.

— Лучше. Ой, здорово как! Н, К, М, Б, Ы, Ш!

Петя прочитал и последнюю строчку. Шрифт её был совсем мелкий.

— Молодец ты у меня, — сказал врач, — в очках будешь на сто процентов видеть!

«Четырёхглазый буду! — подумал Петя. — Ребята задразнят. А вдруг и Лёвка заступаться не будет?»

Но очки, которые сидели на носу, он снимать не собирался. Смотреть через них было удивительно приятно. Особенно за окно. Там уже лежал снег. Под солнцем он сверкал и слепил глаза. От больницы уходила санная дорога. Она была прямой и тянулась к лесу. Если идти по этой дороге, то можно прийти к своему дому. Иней лежал на стёклах, и Петя очень чётко различал причудливые его узоры.

Из перевязочной Петя побежал к себе в палату. Борис Фёдорович нашёл, что Пете очки к лицу. И даже сам примеривал их. Чтобы рассмотреть Петю в очках, он приближался к нему вплотную, нос к носу. Потом Петя присел возле тумбочки.

На второй полочке, за коробкой зубного порошка, лежала записка от Лёвки.

Петя развернул её. Теперь он сможет её прочитать. «Петя, здоро́во! — писал Лёвка. — Мне трудно тебе писать, потому что во всём виноват я. Мы с тобой были большие дураки. А снаряды, закопанные за сараем, я отдал дяде Матвею. Он влепил мне затрещину. Приходи быстрей, будем учиться вместе. Я тебе во всём помогу».

Петя разорвал записку. На сердце у него стало хорошо. И какой он всё-таки хороший друг: «Я тебе помогу».

Петя задумался. Вот он видит — пусть без очков еле-еле, но видит, а ведь могло быть и так, что… нет, об этом даже трудно подумать.

И, чтобы развлечь себя, Петя вслух стал читать журнал «Огонёк», который лежал на тумбочке. Лейтенант и старшина попросили читать громче. Читал Петя до вечера. Он никак не мог оторваться от этих чудесных мелких строчек и разноцветных картинок.

Синий турман

Новая жизнь у Миши началась в тот день, когда он, возвращаясь из школы, увидел в Петровском переулке необычную картину. Под липами стояла какая-то женщина с мешочком в руках и, отмеривая стаканчиком ячмень, продавала его прохожим. Мужчины и женщины охотно покупали зерно и тут же веером рассыпали его по переулку. А на асфальте пировало целое голубиное царство. Серые, чёрно-белые, сине-жёлтые, малиновые — короче говоря, всех цветов и оттенков голуби весело толкались, как на базаре, и моментально склёвывали всё, что им бросали. В сторонке от них сидел воробышек и незаметно потюкивал не принадлежащее ему зерно. Машины в переулке замедляли ход. Зобатые птицы степенно, вперевалку расходились по сторонам.

Миша тоже купил себе стаканчик за пять копеек и, чтобы продлить удовольствие, бросал ячмень по щепотке. Голуби окружили его, вертелись у самых ног, и Миша мог схватить одного и засунуть под курточку — ведь голуби были дикие, — но вокруг толпились люди, и неизвестно, как бы они отнеслись к этому.

С этого дня Миша решил сделать у себя кормушку. За окном на железном карнизе он насыпал хлебных крошек и стал ждать. Первый гость явился тут же. Это был воробей.

Он поглядел на Мишу одним глазком — дескать, не тронешь, а? — и, схватив крошку, бросился наутёк.

Потом Миша вместе со своим приятелем Борькой устроил сетчатую ловушку. Чуть дёрнешь за верёвочку, ловушка хлоп — и птичка наша!

Садясь к подоконнику читать книжку или делать уроки, Миша обязательно к своей ноге привязывал верёвку от ловушки. Но, конечно, он всегда отпускал пойманных птиц. Подержит, подержит в руках, покажет маме, соседям на кухне и выпустит.

Однажды на карниз уселся голубь. Не глядя на крошки, он важно прошёлся, словно капитан по капитанскому мостику. Ноги у него были четырёхпалые, нос — короткий, вздутый, с двумя чёрными щёлочками. Он был надменный, с умной шаровидной головкой и с крыльями цвета воронёной стали. Их синева отливала жемчужными красками. Но главное было другое: лапку голубя обматывала — хм, вот любопытно! — какая-то бумажка.

Миша вовремя дёрнул ногой.

Рыжеволосый Борька ворвался в комнату как по боевой тревоге. Когда ему по телефону сообщили о таинственном голубе, он притащил из дома увеличительное стекло и медицинский пинцет.

Борька осторожно пинцетом разорвал белую нитку, накрученную вокруг пушистой лапки, и развернул бумажку. Почерк в ней был аккуратный и круглый, будто принадлежал какому-нибудь отличнику учёбы. Только буква «П» была написана как печатная.

Борька долго и так и сяк вертел бумажку в руках и пристально, через лупу, изучал единственную в ней строчку:

«Прошу сообщить, кто кормит этого голубя, кроме меня».

— М-да… — наконец промолвил он. — По моим данным, это письмо загадочное. И тут, видно, дело нечистое.

— Почему? — опешив, спросил Миша.

— Видишь ли, у бумажки неровные края, и, следовательно, когда её вырывали — торопились. Значит, кто-то взывает о помощи…

Таким заявлением Миша совсем был сбит с толку.

— Подожди, — сказал он. — Эта бумажка из тет-

ради в клеточку, и почерк тут как у школьника. Значит…

— Ваше наблюдение верное, — вдруг почему-то переходя на «вы», сказал Борька. — Но меня интересует сейчас другое: кому и зачем понадобились такие сведения о голубе? А голубь — известно ли это вам? — штука военная… А? Что скажете?

Борька прищурил свой жёлтый глаз и бросил лупу на стол.

— Нам нужны доказательства, — твёрдо сказал он.

У Миши совсем опустились руки.

— Какие доказательства? — упавшим голосом спросил он.

— Ну как — какие? Такие… — загадочно ответил Борька. — Сам должен понимать… И надо нам сейчас такой ответ написать, чтобы этого человека не вспугнуть. Ответ должен быть очень тонкий и вежливый. Пиши!

Миша взял бумажку.

— «Милостивый государь! Вашего пернатого друга кормит один ваш покорный слуга. Сообщите ваши координаты»…

— А как пишется «координаты» — два «о» или два «т»? — спросил Миша.

— Пиши два «т», а впрочем, это неважно. Это

как раз и будет тонкостью в нашем письме. Мы сразу сможем установить образование этого человека.

— А может, не надо — «Милостивый государь!»?

— Нет, надо, — убеждённо ответил Борька. — Он сразу поймёт, что имеет дело с интеллигентными людьми… Понял?

Через день Борька был снова вызван по боевой тревоге. Миша прижимал к груди знакомого голубя.

— Опять прилетел, чертяка? — изумился Борька.

— Прилетел! И бумажка опять…

— И что он повадился сюда, непонятно! А ну-ка, что тут написано?

Борька через лупу осмотрел ножку и установил, что сейчас нитка была уже не белой, а чёрной, а бумажка уже не тетрадная, а клочок газеты. Текст был странный:

«Благодарю ваше сиятельство зпт ждите дальнейших указаний тчк Координаты через два «о» сообщить пока не могу тчк».

— Ну, Мишка, дела-а! — присвистнул Борька. — Он за каких-то графов нас принял. И, видно, тут будет крупная перестрелка.

В перестрелке Мише участвовать почему-то не очень хотелось, и он решил себя подбодрить:

— Да брось ты, Борька, выдумывать. Тоже мне догадался: раз чёрная нитка — значит, перестрелка.

— Ну хорошо. А что же это, по-твоему, тогда значит: «ждите дальнейших указаний» или вот эти буквы — «зпт» и «тчк»?

— По-телеграфному: запятая и точка.

— Ерунда! Телеграфом в этой записке и не пахнет. ЗПТ — это шифр и означает что-то вроде: «Запрячьте подальше тело» или «Зайдите, пожалуйста, тотчас», а ТЧК можно так расшифровать: «Тайные чемоданы киньте».

— Уж нагородил, нагородил: и про чемоданы, и про тело! Чепуха какая-то! — решительно сказал Миша. — А вот насчёт «Зайдите, пожалуйста, тотчас» — это, может быть, и правильно. И зайти мы сможем.

— А как адрес узнать?

— Очень просто…

В этот вечер голубь не получил ни зерна, ни хлебной крошки. Миша посадил его на антресоли и поставил рядом с ним блюдечко с водой.

На следующий день с театральным биноклем — его Борька достал у мамы — друзья полезли на

крышу своего пятиэтажного дома. У Миши из-за расстёгнутого воротника рубашки выглядывала голубиная головка.

Когда Борька около кирпичной трубы поднял к глазам бинокль и скомандовал: «Воздух!» — Миша подбросил голубя вверх.

Расчёт действительно был очень простой. Голубь за ночь проголодался, и, так как Мишина кормушка пуста, он полетит к неизвестному «милостивому государю».

Голубь сразу пошёл в небо, сделал крутой вираж и вдруг исчез за Мишиным домом.

— Тьфу, собака! — сказал Борька. — Он, наверно, опять к тебе сел?

— Что же делать? — спросил Миша. — В комнату побежать?

— Не надо, мы его отсюда пугнём. Ползи за мной на животе.

— Смотри, как бы нам отсюда, с пятого этажа, не закурлыкать.

— Ничего, пострахуем друг друга за ноги. Хватайся за пятку.

Друзья подползли по-пластунски по наклонной кровле к самому краю и стали отчаянно свистеть. Но голубь на них не обращал никакого внимания.

— Эй, ты! — кричал Борька. — Кому говорят!

— Давай отчаливай! — вторил Миша. — Тебе говорят или нет?

— Не сходит, гадюка, — вздохнул Борька. — Чем бы пугнуть, Мишка? А ну-ка брось в него фуражкой!

— Фуражкой? Ты что?! Она у меня новая.

— Пожалел, да?

— Конечно, пожалел. Только вчера купили.

— Ладно. А мне для дела ничего не жалко, — сказал Борька и, сняв с ноги ботинок, метнул его вниз.

Ботинок пролетел мимо голубя и хлопнулся в двух метрах от тележки с газированной водой.

— Не вышло, — вздохнул Борька и вдруг завопил: — Эй, дядя, это мой ботинок! Куда потащил? Он у меня случайно упал!

Прохожий покачал головой и бросил ботинок к водосточной трубе.

— Теперь твоя очередь, — сказал Борька.

Миша снял с головы фуражку, оглядел её, новенькую, с лакированным козырьком, и швырнул.

Фуражка сбила голубя, он вспорхнул и всё круче и круче стал забираться в небо. Он летел над лесом телевизионных антенн, над разноцветным

скопищем крыш и, казалось, не спеша выглядывал знакомое местечко. Но вот он превратился в точку, и эта точка опустилась за бульваром, за серым десятиэтажным домом.

Миша должен был одновременно смотреть и за голубем, и за валявшимися в переулке фуражкой и ботинком и поэтому самый момент голубиной посадки прозевал. Но Борька уверенно оказал: «Идём, я засёк!» — и, громыхая по железной крыше, побежал к пожарной лестнице.

За десятиэтажным домом стоял дом поменьше — шестиэтажный, и, когда ребята вошли во двор, они сразу увидели на четвёртом этаже на карнизе широкого окна голубиную кормушку. И в ней ходил их голубь!

— Тихо, — сказал Борька, — делай вид, что зашёл сюда случайно, и больше не смотри туда. Какое примем решение?

— Пойдём на четвёртый этаж и узнаем, кто там живёт, — отвернувшись от дома, сказал Миша.

— А если сначала повести наблюдение?

— Что ж, весь день тут будем торчать?

— И поторчим, если для дела надо. ТЧК не просто так пишется…

Однако Миша двинулся к парадному.

С затаённым дыханием они стали подниматься

по лестнице. Один раз даже прижались к стене — в чьей-то квартире раздался телефонный звонок.

На четвёртом этаже на дверях, обитых чёрной клеёнкой, были наклеены заголовки газет: «Правда», «Известия», «Литературная газета», «Вечерняя Москва», а слева под звонком висела табличка:

Туманян — 1 звонок
Гершензон — 2 звонка
Сизов — 3 звонка

— Кто же из них голубей гоняет? — задумчиво прошептал Миша. — Туманян или Гершензон?

— Наверно, всё-таки Сизов, — отозвался Борька. — Сизов, Сизарь, Почтарь… Понял?

В это время за дверью кто-то прошёлся и кашлянул, и ребят как ветром сдуло.

Но всё-таки уходить со двора, когда уже был найден ключ к разгадке, им не хотелось. Они уселись на деревянную оградку, окружавшую клумбу, и сделали вид, что на песке решают какую-то геометрическую задачу.

К парадному подкатил сверкающий полированными боками автомобиль, и из него в чёрных чулках вышла, видно, домработница с авоськой, набитой яблоками. Потом во дворе появился

старьёвщик с мешком.

— Старьё берём! — гортанно крикнул он и, тоскливо осмотрев окна, снова повторил: — Старьё берём!

И вдруг из парадного, держа за ошейник овчарку, выскочила… девчонка. Она была в лыжных брюках и в красном свитере с белой спартаковской перекладиной на груди. Лицо у неё было худенькое, скуластое, глаза — большие и синие. Она отцепила овчарку и, заложив два пальца в рот, пронзительно свистнула вдогонку и побежала через ворота в сквер.

— Джек! Джек! — кричала она.

Мишка с Борькой переглянулись.

— Видел?! — вырвалось у Миши. — Вот кто! Помнишь листок из тетради?

И тут же все Борькины загадки, разгадки, перестрелки пошли побоку. Мише стало ясно — и как он, дурак, раньше не догадался! — что он переписывается с этой девчонкой! Она свистит в два пальца — значит, гоняет голубей!

Борька был спокоен. Он прошептал:

— Это ещё не установлено. Будущее покажет.

Но что бы ни показало будущее, Миша теперь всё понял. Это она, вот эта стриженная под мальчишку девчонка, специально послала ему с

голубем письмо.

Мише уже давно хотелось дружить с девочкой, и он представлял, что она будет как Бекки Тэтчер из «Тома Сойера» — в пелеринке, в белом платье с широкой юбкой, с голубыми глазами и золотыми волосами. Но и эта, впрочем, подходила. И у неё мировая овчарка! Пусть она похожа на мальчишку, но зато спортсменка. И Борька ещё позавидует!

— Дальше здесь оставаться бесполезно. Темнеет, — заявил Борька. — Наблюдение откладывается на завтра…

Вечером Миша мечтал. Она, конечно, однажды увидела Мишу на улице и захотела с ним познакомиться. А так как на улице неудобно подходить к людям и говорить: «Давайте дружить», то она, выследив Мишу и заметив на его окне кормушку, решила начать издалека — подослать голубя. Ну что ж, это Мише очень нравится. А этот Борька — лопух. «Запрячьте подальше тело»! Придумал тоже. Татка давно уже на него поглядывает и даже в классе зовёт при всех: «Рыжик!» — а ему хоть кол на голове теши. «Будет перестрелка»!

И вдруг Миша решил написать письмо.

«Здравствуйте, — начал он. — Я знаю тебя, кто ты. Вчера ты гуляла с собакой, а я ходил рядом. Её

зовут Джек, а как тебя? Ты думала, что я тебя не найду, а я нашёл. Пиши. С пионерским приветом! Миша».

Нового прилёта голубя Миша ждал уже как манны небесной. Он теперь стал по утрам гладить пионерский галстук, смачивал волосы водой и аккуратно — волос к волосу — зачёсывал их назад. А спал он, повязав голову косынкой.

И своего он добился. На уроке Татка как-то сказала, что Миша очень изменился внешне, и в лучшую сторону. Значит, и та, с овчаркой, могла бы заметить то же самое.

Миша не раз думал о том, а как всё-таки зовут эту девчонку: Катя, Соня или Вера? Ему почему-то хотелось, чтобы её звали Катя. А вот бы здорово было, если бы ехал автомобиль и с него упал бы ящик с конфетами! Миша обязательно подарил бы его Кате. Ешь, не жалко… И вообще, если в вашей квартире что-нибудь испортилось… зовите меня. Я всё сделаю. Или, если хотите, дров нарублю…

Почта пришла через неделю. И как раз в тот момент, когда у Миши находился Борька. Мише не хотелось распечатывать при Борьке письмо, потому что оно было адресовано только одному ему, но Борька бесцеремонно схватил голубя за

лапку, перевернул его кверху ногами и сорвал нитку.

— «Уезжаю сегодня на Кавказ тчк Убедительно прошу ваше сиятельство обязательно кормите турмана тчк», — прочёл Борька и воскликнул: — Опять эти ТЧК! Этот человек, наверно, заметает следы! Что же делать?

— А вдруг… а вдруг… она ещё не уехала? — сказал Миша. — Ведь написано: «сегодня», а сегодня-то ещё продолжается.

Борька понял друга, хотя слово «она» пропустил мимо ушей.

Когда Миша бежал к шестиэтажному дому, он сожалел только об одном: почему он раньше не послал ей своё письмо…

Двор был пустой, никто здесь с собакой не гулял. В воздухе одиноко кружил жёлтый тополиный листок.

И снова, пока ребята сидели на деревянной оградке, к парадному подкатила машина, и из неё вылезла домработница в чёрных чулках. Вместо старьёвщика по двору прошёлся человек в кепке — видно, водопроводчик. На плече он нёс батарею парового отопления. Всё было здесь по-старому. Разве только — к дому подкатило такси с красной крышей, и в него сел какой-то

смешной старик с чёрным треугольником бровей и в каракулевой кубанке. Он вынул из кармана платок, и оттуда посыпались какие-то крошки, оглядел свой дом с балконами и вот этой голубой кормушкой, взглянул на чистое небо и, высморкавшись, уселся рядом с шофёром.

Борька понял всё сразу: вот этот старик и есть тот самый «милостивый государь», который переписывался с ребятами.

А Миша подумал о своём: «Не успели!» И как узнать, надолго ли уехала Катя? Когда она вернётся? А может быть, на Кавказе она и совсем останется? И видно, никогда-никогда она уже не узнает, что Миша её всё-таки открыл, нашёл, несмотря ни на какие эти ЗПТ. И не только нашёл, но и увидел её — в лыжных брюках, и узнал, что она умеет свистеть.

Мише было очень и очень грустно. Вот познакомился с девчонкой, а она и уехала. И только голубя своего оставила…

Но тут Миша с Борькой вздрогнули от раскатистого собачьего лая. На них прыжками неслась знакомая овчарка.

— Мишка, тикай! — крикнул Борька и метнулся в парадное.

Но Мишка застыл на месте.

— Джек! Назад! — услыхал он в подворотне «Катин» голос и тут же радостно поддержал её:

— Джек! Джек! Свои!

Джек действительно обнюхал Мишу как своего и кинулся к парадному, где за стеклянной дверью торчало испуганное Борькино лицо. Потом это лицо исчезло, и Миша подумал, что Борька уже несётся по лестнице на шестой этаж.

— Здравствуйте, — улыбаясь, сказал Миша проходящей мимо него девочке. — А это вы здорово придумали с голубем!

— С каким голубем? — остановилась девочка.

— Ну, с тем… который с письмами…

У девочки в недоумении вытянулось лицо.

— Ты что, с луны свалился? — улыбаясь, спросила она. — Голубями дядя Миша занимается: вот он сейчас на курорт уехал — видел? А я — нет…

— А что лучше — голуби или собаки? — вдруг, не растерявшись, спросил Миша.

— Не знаю. Я, например, люблю собак, а кошек ненавижу.

— Я тоже их ненавижу, — сказал Миша. — А ваш Джек лапу даёт? — И, не дожидаясь ответа, Миша присел на корточки со словами: — А ну-ка, Джек, дай лапу!

Джек, высунув розовый и мокрый язык, по-

слушно подал правую лапу.

Борька, стоявший за дверью парадного, немел от удивления. Он не понимал, что происходит во дворе.

Янтарный мундштук

Родителей дома не было. Папа ещё утром ушёл на работу, а мама совсем недавно. Она ушла в библиотеку и пробудет там, наверно, долго.

Пока мама одевалась в передней, Серёжа делал вид, что усиленно занимается уроками. Он то морщил лоб, то поднимал глаза к потолку и что-то бормотал про себя, то вдруг, хлопнув рукой по лбу, облегчённо вздыхал и усердно скрипел пером.

Но только захлопнулась наружная дверь, Серёжа бросил ручку и потянулся.

Наконец-то ушла. Дома никого. Делай что хочешь!

Но Серёжа знает, что именно он будет делать. Он полезет в папин шкаф. Ух, сколько там интересных вещей! Но только почему папа не даёт посмотреть, например, на пишущую машинку? Ведь она не поломается. А зато как здорово выходит: ударишь пальцем по клавише, а там буква выскакивает. И звонок есть! Как валик сильно отойдёт в сторону, так он дзинь! — нельзя дальше! И Серёжа двигает его обратно. А однажды валик застрял. Ну и пришлось же тогда помучить-

ся! Без футляра машинку в шкаф не положишь, а футляр не надевается: валик мешает.

У Серёжи пот выступил на лбу. И нажать посильнее на валик страшно — вдруг что-нибудь там согнётся! А тут ещё телефон зазвенел.

— Серёжа, чем ты занимаешься? — спросил папа.

— Уроки делаю, — хотел было бодро сказать Серёжа, да вышло, видно, как-то неубедительно, потому что папа снова спросил:

— А почему у тебя голос дрожит?

Но всё-таки валик на место встал.

И ничего хитрого там не было: просто нужно было на одну кнопку нажать.

А ещё у папы в шкафу спрятаны цветные карандаши и краски. Краски лучше карандашей. Они лежат в деревянной лакированной коробочке. Когда открываешь крышку, из коробки на двухэтажных полочках поднимаются все краски. Серёжа уже не раз слюнявил палец и тёр им по краскам. Палец делался или синим, или красным и смешными узорчиками отпечатывался на бумаге. Эти краски подарят Серёже, когда ему исполнится тринадцать лет.

Вот радость — три года ждать! Как будто сейчас рисовать не хочется.

Вообще папа только обещает. А чтоб сразу подарить — жалеет. Говорит, поломаешь.

А что Серёжа — маленький, что ли? Вот не поломался же бритвенный прибор, когда на него посмотрели? Не поломался. А приборчик совсем новенький и весь блестит, как зеркало. Даже смотреться можно. Лицо какое-то чудное становится — длинное и тонкое, как у лошади. И машинка для точки бритв тоже Серёжина будет. Она жужжит, когда её крутишь.

Ещё папа обещал, что через десять лет подарит мундштук. Он, наверно, думает, что Серёжа курить будет. Только он ошибается.

Серёже не нравится этот горький дым. От него чихать хочется и голова болит.

Мундштук достался папе от дедушки. Серёжин дедушка был кавалеристом. В русско-японскую войну он однажды с командиром своего эскадрона выехал на разведку. По дороге они наткнулись на японцев. Их было больше, и они тоже были на конях.

Размахивая саблями и стреляя на ходу, они погнались за русскими разведчиками.

Под командиром эскадрона убило лошадь. Она с размаху упала на землю и придавила командиру ногу. Японцы приближались, но дедушка

не растерялся. Он помог командиру выбраться из-под убитой лошади, посадил к себе на лошадь, за спину, и рванул поводья.

Вечером на привале к костру, где сидел дедушка, подошёл командир. Он обнял дедушку, поцеловал его в губы и сказал:

— Вот, возьми на память мой мундштук. За смелость дарю.

С тех пор дедушка берёг этот мундштук, потом своему сыну, то есть Серёжиному папе, подарил. И тоже велел беречь. И совсем не обязательно из него курить. Он может и просто так лежать. Но зато у кого он будет храниться, тот всегда должен быть смелым.

Ведь не зря папа про мундштук говорил, что он ему очень дорог. А посмотреть — так чего ж тут дорогого! Был бы из золота, тогда дело другое. А то из камня, из янтаря, но всё же очень красивый, а если посмотреть на свет — такой жёлтый-жёлтый.

У толстого конца его, куда папироса вставляется, вырезаны чудны́е животные — не то олени, не то быки — и какая-то женщина с рыбьим хвостом, а около тоненького конца — серебряное колечко. На колечке какие-то закорючки нарисованы, а может, что и написано.

Только одна закорючка на букву «Ж» похожа, а другие, как ни читай, всё равно не разберёшь.

А всё же, наверно, приятно из него курить!

Папа вставляет в него папиросу только после обеда и когда гости приходят. Остальное время мундштук лежит в чёрненьком футлярчике в шкафу и ещё под замком. Вот как берегут его!

У папы два ордена, он с фашистами воевал. И он как-то рассказывал, что даже на войне берёг драгоценный мундштук, боялся, чтобы он как-нибудь не выпал из кармана.

Серёжа вертит в руках мундштук. Смотрит через него в окно. Красивый какой! И во рту приятно подержать, как барбариску. Барбариска с дырочкой, и мундштук с дырочкой. Только он чересчур табаком пахнет, и даже на языке горечь.

Серёжа сплёвывает на пол.

Что случилось? Серёжа не верит своим глазам. Как это произошло? Он взял мундштук в рот. Во рту стало горько. Серёжа сплюнул, и… мундштук лежит на полу. Он лежит, освещённый солнцем, такой красивый, но уже короткий.

Кончика нет? Да вот он, кончик!

Серёжа тупо смотрит на мундштук, приставляет к нему кончик. Тот легко входит в серебряное колечко, но там уже не держится.

Что делать? Может быть, самому починить можно, как тогда машинку починил? Склеить его, что ли? Клея нет. Да простой клей, наверно, всё равно янтарь не возьмёт. Тут нужно особенным, а где его взять? И ведь только секунду назад всё так было хорошо. Зачем он полез в шкаф? А папа тоже хорош: раз прячет ключ от шкафа, так надо прятать, чтоб его никто не нашёл. А то положил под бумагу на письменном столе…

Что делать? Позвонить папе на работу? Маме рассказать? Ох и влетит!

Но Серёже уже не страшно, что ему попадёт. Он готов даже к тому, что его убьют. Но ему жалко до слёз янтарного мундштука.

Он вспомнил, как берёг его папа, как прочищал его ваткой, как в спирту обмывал. А ещё жалко, что в двадцать лет у него уже не будет такого подарка. Мундштук дедушка передал папе, папа в боях с ним бывал, и он не разбивался, а теперь?

«Папочка, милый, что делать? Я больше не буду лазить к тебе в шкаф!»

Дрожащими пальцами Серёжа складывает мундштук с отбитым кончиком в чёрненький футлярчик и запирает шкаф.

Солнечного апрельского дня для него больше не существовало. Он плохо обедал и всё время

молчал. Мама тоже ни о чём не расспрашивала. Но Серёже казалось, что она уже всё знает о разбитом мундштуке и ждёт, пока он сам расскажет. А он не может рассказывать. Не может! И что тут говорить, если он папу расстроит? А может, лучше рассказать обо всём? Надо быть смелым, как дедушка. Вот сейчас подойти к маме и сказать: «Делайте со мной что хотите — мундштук разбил я». Пойти или не пойти?

Серёжа до вечера не находил себе места. Ребята звали играть в футбол, но он не пошёл.

А когда за окном зажглись фонари, он лёг в постель. Болела голова.

Мама положила ему на голову холодный компресс, но Серёжа снял мокрую тряпку.

Пусть болит, так и надо…

Проснулся он ночью.

Мама ходила вокруг стола и, потирая пальцами виски, взволнованно шептала:

— Не брала я мундштука, не трогала. Пойми же, кому из нас вдруг понадобился этот мундштук? Серёже? Серёжа в шкаф не полезет. Я за него ручаюсь. А если бы он заглянул туда, то сказал бы.

Нарочно поворачиваясь к стенке, Серёжа ещё раз на секунду приоткрыл глаза.

Папа сидел за столом и держал в руках разби-

тый мундштук.

— Да я ни на кого не сержусь, — грустно говорил он, — мундштук ведь у меня ещё на фронте разбился. Его осколком задело. В каком-то, уж не помню, городе я отдал его в мастерскую. Там на склеенное место вот это серебряное колечко положили. Только не понимаю, когда он успел опять расклеиться? Видимо, я как-нибудь неосторожно положил.

Тёплые слёзы медленно покатились у Серёжи по щекам. Он тяжело вздохнул и тихонько всхлипнул.

А мама сказала папе:

— Тише! — И, приложив палец к губам, кивнула на Серёжу: — Не разбудить бы…

Записка

Федю Зайцева с позором выгнали с урока. И мало того — выгнали, Клавдия Сергеевна ещё написала записку отцу: «Уважаемый товарищ Зайцев, прошу обратить внимание на поведение Вашего сына. За последнее время Федя очень разболтался: на уроках подсказывает, много разговаривает со своей соседкой, а сегодня пытался кукарекать из-под парты».

— Покажешь эту записку папе, — сказала Клавдия Сергеевна, — и пускай он на ней распишется. Понял?

— Понял, — угрюмо ответил Федя и стал собирать книжки. «Ох и вредная у нас учительница!» — подумал он.

Но кто его дёрнул кукарекать? Сидел бы себе спокойно, и от отца бы не влетело. А теперь пойди покажись ему со страшной запиской. Отец такой выговор закатит — не обрадуешься. И во всём виновата Софка. Это она всё подбивала: «А ну-ка, Федя, кукарекни! Все мальчишки должны быть смелыми». Ну, Федя и показал себя. Софка-то осталась в классе, а он… ох и жизнь пошла!

Вообще эта Софка была какая-то странная дев-

чонка. Федя сидел на задней парте один, а Софка взяла переложила к нему свой портфель и заявила: «Мне отсюда лучше на доску смотреть. Я дальнозоркая. Теперь будем вместе».

Федя хотел было взбунтоваться, но, увидев, что у Софки на руке настоящие часы, смирился. С часами хорошо сидеть, можно в любое время узнать, сколько минут остаётся до конца урока.

Ну и с тех пор у них пошло: что ни урок — то сплошные разговоры с Софкой и сплошные замечания от учителей.

Отец у Феди работал мастером на заводе. Человек он был строгий, молчаливый. А если уж скажет слово, как топором отрубит. Всё будет поотцовскому. Например, запретил он Феде два дня выходить на улицу за то, что Федя сказал бабушке, что она разбирается в пионерских делах, как свинья в апельсинах, — и Федя сидел дома как миленький. Или вот другой случай: Федя взял на своём велосипеде да и стал выделывать разные фокусы: управлять ногами, ездить задом наперёд, и врезался в дерево. На колесе образовалась «восьмёрка», руль был свёрнут, а рама поцарапана. Отец посмотрел на велосипед и сказал: «Хватит! Раз не умеешь беречь вещь, не будешь кататься целый месяц». И всё было, как сказал: Федя не

катался ровно тридцать один день.

А какое наказание отец теперь выдумает — неизвестно.

Да, впрочем, не так было страшно для Феди наказание, как мысль о том, что отец опять разволнуется и у него будет болеть сердце. Ему врачи давно запретили волноваться, и дома, например, мама всегда создаёт для него покой. И Федя отца бережёт: не топает ногами в комнате, не поёт, а Вовку-соседа бьёт только на улице. А сегодня он не удержался — сорвался.

Федя бродил по улице после школы и долго раздумывал, идти домой или не идти. Может быть, сесть на какой-нибудь поезд и уехать на целинные земли? Или вот неплохо было бы, если бы его легонько сбил автобус. Ударил бы крылом несильно, и Федя пролежал бы дома дней десять, и всё бы забылось: и его кукареканье, и записка. А к нему могла бы приходить Софа с конфетами и печеньем, каким она всегда его угощала на уроках.

Но когда уже начало смеркаться, Федя решил, что лучше всё-таки не сталкиваться с автобусом, и пошёл к своему переулку.

Дома мамы не было, и Федя, съев холодный обед — это его пускай девчонки разогревают, а

он не хозяйка! — уселся за телевизор. Но мысли о записке не давали ему покоя. Показать её папе или не показать? А вдруг отец разволнуется, с ним опять плохо будет?

«Ну, Софка, погоди, я тебе тоже что-нибудь подстрою!»

А что, если пойти и отлупить Софку? Раз с ним произошло такое несчастье, пускай она тоже поплачет.

Сказано — сделано. Федя быстро оделся. Девочка жила через переулок. Он поднялся к ней на второй этаж и позвонил.

— Федя, это ты? — сказала Софина мама, маленькая черноволосая женщина, открывая дверь. — А Софы нет дома. Что ей передать?

— Скажите, что я приходил… по делам.

— А может быть, ты её в комнате подождёшь, если что-нибудь важное?..

— Нет, спасибо, — ответил Федя, а сам решил, что дождётся Софку у парадного.

Он вышел на улицу и вдруг увидел, что навстречу идёт Софка. Она шла, размахивая чёрной папкой с нотами, и гнала, как мячик, перед собой консервную банку.

— Софка, стой! — Федя схватил её за рукав и наступил на банку ногой. — Ты что меня подгова-

ривала, чтобы я кукарекал?

— Ничего, отдай банку.

— Банку… А вот как я тебе дам сейчас, тогда будешь знать.

— Ха, подумаешь, какой храбрец нашёлся: на девчонках силу пробовать! Да мало ли что я тебе скажу! Вот бросься с десятого этажа — ты бросишься, да?

— С десятого не прыгну, а со второго могу.

— Ну вот прыгни!

— Ты мне зубы не заговаривай! Нашла дурачка, я пойду прыгать, а ты — домой?

И Федя что есть силы дёрнул её за рукав. Потом он хотел стукнуть Софку по голове, размахнулся, но тут она вывернулась, и Федя, стоявший одной ногой на банке, чуть-чуть не шлёпнулся на землю. Девочка понеслась к дому. Федя растерялся, а когда сообразил, что надо догонять её, Софка уже была у своей двери.

Дела были совсем плохи. Теперь Софка со зла разболтает, что он получил записку, а её мама возьмёт да и позвонит Фединой маме — и тогда каюк!

Федя побежал к себе домой в надежде, что его мама не пришла с работы и он сможет выключить телефон. Но когда он подошёл к своей двери,

он почувствовал, что на их лестничной площадке пахнет чем-то жареным.

Мама хлопотала на кухне. Увидев Федю, она его поцеловала, потрепала волосы и весело спросила:

— Ну, как дела?

— Ничего! — нарочито бодрым голосом ответил Федя, а про себя добавил: «Ничего хорошего!»

С горя он пошёл в чуланчик и принялся проявлять собственные фотографии. Вчера было воскресенье, и Федя снимал папу и маму на фоне стоявшей в переулке чужой «Волги».

Но в чуланчике также не повезло. Федя засветил плёнку и облил себя проявителем. На белой рубашке появились коричневые пятна. Федя опять разозлился на Софку. Она во всём виновата! Но тут пришёл контролёр из газовой конторы и попросил маму расписаться в своей книжке.

— Федя, у тебя есть карандаш? — спросила мама.

— Есть! — крикнул Федя из чулана. — Возьми в моём портфеле!

Мама расписалась. Но как только контролёр ушёл, она немедленно позвала сына в комнату.

— Что это значит? — спросила она. В руках у неё была записка от Клавдии Сергеевны.

Вот чёрт дёрнул Федю сказать, что у него есть карандаш в портфеле!

— Да так... — сказал Федя, — нам всем такие написали.

Мама прочла записку один раз, потом второй и вдруг тихо сказала:

— И ты считаешь это — ничего особенного?

— Ну, мама, ведь сама-то учительница не ругает меня, а просто сообщает о моём поведении. Так что ж тут такого!..

— Это безобразие, Фёдор! — повысила мама голос. — Мы с папой вдвоём трудимся, ничего для тебя не жалеем, а ты?! Ну погоди, придёт папа...

— Мама, — тихо сказал Федя, — я тебя очень прошу — не говори папе.

— А ты почему себя так ведёшь? Почему?

У Феди тряслись коленки — вот докукарекался!

Мама ещё долго кричала, а потом хлопнула дверью — ушла на кухню.

И вскоре пришёл отец. Федя слышал, как он, моя руки на кухне, разговаривал с мамой. Но она о записке пока не говорила. «Наверно, скажет после обеда, чтобы аппетита не портить», — подумал Федя. Он принялся за уроки. Но, конечно, ни одна задачка ему не шла в голову. Он всё время ловил обрывки разговоров отца с матерью.

Однако мать — ни слова о записке.

И вдруг раздался телефонный звонок. Папа подошёл к аппарату.

— Да, это я, — сказал он. — А что такое, Софа? Я тебя слушаю.

Федя быстро-быстро побежал в переднюю и хотел улизнуть на улицу, но здесь его задержала мама.

— Куда пошёл — гулять? Сиди дома! — строго сказала она.

— Не может быть! — продолжал свой разговор папа с Софой. — И его выгнали?!

Расплата приближалась. И как Федя эту Софу ещё раньше не пристукнул?!

Отец, закончив разговор, положил трубку и хмуро посмотрел на Федю:

— Где записка?

Федя принёс свой «камень». Отец прочитал записку, вынул из верхнего кармана пиджака тонко очинённый карандаш и быстро расписался на ней. Потом он медленно погладил себя рукой по сердцу.

— Ну что? — тихо спросил он. — Взгреть?

— Как хочешь, — ответил Федя, отводя взгляд в сторону.

— Ты сегодня приходил к Софе?

— Приходил.

— И вы действительно договорились о том, что с завтрашнего дня будете хорошо себя вести? Был такой разговор?

Федя хотел сказать: «Был», но потом, решив быть до конца честным, сказал:

— Нет, папа… Но завтра будет!

Золотая рыбка

В детстве я частенько слыхал, как мама говорила отцу:

— И что ты за человек! Ну ладно, я понимаю — ты занят, ни в кино, ни в театр не ходишь. Но хоть бы один раз догадался принести мне что-нибудь хорошее: ну, духи, что ли. Мне и самой нетрудно купить, но так хочется, чтобы ты подарил…

Отец преподавал в педагогическом институте географию. Дома, как мне казалось, он читал всегда одну и ту же толстую книгу. Он поднимал широкое доброе лицо, хватался за курчавые чёрные волосы и, глядя перед собой, шептал:

— Ой, убегу когда-нибудь на Мадагаскар! Убегу!

— Ну и беги, — отвечала мама. — Может быть, ты там перевоспитаешься.

Но однажды он пришёл домой сияющий и довольный.

— Ну-с, теперь, кажется, в точку попал. Вынимай! — сказал он и протянул маме портфель. — Ленты, кружева, ботинки — что угодно для души…

Мама радостно поцеловала отца, зачем-то

подняла меня на руки и, покружив на месте, нараспев сказала:

— Посмотрим! Посмотрим, что наш папка принёс!

Она осторожно положила портфель на стол и раскрыла его.

— И зачем ты это принёс? — ужаснулась мама. — На что мне тройной одеколон? Бреюсь я, что ли? Ребёнок какой-то…

В глазах у неё заблестели слёзы, пузатая бутылка тройного одеколона дрожала в её руках и жалобно булькала.

Мне стало очень жалко маму.

Тогда я понял, что мы с отцом найдём общий язык. Он ребёнок, как сказала мама, и я ребёнок. И я стал к нему приставать:

— Пап, купи мне золотую рыбку, а? Мне уже не хочется с Козьмой Прутковичем играть. Он царапается…

Пушистый толстый кот Козьма Пруткович, как его называл отец, был игривый и хитрый. Садились завтракать — он первый вспрыгивал на стул и лапкой пытался зацепить бутерброд. На угрозы шипел, как змея, и опять тянулся. И вообще он казался мне таинственным. В тёмных углах под кроватями и шкафами у него были какие-то свои

дела, он настороженно заглядывал в щёлки и мяукал, будто вызывал кого-то из-под пола.

Однажды я собственным ключиком открыл буфет и попробовал немного печенья и конфет. Но вечером мама подошла прямо ко мне:

— Слушай, ты опять съел полкило конфет? Неужели мне придётся ставить французский замок?!

— Я не лазил в буфет, — ответил я. — Кто тебе сказал?

— Ах ты лгунишка! — возмутилась мама. — И тебе не стыдно отпираться? Мне кот об этом сказал!

— Кто-о?! — удивился я.

— Твой приятель — вот кто!

И тут я вспомнил, что кот действительно тёрся около ног и даже выпросил одну половинку, когда я сосал конфеты. Как он разговаривает по-человечьи, я не слыхал ни разу, но тогда подумал: а не злой ли это колдун, превратившийся в кота? Глаза у него в темноте горели холодным зелёным пламенем, и он, не выпадая на улицу, мог часами сидеть в форточке на тоненькой перекладинке.

Кроме царапин на лице и руках, особенных неприятностей как колдун он мне не делал, и я на него не обижался. Но, попросив о рыбке, я

задумал другое.

Из сказок Пушкина, которые читала мама, мне больше всего нравилась «Сказка о рыбаке и рыбке». И особенно то место, где рыбка вдруг начинает разговаривать:

Отпусти ты, старче, меня в море,
Дорогой за себя дам откуп:
Откуплюсь чем только пожелаешь…

Я знал, что золотая рыбка — не простая рыбка. И появись она в комнате, и будь я её хозяином, мама бы каждый день получала подарки.

— Рыбку купить? Это ещё что за новости! — удивлённо спрашивал отец. — Мать просит, сын просит — куда мне деваться? А вдруг я тебе щуку или судака принесу?

— Не… — говорил я, щёлкая языком, — мне золотую надо.

— Ну что ж, как-нибудь куплю, — наконец согласился он. — Только зачем она тебе?

— Пригодится… — ответил я уклончиво. — И даже ты обрадуешься.

Отец всегда обещал мне многое: и сходить со мной в планетарий, и покатать на лодке в парке, и показать своего приятеля с пятью орденами. Наступал выходной день, отец завтракал и, ни

слова мне не говоря, уходил в свою комнату. Когда я напоминал о его обещаниях, он отвечал: «Я сейчас… Мы уже идём», — и снова продолжал сидеть часов до четырёх. Потом за окном темнело, и идти куда-нибудь было уже поздно. Через щёлку дверей я видел, как он что-то писал или читал толстую книгу.

Я очень расстраивался, иногда плакал. Мама успокаивала:

— Ты бы уж лучше его не тревожил. Отец трудится над диссертацией, а ты ему можешь помешать.

Тут я думал, что и мама меня обманывает.

Я вспоминал слова одного доктора: «Три раза в день по десертной ложке…» — и мне было совсем непонятно, зачем вдруг отцу понадобилось изобретать какую-то новую ложку.

— «Трудится»! Всё сидит с утра до ночи, — недовольно говорил я маме. — Так и в планетарий никогда не сходишь.

Но из-за того, что мне нестерпимо захотелось иметь золотую рыбку, я настойчиво мешал отцу читать. И вот в один из ближайших выходных дней, захватив стеклянную банку, он пошёл со мной в зоомагазин.

Сначала мы осмотрели зоомагазин. В высоких

полукруглых клетках, вделанных прямо в стену, порхали синицы, чижи, канарейки. Продавщица в синем халате, принимая чек, серьёзно спрашивала:

— Вам какой сорт птицы — второй или первый?

И сачком, как для бабочек, всунувшись наполовину в клетку, ловила покупку. Если у покупателей не было клетки, они зажимали птичку в кулак — из кулака торчала головка, очень похожая на человечью, — и, поднеся её ко рту, почему-то обязательно поили слюною. Потом засовывали птичку в карман и уходили.

Кудахтали куры… В одной из нижних клеток, будто после сытного обеда, важно крякала утка.

Мы с отцом подошли к ней. Крякать она почему-то перестала. Глядела на нас чёрными бусинками и красной лапкой, похожей на кленовый лист, почёсывала голову и молчала.

Тогда мы стали крякать, чтобы вызвать её на ответный разговор. И крякали, наверно, с полчаса, пока утка не повернулась к нам хвостом.

Рыбы в магазине почти все были золотыми. Высокая стена до самого потолка ступенями была уставлена широкими аквариумами с гранями из выпуклых ракушек. Вода в них была зелёной.

От невидимых лампочек она искрилась, и со дна — так было устроено, — как жемчужины, всплывали пузырьки воздуха. Водоросли около них медленно шевелились.

Домой я торжественно нёс маленький, грубо выкрашенный аквариум. У отца в руках была стеклянная банка с золотой рыбкой. Из банки выплёскивалась вода, и отец плотно прикрыл её ладонью. Я боялся, что рыбка может задохнуться.

— Ну и представления же у тебя! — качал головой отец. — Она на воздухе жить не может, а в воде она… как рыба в воде.

Дома мы насыпали в аквариум песку и налили тёплой воды.

Целыми днями я сидел на подоконнике и наблюдал за рыбкой.

В своей стеклянной комнате, то всплывая за кормом, то плавниками взбивая песок, она чувствовала себя как в Синем море. Освещённая осенним солнцем, она казалась мне живым золотом, и, как ни тянуло похвастаться, я боялся показать её своим приятелям.

Мы дружили с рыбкой. В аквариум я спустил деревянный домик. Иногда она вплывала туда через дверь, а выплывала через окно.

Я рисовал в уме, что там уже живут рыбьи дети и за маленьким столом на крошечных тарелочках они едят то, что им приносит мать. А гулять она их не пускает, потому что на улице холодно.

Когда я стучал пальцами по стеклу, как меня научил отец, рыбка, виляя хвостом, подплывала и часто разевала рот. Казалось, что хотела открыть мне какую-то великую тайну. А что это была за тайна, я уже догадывался.

Однажды, когда дома никого не было, я осторожно вытащил рыбку из воды. Скользкая и холодненькая, она затрепетала в кулаке и начала часто-часто раскрывать ротик.

«Говорит!» — обрадовался я и поднёс её к уху. Тут я услыхал звук, будто лопались пузырьки воздуха, а за ним тихие, но разборчивые слова: «Проси у меня что хочешь! Всё тебе будет!»

— Ладно, давай! — шепнул я рыбке и отпустил её.

В воде она быстро заметалась из стороны в сторону, и я был уверен, что это она радовалась происшедшему разговору. До этого дня я ни о чём не просил её, потому что ждал, когда она перетянет из магазина всех своих волшебных помощников.

Вечером отец сидел за столом и, отхлёбывая

из стакана чай, просматривал газету. Тоненькая ложечка в стакане изредка вздрагивала и звенела. Мамы дома не было. Она понесла больной соседке жареные гренки. Я подошёл к аквариуму и, осторожно постучав рыбке, тихо сказал:

— Рыбка, рыбка, подари маме настоящие духи! Только, чур, не подводить!

И лёг спать.

На следующий день шёл снег. Отец вернулся с работы весь облепленный снегом, и мама в передней помогала ему снять пальто. Она встряхнула его и, услыхав, как что-то звякнуло, засунула руку в карман.

— Что это такое? — изумлённо спросила она, извлекая маленький флакончик.

— «Крымская роза»! — торжественно улыбнулся отец. — Тебе принёс!

— Кому? — переспросила мама.

— Тебе!

— Честное слово?! А почему сразу не сказал?

— Ну что за разговоры… — чуть не обиделся отец.

— Тебе, тебе! — поддержал я отца. — Ещё и не то будет!

На мои слова она не обратила никакого внимания. Прищурившись, ещё раз посмотрела на

отца, потом рассмеялась и поставила флакончик на свой столик. Духи приятно пахли, и запах чем-то напоминал мне зелёную полянку на даче. Я несколько раз с гордостью подходил их нюхать, пока не запретила мама. Видно, боялась, что разобью.

Проходя вечером мимо аквариума, я заметил, что к нему была прикреплена какая-то бумажка. На ней было что-то написано. «Письмо от рыбки!» — догадался я и, незаметно сняв его, отправился к больной соседке. Тётя Феня мне прочла:

— «Шатар-бахар-кужуй. Слушайся маму и во всём ей помогай. Трудись!» Что это значит? — спросила она, отдавая мне письмо.

— А ничего… такого… — равнодушно ответил я, боясь, чтобы тётя Феня не запомнила волшебное слово.

Я вернулся домой и стал стряхивать со стола хлебные крошки, потом отнёс на кухню две глубокие тарелки. Перед сном я сам постелил постель и впервые без маминой помощи умылся. Надев ночную рубашку, я снова постучал рыбке:

— Шатар-бахар-кужуй. Рыбка, купи мне велосипед, такой, как у Лёвки! А за маму тебе спасибо!

Просыпался я поздно, часов в десять утра. Про-

тирал глаза, вспоминал сны и обдумывал своё будущее. Отец уже был на работе, мама на кухне варила обед.

В то утро я особенно долго тёр глаза и даже дёргал себя за волосы: возле моей кровати стоял блестящий трёхколёсный велосипед!

«И как получается здорово: не успеешь сказать, а она уже и — готово! — приносит, — раздумывал я, ощупывая никелированный звонок. — Вот так чудеса! Только, видно, надо трудиться!»

На велосипеде, отчаянно теребя звонок, я катался до полудня. А пришло время кормить рыбку, я ей высыпал почти весь корм.

— Откуда у тебя велосипед? — спрашивала мама.

— Ха-ха! — отвечал я, поглядывая на аквариум. — Ещё и не то будет!

После ужина я было опять полез на подоконник, но тут меня отозвал отец и шёпотом сказал:

— Ты опять к рыбке? Не надо, не проси у неё пока ничего. Пускай она немножко отдохнёт.

И я послушался отца. Действительно, такой маленькой рыбке, наверно, очень трудно было нести из магазина велосипед.

Я подолгу гулял на дворе: катался на лыжах, лепил снежную бабу. Рыбка без меня явно скучала,

и я решил познакомить её с Козьмой Прутковичем. Кот и раньше вспрыгивал на подоконник, но, получив однажды хороший нагоняй от отца, только издали любовался сверкающей в аквариуме золотой рыбкой.

Новым знакомством, как мне показалось, кот остался доволен. Когда я посадил его около аквариума, глаза его сделались большими, как у куклы, он мяукнул и нетерпеливо переступил с лапки на лапку.

С тех пор стоило мне остаться дома одному, кот без опаски лез на подоконник.

Однажды я вернулся и не увидел в аквариуме золотой рыбки. На полу спиной ко мне сидел Козьма Пруткович и, потряхивая головой, что-то жадно жевал. Я испуганно подскочил к нему и схватил за шиворот: изо рта его торчал золотой хвостик.

Я ударил кота и, дрожа от волнения, сунул руку в аквариум. Может, там что-нибудь осталось?

Но в деревянном домике не оказалось ни маленького столика, ни рыбьих деток…

И прямо в пальто, не развязывая шарфа, не снимая шапки, я упал на пол и заплакал.

Злой колдун! Злой колдун! А я хотел попросить, чтобы рыбка свезла нас на Синее море, чтобы

Лёвка не отнимал у меня лыжи… Мне хотелось ружьё, самолёт для будущих геройских подвигов. А теперь всё это было съедено!

В это время, красный с мороза, в комнату вошёл отец.

— Папа! — закричал я и показал на ладони золотой хвостик. — Рыбка моя… кот… убей колдуна! Пожалуйста!

Отбросив портфель, отец взволнованно присел около меня.

— Ну что ты, маленький? Перестань, ведь это пустяки…

— На Синее море хотел… — всхлипывал я. — Ружьё… подарков…

— Ах, ты вот о чём! — Отец закусил губу, глаза его сделались задумчивыми. — Да, братец, это, конечно, большая потеря. Сочувствую. Но, знаешь, мне думается, что и этот золотой хвостик может тебе кое в чём помочь…

Отец не ошибся. Золотой хвостик, несмотря на то что мы его выкинули, продолжал приносить мне подарки ко дню рождения и устраивать ёлки. А однажды летом мы поехали на Синее море. Там, выходя на пляж, я долго кликал золотую рыбку, но она не подплывала ко мне…

И только много-много лет спустя я понял, что

золотой рыбкой был отец — его любовь, его труд.

Манная каша

В лагере в воскресенье целый день были родители, а к вечеру они уехали в заводских автобусах, и ребятам сразу стало грустно.

Но всех рассмешил дежурный по столовой Валька Курочкин. Он тащил через лужайку бачок с манной кашей. И вдруг — трах! — споткнулся и вылил всю кашу на траву.

Третий отряд сразу выскочил из столовой и подбежал к белой дымящейся луже. И тут Севка Глухов сказал:

— Ага, Валька, оставил нас без ужина, теперь корми за свой счёт! Или сухой паёк гони!

— А ко мне сегодня никто не приезжал… — жалобно сказал Валька. — Нет у меня продуктов!

— Ребята, — вдруг сказала Вера Лапшина, — а давайте принесём из тумбочек все родительские гостинцы и разделим их поровну, а? Вот и будет ужин!

— Давайте! — поддержали её ребята, и все побежали за продуктами.

Не побежал в спальню только один Валька. Но ребята его накормили очень хорошо: и пирога дали, и колбасы, и конфет…

А потом пионеры всем отрядом пошли на колхозную ферму и привели оттуда к столовой двух коров. И коровы стали лизать манную кашу со сливочным маслом. Не пропадать же добру!

Пирог с начинкой

Федя Петров торопился из школы домой: скорей бы поесть! Сегодня опять его бутерброд с колбасой съел Мишка Бутылкин.

На большой перемене Федя в буфете положил свой завтрак на стол и пошёл за чаем. Вернулся — бутерброда нет, а Мишка стоит у стола, жуёт и нагло ухмыляется.

И, кстати, не у одного только Феди этот Мишка отнимал завтраки. Он бесцеремонно заглядывал в сумки и к Свете Крюковой — Фединой соседке по парте, и к Петьке Тихонову — худенькому мальчишке с большими ушами, и к другим ребятам.

Сначала все Мишку жалели. И действительно, почему не поделиться с товарищем — ешь на здоровье! Но вскоре все заметили, что Мишка уже нахально стал требовать угощения:

— А ну-ка, Федька, покажи, что у тебя сегодня в меню? Опять колбаса? И чем тебя только дома кормят! Вот у Светки бутерброд — это да! С паштетом! И с жареным лучком да с яичком!

И странное дело, эти разговоры обычно происходили на большой перемене, после того как Мишка покупал себе в буфете сметану, винегрет

или студень.

Как-то Света ему сказала:

— Не думай, Мишка, что я какая-нибудь жадина, но ведь это некрасиво — попрошайничать!

— Ух ты, комарик! — усмехнулся Миша и надавил ей пальцем нос.

Маленький Петька Тихонов, у которого Мишка как-то, роясь в сумке, раздавил яйцо всмятку, сжав кулаки, подскочил к нему:

— Ну ты, бутылка зелёная! Ты поосторожнее! Ты поосторожнее! Ты чего к девчонке пристал?

— Кто бутылка зелёная? — оторопел Мишка Бутылкин.

— Ты! — твёрдо ответил Петька. — И не думай, что если ты здоровый, так ты уж тут и бог и царь!

— Ой комедия! — делано засмеялся Мишка и поднёс к Петькиному лицу кулак. — А с товарищем Кулаковым ты знаком?

Он размахнулся, и вдруг Петька, будто сам по себе, отлетел в угол класса. А Мишка засунул руки в брюки и как ни в чём не бывало вышел в коридор.

Федя подбежал к Петьке и сказал, что надо сейчас же пойти в учительскую и рассказать обо всём Клавдии Сергеевне. Но Петька, похрамывая

после падения, гордо вскинул голову. Нет, он никогда не был ябедой!

Конечно, будь Федя сильным, он бы подошёл к Мишке и так бы ему трахнул — тот три раза бы в воздухе перевернулся! Но что он мог сделать с этим человеком? И впрочем, дракой делу не поможешь.

Федя целый день ходил хмурый и задумчивый. Он строил планы мести. Ему хотелось то вылить Мишке на голову ведро чернил, то отрезать у него на пальто все пуговицы или зашить рукава, а то наложить ему в портфель сто лягушек. Он даже уроки не готовил. И только лишь к вечеру, когда мама, ожидая папиного прихода с работы, стала накрывать на стол, гениальная мысль осенила Федю…

Наутро в школе на большой перемене Федя с Петькой и Светой сели за круглый стол в буфете и стали завтракать. За соседним столом Мишка уплетал за обе щеки борщ и пшённую кашу. Потом, сытый, с красным лицом, он подошёл к ребятам и сказал:

— Ну-с, граждане, завтракаете? Приятного аппетита! А я пришёл к вам подкрепиться. Возражения будут?

И он сел на свободный стул и стал заглядывать

в тарелки к ребятам.

— Ну, какой у вас сегодня ассортимент? — говорил он. — Хо, что я вижу?! Пирожки! Можно попробовать?

— Нет, — сказал Федя.

Но Мишка уже схватил самый большой пирожок и быстро запихнул его в рот.

— Ай, ай! — покачал он головой. — Нехорошо быть жадным!

И тут произошло неожиданное. Когда Мишка стал жевать пирожок, глаза у него вдруг выпучились.

— Ребя! — прошептал он. — Что это такое, ребя?!

Вид у него вдруг стал жалкий: лицо посинело, в глазах — слёзы.

— Что с тобой, Мишенька? — спросил Петя.

— Вы… вы мне перцу по… под… сыпали! — задыхаясь, проговорил Мишка.

— А ты ешь, угощайся! — улыбнувшись, сказала Света. — Нам не жалко. Сегодня у нас пирожки по-кавказски!

…В этот день Миша ушёл с уроков. «По болезни».

После этого случая он уже не лазил по ребячьим сумкам.

Железная воля

Когда Коля Евдокимов, староста третьего класса «В», на перемене при всём честном народе назвал Серёжку Филатова мямлей, тряпкой и человеком без воли за то, что он опоздал в класс и тем самым подвёл ребят, Серёжка твёрдо решил доказать Евдокимову, что все его обвинения беспочвенны. Да, он опоздал потому, что проспал, но что он человек без воли — это ещё бабушка надвое сказала.

— Ну и как ты докажешь, что у тебя есть воля? — спросил на перемене Евдокимов.

— А вот докажу, — сказал Серёжка. — Наблюдай с этой минуты за мной.

И действительно, с этой минуты Серёжка на глазах преобразился.

Перед уроком он при всём классе съел кусок мела, потом попросил принести с улицы какую-нибудь ледышку, положить ему за пазуху и посмотреть, дёрнется ли у него хоть один мускул на лице.

Мускул не дёрнулся.

Наконец, когда начался урок арифметики, он уставился на Марию Яковлевну и, не мигая, смот-

рел на неё все сорок пять минут.

— Ты что, Серёжа, болен? — спросила Мария Яковлевна, заметив его стеклянный взгляд.

— Да нет, спасибо, здоров, — по-прежнему не мигая, ответил Серёжа.

— Он нам волю свою доказывает, — усмехнулся Коля Евдокимов.

— А-а… — поняла учительница. — Благородное занятие. — И усмехнулась. — Только такое доказательство не серьёзное…

— А на мелочах ведь тоже можно доказывать, — сказал Серёжа.

— Ты, конечно, прав, — ответила Мария Яковлевна. — Но разве, не мигая целый урок, ты добиваешься чего-нибудь полезного?

В общем, так или иначе, а на всех переменах Серёжа в присутствии любопытных ставил над собой опыты. Он то выпивал в буфете три бутылки клюквенной воды, то брался пальцами за два оголённых электрических провода и блаженно улыбался.

Ему так понравилось проверять свою волю, что, придя домой, он не успокоился на достигнутом, а стал придумывать себе новые испытания.

Когда под вечер Коля Евдокимов, живущий по соседству, зашёл к Серёжке, маленькая Серёжина

сестрёнка Люся, открыв дверь, с испуганным лицом сообщила:

— Ты знаешь, Коля, наш Серёжка, кажется, с ума сошёл. Папы и мамы дома нет, и я прямо не знаю, что с ним делать. Сегодня у нас на обед студень, и вот Серёжка как пришёл из школы, так и ест его до сих пор. И знаешь чем?

— Чем? — спросил Коля.

— Вязальной спицей!

И впрямь: Серёжка, сидя за столом, тонкой стальной вязальной спицей гонял по тарелке кусочек скользкого студня и никак не мог его подцепить.

— Ты что, уже окончательно?! — спросил Коля, покрутив указательным пальцем около виска.

— Это очень хорошо, что ты пришёл сюда, — довольный, сказал Серёжа. — Ты завтра должен в классе подтвердить, что я вязальной спицей съел тарелку студня. И если хочешь, мы сейчас с тобой будем соревноваться. Вот бери спицу!

— А давно ты этим занимаешься? — спросил Коля.

— По будильнику ровно два часа тридцать две минуты! — с гордостью сказал Серёжа. — А ты чего пришёл?

— Да у меня тут никак задачка не получается.

Может, нам её вдвоём, а?

Тогда Серёжа слизнул языком кусочек студня, сказал: «Победа за нами!» — и ребята сели заниматься. Но вскоре позвонила Колина мама и позвала Колю обедать.

— А ты вот что, попробуй-ка всё-таки один её решить, — сказал Серёжа. — Посиди, подумай. Неужели у тебя воли нет? И я тоже попробую.

Коля ушёл.

Через час он позвонил Серёже. К телефону подошла Люся.

— А где Серёжка? — спросил Коля.

— Серёжа? А что?

— А он задачку решил?

— Да, — сказала Люся. — Он решил её за десять минут, а потом сказал, что в задачнике, наверно, опечатка, раз ответы не сходятся, и снова стал студень гонять. А потом он себе язык проколол… и в больницу побежал!

Хитрющий парень

Всё это случилось довольно необычно. Однажды, приблизительно дней за пять до Первого мая, председатель совета дружины Сеня Карасёв и дед Аким, школьный сторож, поехали на лошади в город.

Был базарный день. На рынке, заставленном голубыми колхозными палатками и длинными деревянными столами, шла вовсю предпраздничная торговля. То тут, то там играли баяны, тренькали балалайки. В гранёных боках никелированных самоваров отражались телеги с сеном, мешки с картофелем, медленно движущаяся людская толпа и солнце, щедрое апрельское солнце, которое, казалось, за зиму, скрытое в облаках, соскучилось по людям и теперь не жалело для них своего тепла.

Побродив с часок по базару и купив всё, что надо было для украшения школы: красную материю на лозунги, три кило мелу, разноцветной бумаги для флажков, электрических лампочек и разной мелочи, — Сеня Карасёв и дед Аким сели на телегу и медленно поехали по улице.

Над железными крышами — на некоторых из

них Сеня увидел крестообразные телевизионные антенны — колебался нагретый солнцем воздух. Булыжная мостовая была уже суха, и по ней, ревя сиреной, катился жёлтый туполобый автобус «Москва — Симферополь».

Вдруг Сеня заметил какую-то странную процессию ребят, шествующую по тротуару.

Впереди шёл рослый мальчишка в кепке. Он держал на плече медную трубу. Следом шагал другой мальчик, с колыхающимся листом фанеры на голове, на котором были прикреплены какие-то фотографии. А за ними ещё четверо несли маленькие лодки с белыми парусами, прозрачные самолёты из папиросной бумаги, железный паровоз с трубой и двумя вагонами — пассажирским и товарным.

— Эй, дед, подвезите! — вдруг крикнул рослый мальчишка, что шагал с трубой. — Дадим за это в подзорную трубу посмотреть.

— А далеко ехать? — спросил Сеня, соскочив с телеги и разглядывая паровоз. — Сами делали?

— Сами. А ехать-то нам километра три — до конца города.

— Дед Аким, заберём? — спросил Сеня и, не дожидаясь ответа, скомандовал: — Ну, полезайте!

Мальчики в один миг забрались на телегу и,

рассевшись по краю, свесили ноги.

— К Маю готовитесь? — ткнув пальцем в толстый свёрток с красной материей, спросил паренёк, которого ребята звали Мишей.

— К Маю, — ответил Сеня. — Уж разукрасим школу как надо! А вы куда?

— На лекцию. Наша станция юных техников сегодня в одном клубе лекцию проводит. А это наши модели, на выставку.

— На выставку? — Дед Аким недоверчиво взглянул на парусную лодку, которую бережно держал в руках один из мальчиков. — Чего ж её выставлять-то? Была бы корова-рекордистка, тогда дело другое…

— Корабли тоже можно выставлять, — вступился Сеня. — Вот жалко, наш учитель физики заболел, а то бы мы к Первому мая метеостанцию сделали.

— Вот-вот! Я и говорю, если мастерить, так надо, чтобы польза для хозяйства была. А то какие-то лодочки-колодочки.

— Вы, дедушка, на наши модели не нападайте, — сказал Миша. — Конечно, лодки наши вас не удержат на воде, но когда надо будет, мы и для хозяйства сможем что-нибудь сделать.

— Это что же? Мухоловку? — весело поглядел

на Мишу дед.

Но Миша не ответил. Он закричал: «Тпру!» — и соскочил с телеги.

— Слезай, ребята, приехали! Ну, дедушка, будьте здоровы! Тут нам в переулок — и мы в клубе!

Миша протянул руку деду Акиму, Сене, потом похлопал лошадь по морде и, положив на плечо подзорную трубу, зашагал с ребятами в переулок.

Когда телега выехала из города, Сеня вдруг подумал: «Эх, жалко, я у них адреса не спросил! Может быть, они и у нас тоже какую-нибудь выставку организовали бы».

Но тут же он себя успокоил тем, что десять километров от деревни до города не такое уж большое расстояние и в любой выходной день после праздников он обязательно пойдёт в город и найдёт там станцию юных техников…

Пять дней до праздника пролетели незаметно. Весна в этот год с зимой расправилась круто. В неделю она растопила снега, в другую — высушила все лужи, а под самый май вдруг окутала зеленоватой дымкой каждое дерево. Крохотные листья выглядывали из своих почек, будто птенцы из гнёзд. И первая белая бабочка уже кружилась над влажной землёй.

В день Первого мая Сеня проснулся чуть свет. Он включил приёмник на полную мощность и сразу разбудил всю семью.

Радио сначала донесло торжественный бой кремлёвских курантов, потом диктор поздравил всех граждан Советского Союза с великим праздником трудящихся, а затем оркестр заиграл торжественный гимн.

Ну разве можно было проснуться позже в такой день?! Сеня выскочил из дому.

Вся деревня была залита солнцем. Над школой на высокой мачте колыхался большой флаг. А на крыше нового двухэтажного клуба с широкими окнами гремел радиодинамик, похожий на колокол.

Часам к десяти-одиннадцати Сеня направился в школу. Оттуда все пионеры строем пошли в соседнее село на митинг. Там выступали и председатель нового, укрупнённого колхоза Иван Петрович Терентьев, и Сенина двоюродная тётка — знатная доярка, Герой Социалистического Труда Василиса Петровна, и директор школы Фёдор Михайлович.

Вскоре на площади перед сельсоветом на специально построенном помосте начался концерт самодеятельности. Особенно лихо отплясывал

трепака дед Аким, хотя его никто и не просил на сцену. Он хотел также танцевать и русскую и лезгинку, но его еле-еле уговорили дать место другим артистам.

А после обеда — уж в этот день Сенина мать постаралась на славу! — к Сене вдруг прибежал Коля Силантьев.

— Знаешь, — сказал он, запыхавшись, — там тебя ищут! Идём в школу.

— Подожди, кто ищет? — удивился Сеня.

— Пойдём, вот сам увидишь!

Подбегая к школе, Сеня увидел такую картину, что не поверил своим глазам. За школьным палисадником около мачты в кругу деревенских мальчишек стоял тот самый паренёк Миша, которого Сеня встретил в городе. Тут же Сеня увидел и других городских знакомых, которые были в белых рубашечках и красных галстуках. Около них стоял на земле фанерный ящик, не то будочка, не то скворечник.

— Ну, принимай гостей! — сказал Миша. — С праздником тебя! А лопаты у вас найдутся?

— Найдутся, — ответил Сеня. — А зачем? Ведь сегодня праздник! Может быть, в лес пойдёте с нами?

— Вот и хорошо, что праздник. Подарки всегда

в такие дни делаются. В лес-то сходим, а пока смотри, что мы принесли.

Миша нагнулся и поднял крышку будочки. Затем он вынул оттуда два термометра, маленькое ведёрко со вставленной в него линейкой, флюгер, вату и два стаканчика.

— Тогда дедка твой говорил, что мы с корабликами возимся, а для хозяйства ничего не делаем. Вот мы и решили ему доказать. Столб у вас найдётся?

— Найдём, — сказал Сеня. — Это что, уж не метеостанцию ли вы принесли?

— Верно, догадался! — сказал Миша и пошутил: — Либо дождик, либо снег, либо будет, либо нет... Теперь четыре раза в день погоду для колхоза можно определять.

— А почему четыре? — спросил Коля Силантьев.

— Ну, так на всех крупных станциях. Там, правда, они и круговорот водяного пара учитывают, и местные системы ветров, и куда девается лучистая энергия в атмосфере...

Минут через пять во дворе школы закипела работа. Сюда сбежались ребята почти со всей деревни. Сеня с Колей вырыли яму и вставили в неё невысокий столб. Миша со своими друзьями

прикрепил к нему фанерную будочку, а на будочке установил флюгер. Лёгкая красная стрелка сразу повернулась на юг.

В это время во двор зашёл дед Аким.

— А-а, друг-приятель! С Первым маем! — обрадованно сказал он, увидев Мишу. — Ты это как же попал в наши края?

— Ваша лошадь дорогу показала!

— А ты что, говорил с нею?

— На дуге ещё тогда, в городе, прочитал: «Колхоз имени Пушкина».

— Та-ак... Хитрющий ты парень! А это что за больница? — Дед Аким удивлённо взглянул на будку и на стоявшие в ней термометры.

— Психрометр.

— Чего-о?! — Дед притворно перекрестился: — Господи, страсть какая! Это что же, его психам под мышку вставляют, что ли?

— Погоду определяют. Прибор для измерения влажности воздуха.

— Ну а ты, например, сможешь сказать, будет завтра дождь или нет?

— А это и я смогу сказать. — Сеня внимательно посмотрел на флюгер, затем на термометры. — Не будет дождя.

— Здо́рово! — обрадовался дед Аким. — Значит,

я завтра могу к свояку в гости сходить.

— Да вы можете ходить в гости и без сообщения метеостанции, — сказал Сеня. — Нам главное колхоз обслужить. Пускай у председателя свой барометр, а мы будем давать ещё добавочные сведения. А поправится наш учитель физики, так ещё и скорость ветра начнём измерять.

В этот праздничный день ребята ещё долго гуляли по деревне, ходили в лес, жгли костёр на поляне.

Поздно вечером всей школой провожали гостей за околицу, где ожидала их грузовая машина.

Расставаясь, Сеня сказал Мише, что в самые ближайшие дни он тоже со своими ребятами придёт на станцию юных техников. И, стоя на пригорке, Сеня ещё долго видел в вечерней темноте огонёк карманного фонарика, которым, как бы салютуя и первомайскому празднику, и деревенским ребятам, размахивал Миша на удаляющейся машине.

Девчонки и мальчишки (из дневника Миши Пташкина)

15 января. Сегодня я заметил, что Колька Дудкин вдруг посерьёзнел. У него были начищены ботинки, и от него с утра пахло духами. Я долго думал, что всё это значит, а потом на уроке догадался. Колька написал какую-то записку и сказал мне: «Передай Лёльке Сверчковой! Это об общественной работе». Я человек не любопытный, но всё-таки эту записку случайно прочитал. Вот так общественная работа! «Лёля, я давно хотел сказать одну вещь. Ты помнишь тот день, когда у тебя в раздевалке пропала галоша и мы её вдвоём искали? Я этот день запомнил на всю жизнь, и я хочу с тобой дружить. С пионерским приветом!»

Когда мы с Колькой шептались, Колбасин — наш староста — сказал:

— Что за разговоры на уроке?

— А ничего, — нашёлся Колька, — я у Мишки резинку прошу.

В общем, я передал Лёльке на соседнюю парту записку. И они с Танькой сразу стали её читать.

Вот тут-то и произошёл самый трагический мо-

мент. Когда Колька получил через меня Лёлькин ответ, наш чертёжник Сергей Петрович, стоявший у доски, вдруг сказал мне:

— Пташкин, ты что Дудкину передал?

— Я… ничего… — сказал я и прошептал Кольке: — Когда древние греки попадались с тайными документами, они эти документы глотали.

Я сказал это в шутку, а Колька, видимо испугавшись Сергея Петровича, взял и вправду проглотил записку. Ой, вот смех!

Но смех смехом, а отсюда всё и началось…

На этом я свой дневник обрываю, потому что пришла мама с работы и спросила, что я делаю. Я ответил: уроки.

18 января. Я считаю, что если бы девчонки не были такими гордыми, то наша пионерская работа очень бы наладилась. Я, например, всё время хочу поговорить по-человечески с Танькой о шахматном турнире, а она убегает.

В тот день, когда Колька проглотил записку, мы с ним на перемене подошли к Лёлькиной парте.

— Ну что? — спросила Лёлька. — Ты ответ прочитал?

— Нет, — ответил мой друг, — ты знаешь, я эту записку… проглотил…

А тут Танька ввернула:

— Это очень некрасиво — глотать чужие письма.

— Но ведь эта записка чуть не попала к Сергею Петровичу! — сказал Колька.

— Это Колькин благородный поступок, — добавил я.

Но тут как-то всё нескладно получилось. Колька хотел пригласить Лёлю вечером на каток, и вдруг входит в класс Колбасин и говорит:

— Лёлька, пойдём в воскресенье на каток?

— Я… я… мне кажется… — растерялась Лёлька и смотрит на Кольку.

— Но ведь ты свободна? — пристал Колбасин.

— Свободна.

— Вот и прекрасно! Я за тобой зайду. Кстати, там и поговорим о вечере. Вечер — дело серьёзное, товарищ руководитель музыкального кружка. Итак, до воскресенья!

И Колбасин вышел из класса.

Мы с Колькой стояли очень разозлённые. Да и самой Лёльке, видно, было неудобно перед нами, и поэтому она первая заговорила ангельским голоском:

— А вы, Коля и Миша, будете в вечере участвовать? Ты бы, Коля, мог стихи прочитать, а Миша музыку сочинит или песенку.

Но Колька — очень гордый человек — сказал холодно:

— Нет!

Тут девчонки сразу стали юлить:

— Отчего? Почему?

А Колька ответил очень правильно:

— Потому, что кончается на «у»! — и хлопнул дверью.

Вот как бывает! Писали, писали друг другу и — поссорились!

Я знаю, почему все великие люди сочиняют по ночам. Потому что ночью тишина и можно думать, о чём хочешь. А вот интересно, спит ли сейчас Танька или нет?

20 января. Вдруг утром — звонок! Да, кстати, я не случайно так подробно описываю историю с Колькой. Но на его примере надо научиться всем, кто хочет дружить с девочками. Я сегодня угостил Таньку конфетой, а она её съела и не стала со мной разговаривать. Это невежливо! Раз человек, положим я, хочет спросить, когда мы идём к шефам на завод, надо остановиться и ответить…

Итак, сегодня у меня утром в комнате — звонок!

— Слушай, я придумал! — говорит Колька. — Надо, чтоб у нас был свой музыкальный кружок,

без девчонок. Они сами по себе, а мы сами по себе.

— А может быть, лучше всем вместе? — предложил я.

Колька задумался, а потом сказал:

— Стой! Эврика! Правильно! Ты пойдёшь к этой Лёльке Сверчковой и будешь там играть хоть на барабане, хоть на арфе. И при этом старайся, пусть тебя хвалят!

— Есть, — говорю, — буду стараться на барабане!

Тут Колька понизил голос и так страшно сказал, что у меня даже мурашки по телу пошли:

— А в концерте, в самый ответственный момент ты им такого набарабань, чтобы они с треском провалились! Гром и молния! Как гроза в Большом театре! Ясно?

Я сказал:

— Но, может быть, ты, Коля, не прав? Когда в Древней Греции один какой-то грек с кем-то поссорился, он никому зла не делал, а сам яд выпил.

Колька на меня разозлился:

— Ну что ж, я теперь, по-твоему, травиться должен? Делай, как говорят, и всё! Да не забудь, что сегодня воскресенье, вечером они на катке!

Там будет эта… Лёлька со своим Колбасиным кататься.

Вечером мы с Колькой взяли коньки и перелезли через забор на каток. Вскоре мы заметили Лёльку с Танькой, а около них Колбасин увивался — то пистолетиком ездил, то восьмёрку делал. А потом мы их догнали, и я хотел им показать, как надо ездить, но случайно упал и коленку расшиб.

Девчонки все закричали: «Ой!» — а Колбасин сказал:

— Так и надо! Чтоб не хвастался!

А Танька обрадовалась:

— Но он же перед нами, перед нами!

Подъехал Колька и, увидев Лёлю, растерялся и не мог сказать ей «здравствуйте», хотя она первая с ним поздоровалась. А Колбасин это заметил и съехидничал:

— От волнения юноша потерял дар речи!

Колька посмотрел на него презрительно:

— Дар речи! Потерял! А ну-ка, давайте отсюда! Фьють!

Колька мог ударить Колбасина по шее, но не ударил. Он только толкнул его локтем.

— Ты потише! — сказал Колбасин и, подхватив девчонок, уехал с ними.

А я с Колькой остался сидеть на скамейке, потому что очень болела нога.

23 января. Всё-таки Колька — мой настоящий друг. Я лежу в постели, а он меня навещает каждый день. Врач сказал, что у меня серьёзный ушиб и нужен покой. Но покоя у меня нет. Например, Колька с утра уже звонил три раза и спрашивал, как аппетит и температура. Я сказал, что течение болезни нормальное. А Колька вызвался достать профессора. Вскоре выяснилось, что профессор у Кольки по уху, горлу и носу и мне не подходит. Я не понимал, почему Колька так стремится, чтобы я побыстрее пошёл в школу. А потом понял: он хочет, чтобы я побыстрее втёрся в доверие к Лёльке и Таньке и попал к ним в музыкальный кружок.

Но я и без него очень хорошо втёрся в доверие. Лёлька и Танька тоже навещают меня. Я уже написал свою музыку для песни «Девчонки и мальчишки», и репетиции у нас идут полным ходом. А Танька говорит, что я баснословно талантливый человек. Ей очень нравится, как я играю на пианино. И мне нравится, как она поёт.

26 января. Сегодня днём в классе произошло ужасное событие. Я никогда не думал, что Колька ведёт дневник, а он, оказывается, ведёт. И этот дневник нашёл в классе Колбасин и всем его

прочитал. Все дураки хохотали, а мы с Колькой стиснули зубы.

Вечером мы узнали, что Колбасин идёт на шестичасовой сеанс в кино, и мы тоже пошли за ним. А потом по дороге из кино незаметно обогнали его и устроили засаду в тёмном парадном. Он входит в парадное, насвистывает, а мы вдруг встаём перед ним! Он даже опешил:

— Вы?!

А я взял его за шиворот и говорю:

— Ты что Колькин дневник читал?

— Просто так, — отвечает нахально Колбасин. — А ваша Лёлечка покраснела!

Тут Колька сказал:

— Покраснела? А ты у нас сейчас посинеешь!

— Вы что же, бить будете?

— Нет, — сказал я, — внушение сделаем!

Может быть, мы бы Колбасина и не били, но он сказал, что мы идиоты, и разъяснил, что идиотами называли в Древней Греции таких людей, которые не участвовали в общественной жизни.

Я очень люблю историю Древней Греции, но при чём тут мы?

И тут мы ему дали за идиота!

27 января. Ура! Я узнал, что наш классный руководитель — учитель черчения — очень хороший

человек. И это вышло совершенно случайно. Я пришёл в учительскую за разными циркулями и кубами для урока геометрии. Здесь сидел Сергей Петрович. И вдруг циркуль у меня упал на пол и разлетелся на две части. Это у него просто винт выскочил. Я начал чинить циркуль за шкафом и вдруг слышу, в учительскую входит Колбасин.

Я хочу разговор Колбасина с Сергеем Петровичем привести дословно, потому что из него можно понять, что мы зря Колбасина выбрали старостой.

Когда Колбасин вошёл в учительскую, Сергей Петрович его сразу спросил:

— Что это у тебя, синяк под глазом?

— Нет, — ответил Колбасин. — Кровоподтёк. От удара.

И тут началось.

— А что случилось? — спросил Сергей Петрович.

— Меня избили.

— Кто?

— Два ученика.

— Они из нашей школы?! — удивился чертёжник.

— Даже из нашего класса.

— Кто, назови?

— Дудкин и Пташкин.

— Коля и Миша?

Я стоял за шкафом и не шевелился. А вдруг меня сейчас позовёт Сергей Петрович?

Но он не звал.

А Володька ему начал рассказывать и про то, как я его схватил за шиворот, и про древнегреческого идиота, а потом, наконец, дошёл и до драки.

И тут он сам себя выдал с головой.

— Значит, ты, Колбасин, из-за идиота, так сказать, за эрудицию пострадал? — спросил Сергей Петрович.

— Нет, за Колькин дневник, — сказал Володька. — Вот вы посмотрите, что там написано! Только посмотрите! Вот это место, например.

Тут Сергей Петрович стал читать:

«Сегодня я видел Лёлю в окне. Она выбивала палкой ковёр. Я хотел ей помочь, но не решился. Она на моё окно даже не посмотрела. И почему это я Зину могу звать и Зинка, и даже Зиночка, и Таньку тоже как угодно, а вот имя Лёля мне произносить трудно? Называю её только Лёлькой или по фамилии — Сверчкова. И почему это?!»

— Видали? Ага! «Почему?» — спрашивает, — обрадовался Володька, — философствует!

— И ты это читал всему классу?

— Да. А что? Пусть глупостями не занимается. Я, как староста, должен…

— Вот ты, оказывается, какой! — Сергей Петрович зашагал по комнате.

— Это ещё ничего. Но они, наверно, друг другу письма пишут!

— Ну и что? — спросил учитель.

— А Лёлька ему раньше всё время говорила: «Коля, прочти Дюма!», «Коля, прочти «Всадника»!» Этого самого, знаете, без чего-то там… без головы, кажется… И книжки из библиотеки ему сама доставала.

— Ну и что?

— Они, наверно, в кино вместе ходят, — захлёбывался Володька.

— Ну и что?

— Но ведь это же непедагогично!

— Да что ты в этом понимаешь?! Педагогично, непедагогично! — вдруг рассердился Сергей Петрович.

Тут Володька перепугался.

— Сергей Петрович, простите, я просто пришёл как староста, заявить…

— Ты ябедничать пришёл, наушничать! Не хочу с тобой разговаривать! Иди в класс!

Я сидел за шкафом и радовался. Так ему и надо, этому Колбасину. Конечно, ябедничать пришёл!

Я уж хотел было идти в класс, но тут раскрылась дверь, и я услышал, как в учительскую влетели Лёлька и Танька и затараторили, затараторили.

— Сергей Петрович, я никогда не ябедничала, но сегодня просто не могу… — говорит Лёлька. — Вы знаете, оказывается, Мишка Пташкин специально подослан Дудкиным в наш оркестр.

— «Подослан»? Какие слова! — удивился Сергей Петрович. — Для чего?

— Для того, чтобы сорвать наше выступление. Когда мы запоём песню, он должен всё испортить. А он у нас и на пианино играет, и партию барабана ведёт.

— Как, одновременно?

— Ну да, левой ногой по барабану бьёт. А в зале будут и родители, и шефы придут.

— Это ужасно, это ужасно! И глупо с их стороны! — завопила Танька. — Что делать, Сергей Петрович? Что делать?

Но тут Сергей Петрович спокойно сказал:

— Да-а, загвоздка… Ну что ж, я что-нибудь придумаю.

Когда девчонки ушли, Сергей Петрович зашёл ко мне за шкаф и вытащил меня на свет.

— Пташкин, — спросил он, — что всё это значит?

Я не знаю, правильно я сделал или нет, но я тут всё рассказал Сергею Петровичу и про Колбасина, и про Колькину записку к Лёле, и про каток. Но про наш уговор — сорвать концерт — не говорил. И главное, он сам меня об этом не спрашивал. Потом он сказал, что это нехорошо — бить товарища, — и отпустил меня на урок.

Интересно, что же придумает Сергей Петрович для того, чтобы не сорвался наш концерт?

28 января. Сегодня у нас была последняя репетиция. Мы все выступали очень здорово. У нас есть и акробаты, и жонглёры, и дрессированная собака, которая может держать на носу колбасу. Правда, эта колбаса не естественная, из картона, но её мы так раскрасили, что получилась «краковская». А когда мы Тобику положили на нос настоящую, «чайную» за семнадцать рублей, то он сожрал её моментально.

Сегодня я разговаривал с Колькой по телефону. Он меня спросил, готов ли я на всё. Я ему ответил: готов! Правда, мне не очень хочется портить собственную песню, но ради друга можно.

Новость! Мы вчера Колбасина переизбрали! Он, как унтер Пришибеев, на всех кричал и ругался.

Теперь будет потише.

Я очень волнуюсь за завтрашний концерт. К нам приедут и родители, и шефы с завода. Кольке-то ничего не будет, а на меня все шишки посыплются за срыв концерта. Танька на меня не глядит, ну, и я тоже на неё не гляжу. Она стала носить голубую ленточку вокруг головы. До меня дошли слухи, что Танька предлагала снять меня с должности барабанщика, но шумовой оркестр не согласился. Все закричали: «Пусть только Мишка сорвёт наше выступление! Мы ему дадим дрозда!» А я не боюсь ваших «дроздов»!

29 января. Эти строки я уже пишу ночью. Час тому назад кончился наш концерт, но я только что пришёл в себя.

Представьте себе наш школьный зал, а в нём народу — полно! Там и генералы сидели, и учителя из соседней школы, и какие-то неизвестные мальчишки, и один милиционер (чей-то папа).

Сначала Федька показывал фокусы, потом спела Милка из восьмого класса «А», потом вышел на сцену Тобик, и все ему аплодировали за то, что он не ел колбасу.

Но вот наконец и Лёля нас зовёт. Мы расселись на сцене, занавес раскрылся, и Лёля объявила: «Песня о дружбе»! Музыка Миши Пташкина!» Ре-

бята наши закричали: «Да здравствует Пташкин!» А я про себя подумал: «Ух! Как сейчас ударю по барабану!» Но я специально пропустил первый куплет. Пусть, думаю, все послушают, а вот после припева я и ударю!

Но как-то вышло у меня, что я и на втором куплете не поломал ритма. Все поют, и я пою! Больно уж музыка у меня хорошая получилась. И Танька рядом со мной пела:

Девчонки, мальчишки!
Мальчишки, девчонки!
Нам всем подружиться пора!
И будет нам весело в классе,
Да здравствует дружба! Ура!

Но вот подошёл третий куплет, и я подумал: «Ну, Лёлька, держись! Как сейчас вдарю левой ногой по барабану!»

И только я ногой замахнулся, глядь, а песня… уж кончилась! Ой, что я наделал? Ведь теперь мы с Колькой поругаемся. Он скажет, что я слово не сдержал!

И я решил спрятаться за кулисами. Но тут подошёл Сергей Петрович и говорит:

— Миша, почему не идёшь в зал пожинать лавры?

А я отвечаю:

— А мне и здесь неплохо. Тихо, уютно. Сергей Петрович, а вы что хотели придумать, чтобы концерт у нас не срывался?

А он улыбнулся и говорит:

— Ничего. Честное слово, ничего. Я просто верил в тебя и в Колю.

И он ушёл.

И только он спрыгнул со сцены в зал, подходит ко мне Колька.

— Ну, Мишка, заказывай себе гроб! Где была твоя левая нога в самый ответственный момент?

— На барабане! — сказал я. — А что?

— А гроза, как в Большом театре? Знаешь, что древние греки делали за такие дела?

— Знаю, — сказал я, — но пойми, я не мог испортить песню о дружбе. Я сам заслушался.

И вдруг Колька как стукнет меня по плечу.

— Ты знаешь, Мишка, я тоже заслушался! Ну и молодец же ты у меня, композитор! Хороший оркестр получился!

Тут к нам подошли Лёлька и Танька и пригласили нас на танцы. Мы с Колькой хотели на них не обращать внимания, но раз они к нам подошли, то и мы решили больше на них не сердиться. И Колька сказал:

— Спасибо, Лёля, за концерт!

Это он её впервые Лёлей назвал. И, пожалуй, я теперь Таньку буду звать Таней.

Кто знает, может быть, она не хотела со мной раньше разговаривать потому, что я её звал неласково? Не знаю. Но, в общем, надо подумать над этим вопросом. Обязательно подумаю!

Мой учитель

Когда я был маленьким, отца я видел довольно редко. Он уходил на работу рано утром, а приходил, когда мы с сестрёнкой, набегавшись за день, уже видели десятый сон. И даже в выходной день, когда, казалось бы, папа должен был с нами идти в кино и покупать мороженое, он, позавтракав, уходил к себе в комнату и садился там за стол. Через щёлку дверей, наблюдая за ним, мы с сестрёнкой с нетерпением ожидали того момента, когда он начнёт разговаривать сам с собой. Он сидел за столом, здоровый, широкоплечий, что-то писал и вдруг, отрываясь от бумаг, произносил вслух:

— А я что-то позабыл. В каком же это томе? Ах да, вспомнил. Сейчас мы это найдём, и будет всё прелестно…

И снова склонялся над бумагами.

Иногда он размахивал руками, отрицательно тряс головой и подманивал к себе кого-то указательным пальцем.

Мы за дверью осторожно хихикали.

Мне однажды пришло в голову, что папа уходит в кабинет сходить с ума, и я, испуганный, побе-

жал за мамой. Я заставил её подойти к щёлке. Она, улыбаясь, смотрела, как папа махал руками, а потом отвела нас в сторону.

— Дети, — сказала она, — я попрошу вас к двери больше не подходить. Папа работает, а вы ему можете помешать, ну… порвать ниточку мыслей. Понимаете?

Тут я подумал, что мама говорит неправду. Во-первых, у папы на столе никакого станка нет, на котором он мог бы работать, а во-вторых, я никогда не видел, чтобы папа из своей головы тянул какую-то ниточку.

Расспрашивать маму я больше не стал, а пошёл к соседу по квартире, дедушке Федосеичу, худенькому, бородатому и лысому, с большой шишкой на затылке, которую он почему-то называл математической. Дедушка меня очень любил. Взрослые про него говорили, что он старый революционер, а сейчас «сидит на пенсии».

Дедушка всегда брал меня к себе на колени и спрашивал, легонько щёлкая по носу:

— Ну, кем ты хочешь быть, пострелёнок?

— Продавцом! — отвечал я, раскладывая его бороду на две части.

— Продавцом? — удивлялся Федосеич и сладко жмурился не то сам по себе, не то от прикоснове-

ния моих рук. — А ты с кем-нибудь советовался? Нет, брат, это ты что-то тут не то придумал!

Федосеич меня отговаривал, но у меня всё было решено окончательно и бесповоротно. Я уже много раз себе представлял, как в белом колпаке и переднике я прохожу по кондитерскому отделению «Гастронома» и ем любые конфеты, какие только захочу. И ещё я могу эти конфеты приносить своим детям.

— Всё-таки я считаю, тебе надо другую профессию подыскать, — убеждал меня Федосеич. — Вот неплохо быть учителем, а? Как ты смотришь?

И Федосеич, как мне казалось, с удовольствием потирал свою математическую шишку. Но я робко молчал, потому что мне не очень хотелось иметь такое украшение на голове.

Когда я поделился с дедушкой тем, что мой папа разговаривает сам с собой, он усмехнулся:

— Разговаривает?! Ну и пусть, на здоровье! Он учёбой увлекается. А может быть, фразу какую исправляет. А вот ты хочешь попробовать писать?

Старик достал из стола карандаш, листок бумаги и сказал:

— А ну-ка, садись!

Я взял карандаш в кулак и нарисовал на листке забор.

— О, великолепный почерк! — обрадовался вдруг мой учитель-пенсионер и, надев на нос очки, прочитал: — Эне бене раба кунтер сунтер жаба. Правильно?

— Правильно! — ответил я и страшно удивился тому, что простой забор — это, оказывается, не забор, а наша считалочка.

Теперь я сразу решил свои успехи в чистописании использовать с толком. Я побежал к себе в комнату и стал писать заявление в детский сад.

Детский сад — это была моя мечта. Туда уже ходили мои товарищи и ели там морковные котлеты, а я дома такие вещи не едал. Но, оказывается, поступить в детский сад было не так-то легко. Мама сказала, что ей надо основательно похлопотать. И я решил ей помогать: становился лицом к стенке и бил в неё ладошами.

Вскоре мама сказала, что всё уже улажено и теперь только осталось написать заявление. И вот тут-то я понял, что ждать маму не стоит. Я нашёл красный карандаш, оторвал кусок газеты и пошёл в свой уголок. Там я помахал руками, поговорил сам с собой, как папа, а затем нарисовал на газете дом с трубой и дымом, витиеватую дорожку и себя, идущего по дорожке в детский сад.

Наутро я отправился в детский сад, который

находился в нашем дворе, и дал директору прочесть моё заявление.

Так меня приняли в младшую группу.

Вечером старик Федосеич похлопал меня по плечу и ухмыльнулся:

— Молодчага, парень! Видал я твоё произведение, видал. Очень остроумное!..

С этого дня я, сидя над любым куском газеты или чистой бумаги, пытался «писать» обо всём. И как мы в детском саду играли в мяч, и как мы ходили на улицу, и как у моего приятеля Игоря на щеке вздулся флюс.

Когда мои рисованные рассказы попали к Федосеичу, он прочитал их внимательно, исправил ошибку (вместо одной закорючки поставил две), а затем сказал:

— Что же ты, пострелёнок, молчал? Говорил «продавцом буду», а сам куда метишь, а? — И он весело рассмеялся. — Только, чур, договоримся: когда вырастешь большой, обо мне первый рассказ, ладно?

...Я сдержал своё слово.

Когда я учился в четвёртом классе, дедушка умер у меня на глазах от разрыва сердца, и я, потрясённый, написал об этом. В рассказе, помнится, я предлагал, чтобы все люди вместе

построили такому чудесному человеку, как дедушка, большой-большой памятник. И обязательно бы оживили дедушку. Он был очень и очень хороший человек!

Как утонул Гога

В городском пионерском лагере Гога Чулюкин всё время выхвалялся перед девочками: то спрыгнет с высокого каменного забора, то пробежит по улице в трусиках за поливальной машиной, то нарисует химическим карандашом морской якорь у себя на груди.

Над ним сначала все смеялись, а потом перестали.

Когда ребята купались в реке, Гога спас маленького Ромку Шпагина. Тот закричал: «Тону-у!» — и скрылся под волнами, а Гога вытащил его за волосы.

Про этот поступок совет отряда написал в «Пионерскую правду».

А потом Гога опять спас на реке семилетнего Димку. И все подумали: «Вот настоящий герой!»

Но вот в совет отряда пришёл маленький Вася Скворцов и сказал, что он сегодня тонуть не хочет, потому что мама ему запретила купаться. У него ухо болит.

— Как тонуть? — закричали ребята. — Для чего тонуть?

И тут они узнали, что это Гога Чулюкин под-

говорил его «тонуть». И Ромку он подговорил, и Димку. Вы, дескать, орите понарошку: «Тону-у!» — а я вас буду спасать. И мы будем героями.

Вот обманщик!

И ребята так постановили на совете отряда: Гоге — позор! Он — лжегерой! Нам таких пионеров не нужно!

И в «Пионерскую правду» было тут же послано опровержение.

«Счастливая» ручка

Утром перед школой Саша Чубиков бродил по дому сам не свой. Он хорошо подготовился к контрольной работе. Но вот ручка, та самая ручка, которой он всегда писал, пропала и, хоть караул кричи, никак не находилась.

Саша перевернул вверх дном всю комнату. Ему помогали в поиске и бабушка, и мама, и Стаська — младший брат, но всё было безрезультатно.

— Ясно, я сегодня засыплюсь! — жалобно говорил Саша, для чего-то заглядывая в банку с огурцами. — И это ты, Стаська, виноват будешь. Кто тебя просил моей ручкой крокодилов рисовать?

— А я знал, что она заколдованная? — хмуро отвечал Стасик. — Надо было раньше сказать.

— Не заколдованная, а счастливая! — поправил Саша. — Такую все ребята хотели бы иметь. Не успеваешь её вытащить, как она уже сама без ошибочки контрольную пишет и задачки решает.

Стасик наморщил лоб, видно собираясь о чём-то сообщить, но, передумав, только пошевелил губами.

Конечно, это он во всём был виноват. Вчера вечером прибежал к нему рыжий Петька из Сашиного класса и, чуть не плача, стал просить Сашину ручку. Ты-де, Стаська, отдай, а я тебе за это белую мышь принесу. Только ты один меня можешь спасти, а то мне сейчас хоть с моста в речку! Или в петлю! Но только ты Сашке и никому ни слова не говори об этом! Ну, будь любезен, пожалуйста, позволь…

И Стасик пожалел Петю.

Когда Саша вышел на улицу, настроение у него улучшилось. На всех перекрёстках милиционеры давали зелёный свет.

И в школе Саша писал легко и уверенно, словно шёл по «зелёной улице».

Только над словом «цыплёнок» пришлось подумать. Как писать: «цы» или «ци»?

Саша взглянул на Петьку, который сидел впереди, и заметил, что тот почему-то загораживает плечом свою работу.

А после того как учительница прочла слово «цыплёнок», Петька стал вести себя совсем странно. Он то краснел, то бледнел, то тряс над партой какой-то предмет.

И чем ближе диктант подходил к концу, тем больше Петька волновался.

Во время проверки диктанта на Сашину парту упала записка: «SOS! Как пишется «курицын сын»?»

Саша подмигнул Петьке: дескать, не могу, учительница смотрит, и вдруг увидел у приятеля свою любимую ручку.

«Ах вот он что прятал! — подумал Саша. — Ну, Стаська, погоди, заработаешь на орехи!»

Саша рассердился так, что готов был сейчас же вырвать у Петьки свою ручку. Но, проверив работу и не найдя в ней ни одной ошибки, он отдал её учительнице, снова сел за парту и на тетрадном листе крупными буквами, так, чтобы прочёл Петя, написал: «Дарю свою ручку! Спроси у неё!»

Дуб

Мы с Вовкой решили у нас во дворе посадить дерево. И стали гадать, какое посадить: ель, сосну или берёзу? А потом Вовка сказал:

— Знаешь что? Давай посадим дуб!

— А почему дуб? — спросил я.

— А потому, что дубы живут тыщу лет!

— Ну, давай! — согласился я, и мы поехали за жёлудем в лес.

На торжественную посадку Вовка созвал всех ребят, игравших во дворе, и сказал речь:

— Товарищи! Вот вы видите у меня в пальцах один маленький жёлудь. Мы его сейчас воткнём в землю, а пройдёт тыща лет, и у нас во дворе будет стоять огромный дуб, под ним будет тень, и все люди будут здесь отдыхать.

— А мне как тогда будет, холодно или жарко? — вдруг с усмешкой спросил Федя Сковородкин.

— Не знаю, как тебе тогда будет, а мне сейчас приятно! — нашёлся Вовка. — Ну, а ты будешь нам сейчас помогать?

— Нет, — сказал Сковородкин. — Зачем мне это нужно? Кто тогда об этом вспомнит?

— Ладно, не заплачем, — сказал Вовка и спро-

сил у всех: — Ребята, а кто из вас хочет выкопать ямку?

— Я! Я! — раздались голоса.

В общем, одному мальчишке Вовка дал в руки лопату, другого послал за водой, а третьему велел принести бутылку с пробкой и самописку.

Когда бутылка и ручка были принесены, Вовка написал на бумажке:

«Дорогие будущие пионеры! Этот тенистый дуб посадили мы, ребята, жившие в этом дворе». И все расписались: Вовка, Петя, Шурка, Катя и я. А потом мы заложили это письмо в бутылку и закопали её рядом с маленьким жёлудем.

А Федьке Сковородкину мы не дали расписаться. Раз он такой, пусть о нём никто и не вспомнит через тысячу лет!

Привидение

Мы приехали в лагерь, и с первого же дня на нас напала скука. В обед в чёрном небе так полыхнула молния, будто кто-то там, наверху, нарочно устроил короткое замыкание.

Мы-то этой грозе сначала обрадовались. А потом видим — дело плохо: гроза проскочила, а дождик как зарядил, так и пошёл, пошёл неизвестно до какого дня.

Наутро на территории лагеря — лужи. Дорожки и тропинки развезло — поскользнёшься и носом в грязь. Вся одежда и ботинки влажные, даже надевать их противно. И главное, похолодало. На станцию юных техников бегать через парк нам уже не хотелось, читать не читалось, и всего-то стало у нас три радости: завтрак, обед и ужин.

Наша отрядная вожатая Клава — розовощёкая, завитая, с басовитым голосом — нам сначала запретила валяться на постелях, а потом махнула рукой: ладно, только не щёлкайте зубами от холода! И тут мы уже дали себе волю: натянули на себя разные тёплые вещи и — юрк! — под одеяла.

Мой сосед по койке, Митька Некрасов, даже кепку надел и лицо полотенцем обвязал, словно

у него щека раздулась. Лежит он себе на койке и при каждом ударе грома причитает:

— Ой, сейчас молния в нашу спальню засадит! Ой, она дырку до самой Америки прошибёт!

И ещё этот Митька любил сказки после отбоя рассказывать, да такие страшные, что у меня мурашки по телу бегали. Мы даже свет в спальне при этих сказках не гасили, только бы не так уж ясно нам представлялись разные Митькины вурдалаки, лешие и покойники.

Особенно визжал от страха маленький Колька Зайцев. Белобрысый, с чёлкой на лбу, с большими, будто вечно испуганными глазами, он и впрямь был похож на зайчишку. Но ел он, правда, за троих, видно, хотел догнать в росте своего здоровенного папашу-моряка.

Мы над Колькой потешались. Чуть проиграют: «Спать, спать по палатам», так кто-нибудь и говорит:

— Митьк, а ну-ка, начинай травить. И такое, чтоб у Зайца живот схватило!

А Колька лежит и тоненьким голосом просит:

— Ребят, а может быть, сегодня не надо?

А ребята подзуживают:

— Нет, Митька, не слушай индивидуалиста!

И Митька по ночам так выдавал, что у нас под-

жилки тряслись.

На третий день «потопа» к нам в лагерь прикатил на мотоцикле отец Кольки Зайцева. Он, оказывается, надолго уходит к берегам Антарктиды и вот приехал проститься. Они гуляли вдвоём по мокрым дорожкам. Отец всё о чём-то говорил и говорил с Колькой.

Мы смотрели на них из окон своей спальни и смеялись: вот парочка — дядя «достань воробышка», а рядом с ним — сморчок!

Потом Колькин отец пришёл к нам в спальню. Мы думали, что он сейчас задаст нам жару за то, что мы на его сыночка нападаем, а он даже ни слова про это. Вошёл, сказал: «Здоро́во, мужики!» — а потом, угостив нас сушёным кокосовым орехом, сладким и маслянистым, сел на мотоцикл и укатил. А Колька снова забился в свой угол — тихий и грустный.

А вечером после ужина молния ударила в высоковольтную линию, и наш лагерь погрузился в темноту. Нам выдали на спальню фонарь со свечкой, и мы его подвесили на гвоздь у дверей. Огонь у свечки был таинственный, подрагивающий, и казалось, что на всей земле сейчас, как в нашей спальне, темно и сыро.

Митька лёг в постель, надел кепку, подвязался

полотенцем и вдруг хлопнул себя по лбу.

— Эй вы, мужики! — сказал он. — Давайте девчонок напугаем! Завернёмся в простыни и пойдём к ним под окна как привидения, а? Вот смеху будет!

Но тут… не успел Митька произнести эти слова, как свечка в фонаре почему-то погасла, а Лёшка Трюкин, заикаясь, прошептал:

— Ой, ребята, п-посмотрите в окно… привидение стоит!

Мы кинулись к подоконнику, и у меня подкосились ноги: в дождливой мгле метрах в пятидесяти от дома кто-то высокий, в белом будто протягивал к нам руки. Мы, чуть дыша, напряжённо вглядывались в забрызганные стёкла.

Наконец кто-то прошептал:

— А может, Клаву позвать?..

— Да что ты, — произнёс трясущимися губами Митька. — Она даже мышей боится.

— А если сторожа — дядю Федю? — сказал я.

— А кто за ним побежит? — прошептал Митька. — Ты побежишь, а это — белое — тебя поймает и шваркнет об землю!

Ударила молния, и мы все снова заметили призрачную, считай двухметровую фигуру. Она, покачиваясь, медленно шла к спальне.

— Видали?! — взвизгнул Лёшка Трюкин. — Сейчас она магической силой парализует нас, и м-мы все пропали! — И он бросился под кровать.

Нас словно отбросило от окна, и мы вслед за Лёшкой юркнули кто куда: под одеяла, под кровати. Сквозь открытую форточку в спальню ворвался ветер и распахнул дверь.

— Р-ребя, это дух вошёл, — раздался слабый голос Зайцева. — Я, кажется, уж — ик! — умираю!

Я набрался храбрости и выглянул из-под кровати, на цыпочках, наступая на чьи-то ноги, подошёл к окну.

— Слушайте, — сказал я, вглядевшись в темноту, — а ОНО уже, кажется, растворилось…

— Честное слово?! — раздались голоса.

— Самое честное…

— А может быть, ОНО нарочно спряталось и заманивает? — прошептал Колька Зайцев.

Но ребята всё равно уже вылезли из своих «укрытий» и еле слышно подошли к подоконнику. За стёклами было черным-черно…

Утром мы узнали, что молния угодила в трансформаторную будку, и поэтому света в лагере не будет ещё два дня. Вот уж как не повезёт, так не повезёт!

Но нам в спальне теперь было не до скуки. Мы

все заядло обсуждали ночное происшествие. Во-первых, мы постановили — об этом никому! Ведь могут нашу спальню на смех поднять: XX век, пионеры, а им — ха-ха! — привидения мерещатся! А во-вторых, нам самим надо во что бы то ни стало найти научное объяснение такому таинственному случаю.

Теоретическую конференцию в нашей спальне мы начали на высоком уровне: вспоминали разные статьи, читанные то в «Юном технике», то в «Знании — силе», приплюсовывали к ним кое-какие свои соображения. И по всему выходило, что с Землёй уже творится какая-то чертовщина: кругом летают тарелки, около нас ходят совсем незаметные, маленькие, зелёные венеряне. А на какой-то далёкой звезде живут подозрительные существа и то и дело добиваются с нами связи. И учёные не знают, что лучше: устанавливать с ними связь или нет? А вдруг дашь им адресок, а они тебя сожрут!

Но вот во время дискуссии выяснилось, что спальня уже разбилась на два лагеря. Одни — «венеряне» — верят в неземных существ, а другие — «ерундисты» — говорят, что всё это ерунда. И тут Митька Некрасов как закричит: «Бей венерян!» — и ударил меня подушкой по голове.

Я свалился с кровати, схватил чей-то ботинок и треснул Митьку по спине.

Наша научная дискуссия сразу приняла иной оборот. Началась драка. В воздухе замелькали подушки, тапочки, коробки с зубным порошком. Кто-то схватил вазу с цветами и плеснул водой в Кольку Зайцева. Лёшку Трюкина — «ерундиста» — проволочили за ноги по полу, и он закричал: «Горячо! Горячо!» Федька Клюшкин накинул на голову матрас и, не боясь тумаков, пошёл, как танк, на врагов. В спальне стоял грохот и раздавались крики:

— Мишка, дай венерянину веником по башке!

— Ах, летающая тарелка, ты ещё царапаться!

— На баррикады! — вопил Митька, водружая тумбочку на свою кровать.

И вдруг в спальню ворвалась наша вожатая Клава.

— Мальчики! Прекратить сейчас же!

Мы моментально распахнули окна и друг за дружкой попрыгали из спальни в сад.

Клава успела поймать за трусики только Зайцева. И тут он нас всех выдал. Рассказал о привидении. Это было ужасно, ведь мы-то договаривались молчать, а этот сморчок… Эх, да что говорить! В общем, наша Клава, загнав нас снова

в спальню, как мы и ожидали, стала смеяться над нами.

— Да кто в него верит, в привидение, — ответил за всех Митька. — Никто! А вот если бы ты сама на это БЕЛОЕ посмотрела, тогда бы по-другому заговорила!

— А мне даже и смотреть нечего! — отрезала Клава. — Я вот сейчас созову совет дружины, и мы ваше поведение всем лагерем обсудим!

— Клав, — вдруг тихо сказал Колька Зайцев, наш предатель. — Не говори, пожалуйста, ребятам ничего, а? Ну поспи хоть сегодня в нашей спальне. И койка свободная есть. Ведь мы-то не врём…

У Зайца был такой загнанный вид, что Клава, посмотрев на него, смахнула с лица ироническую улыбку и вдруг сказала:

— Ладно, приду! Но вы у меня от совета дружины всё равно не отвертитесь!

Она пришла к нам сразу после отбоя. Легла на свободную койку и начала рассказывать в темноте о своей швейной фабрике, об антирелигиозной пропаганде, а потом стала бормотать что-то неясное и уснула. Умаешься, конечно, с нами за день.

Дождь в эту ночь не шёл. Воздух уже потеплел, и на лагерь пал туман.

Мы долго глядели в окно, но там никто не появлялся. И постепенно-постепенно все, успокоившись, стали засыпать.

Я уж было начал рассматривать свой первый сон, как вдруг услышал чей-то отчаянный крик:

— Полундра! Привидение!

Меня прямо подбросило с постели. Из тумана на спальню надвигалось, покачиваясь, высоченное белое существо с расплывающимися очертаниями.

И вдруг за нашими спинами послышался какой-то мягкий стук.

— Ой, Клава в обмороке… — прошептал Митька Некрасов и, взвизгнув, бросился из спальни.

Все ребята кинулись за ним. Я — тоже. В узких дверях началась давка. Ребята кто со смехом, кто со страхом ломились в коридор.

И тут я себя спросил: мужчина я или трус?

Я распахнул окно и прыгнул в сад прямо на привидение. Оно вскрикнуло, бросило на землю высокую жердь, на которой висела простыня, и… побежало прочь! Но я всё-таки поймал его.

Тут я просто не поверил своим глазам. В руках у меня был… Колька Зайцев!

— Сморчок! — закричал я. — Укокошу!

— Ну и кокошь! — вдруг спокойно ответил

Колька. — А я тебя не боюсь! И вообще теперь ничего не боюсь! А вы-то все хуже девчонок! Ну и дам же я отцу радиограмму: «Твоя операция закончилась победой. Мужики бегут в панике». Ну, бей, что ж ты стоишь?

Но я уже опустил кулак. А действительно, за что же Кольку дубасить? Ведь он и сам-то перестал быть трусом, и нас хорошенько проучил. Вот что значит вовремя со своим отцом посоветоваться!

Чудо-чудеса

Однажды ко мне подошёл мальчик и спросил:

— Скажите, а можно сделать рычаг времени?

— Нет, — ответил я удивлённо. — Зачем тебе рычаг?

— А вот подойти бы к нему, — мечтательно сказал мальчик, — дёрнуть, и вдруг — раз! — вся техника будущего перед нами!

— Занятно придумано, — улыбнулся я. — А знаешь, уже и сейчас можно себе представить, какая у нас будет техника.

И я обмакнул перо в чернильницу.

ЖАРА В АНТАРКТИДЕ

Когда начались каникулы, Лена вынула из стола карты обоих полушарий Земли, долго разглядывала их, а потом сказала:

— Мам, а ты отпустишь меня на десять дней в Антарктиду?

— Ну вот ещё новости! Будто места на земле получше нет: холод, снега… Поезжай-ка на Тихий океан, на Гавайские острова.

— А я уже была там!

— Тогда, пожалуйста, лети на Цейлон, в Египет… Вечно ты капризничаешь!

— Мы в Египет недавно всем классом с учительницей по истории на экскурсию летали. И на Цейлоне уже были. А беспокоиться тебе нечего. Ведь в прошлом году я загорала на Диксоне? Загорала. И в Антарктиде буду загорать.

— Но ведь там ещё не зажгли новое Солнце!

— Нет, зажгли!

— А вот я сейчас узнаю, — сказала мама и сняла трубку видеотелефона, то есть телефона с телевизионным экранчиком.

На экранчике появился дядя Серёжа, мамин брат, который жил за семьсот километров от их города.

Прошлым летом Лена действительно ездила загорать на остров Диксон.

Раньше этот остров почти весь год был окружён вечными льдами. Лето здесь было короткое и холодное. Вокруг только голые скалы да бледно-голубой мох.

Но вот на Крайнем Севере советские люди зажгли искусственное Солнце. Высоко-высоко в небо были запущены две гигантские ракеты, которые не могли упасть на Землю, и между ними, словно молния, проскользнул первый тер-

моядерный огонь. А потом он стал разгораться всё сильнее и сильнее. И теперь уже не угасал. Это загорелось новое Солнце. И оно не обжигало людей, а только грело чуть теплее обычного. А через два года весь остров покрылся цветами. Здесь посадили пальмы и лимонные деревья. И они росли не хуже, чем на Кавказе.

Лена вернулась с Диксона поздоровевшая и чёрная-чёрная, как негритянка.

— Что?! Ваша экспедиция уже улетает сегодня? — вдруг неожиданно громко сказала мама. — А Лену ты не мог бы взять с собой? У неё сейчас каникулы… Вот спасибо! Она будет готова через час!

Мама положила трубку и весело сказала:

— Ну, Леночка, тебе повезло! Дядя Серёжа летит сейчас в Антарктиду зажигать новое Солнце. И он согласился взять тебя. Только смотри не очень много купайся в море, а то простудишься.

«АНТИГРАВИТОНЫ»

Саша стоял около газетной витрины и сверял номера билетов денежно-вещевой лотереи с таблицей выигрышей. Этих билетов у Саши был целый ворох: от папы и от мамы. Они отдали ему свои «счастьица» и сказали:

— Ну, брат, всё, что выиграешь, всё твоё!

Но Саша не хотел ни автомобиля «Енисей», который мог развивать скорость в пятьсот километров в час, ни мощного ионизатора, создающего самый настоящий экваториальный климат, ни байдарки с реактивным мотором…

Нет, такие вещи ему были не нужны! Он хотел только одного: ботинки. Да, ботинки со шнурками, на тонкой подошве. Но, конечно, не простые, а особые, под названием «антигравитоны».

Дело в том, что эти «антигравитоны» обладали удивительным свойством. Стоило их только надеть на ноги и нажать на особую кнопочку, находящуюся около каблука, как человек сразу отключался от силы земного притяжения, терял свой вес и как пушинка взлетал вверх!

Вот и всё, что нужно было Саше. Он хотел прийти в этих чудо-ботинках в класс и вдруг при всех учениках прямо вместе с партой вылететь в окошко. Все девочки закричат: «Ах!» — а Саша им только улыбнётся и помашет ручкой.

Он взовьётся к облакам, потом прицепится за хвост какого-нибудь самолёта, слетает до Свердловска, а затем вернётся обратно и снова в окошко — трах! Все испугаются от грохота, и учительница, может быть, скажет: «Ты почему

дисциплину нарушаешь?» Она, может быть, и из класса выгонит. Но всё равно Саша будет героем дня, и все ребята будут ему завидовать.

И вдруг Саша взглянул на номер своего билета, на таблицу и замер: «Антигравитоны»!

На его номер действительно пал чудесный выигрыш! Саша быстро засунул в ранец оставшиеся билеты и кинулся в ближайший магазин, где выдавались выигрыши.

Саша был счастливейшим человеком на земле!

Продавец проверил билет, показал Саше, как надо пользоваться «антигравитонами», и завернул их в бумажку. Но вдруг он сказал:

— Да, молодой человек, здесь в инструкции написано, что выдавать эти ботинки можно только после предъявления школьного дневника. Он у вас с собой?

— Пожалуйста! — радостно воскликнул Саша.

Продавец просмотрел дневник и вдруг нахмурился:

— М-да... А знаете ли, вам сейчас не придётся получить «антигравитоны». Нельзя! В дневнике написано: «Дисциплина слабая»! А мы их выдаём только дисциплинированным ребятам, которые не будут на партах по воздуху летать или там за

самолёты цепляться. Да-с… Придётся вас огорчить… Так что до свидания!

ДОЖДЬ ПО ЗАКАЗУ

Когда Катя ехала на мотороллере мимо правления колхоза имени 1 Мая, из окошка вдруг высунулся Иван Семёнович и закричал:

— Эй, Катя! Срочное задание! У меня тут поломался радиотелефон… В общем, ты съезди на электропогодную станцию и закажи сейчас дождь! Понятно?

— Понятно! — ответила Катя и нажала на педали.

Действительно, солнце вот уже три дня жгло посевы, и это очень хорошо, что председатель колхоза решил заказать дождь.

Катя жила в колхозном пионерлагере, и ребята трудились с утра до обеда. Кто на маленьких тракторах полол картошку, кто опрыскивал специальным составом груши и яблони, чтобы они каждый месяц давали плоды. А Катя работала на кукурузе, на дальнем участке, за пятнадцать километров от села.

Ребята там под открытым небом просто умирали от жары, и задание Ивана Семёновича было Кате по душе.

Она подъехала к одноэтажному кирпичному зданию, на крыше которого стояли металлические шары, остроконечные антенны, и, войдя в полумрак прохладной комнаты, сказала дежурному механику:

— Я из колхоза имени 1 Мая. Нам очень нужен дождь. Прямо задыхаемся!

— А какой, — спросил механик, — грибной или быструю грозу?

Катя вспомнила, о чём мечтали её друзья на кукурузном поле, и сказала:

— Давайте проливной с грозой, а потом немножко радуги…

— Сейчас, это мы мигом! — ответил механик и на пульте управления погодой стал передвигать регулятор.

В небо устремился поток электрических частиц с определённым зарядом.

И вдруг Катя заметила через окно, как в небе над станцией стали собираться белые облака. Приближаясь со всех сторон, они постепенно темнели и превращались в свинцово-чёрные. И вот блеснула первая молния, и ударил гром. На землю хлынули потоки воды. Дождь хлестал по ставням, по деревьям, вода вмиг заполнила все кадушки.

Катя выскочила на улицу и стала танцевать под ливнем. А механик крикнул:

— Ну как, сделать ещё похлёстче?

— А я думаю, хватит! — промокнув до нитки, сказала Катя, забегая в дом. — А теперь давайте эту… самую красивую…

И не успела Катя закончить, дежурный по погоде включил большой рубильник, и в небе над колхозом встала радуга.

НА ВЕНЕРУ

Поздно вечером с Московского ракетодрома на планету Венера уходила пассажирская ракета.

На Венеру улетала бабушка. В последние дни у неё что-то стали побаливать ноги, и врачи ей сказали, что неплохо было бы съездить или в Крым, в Евпаторию, или на Венеру. Там тоже обнаружены целебные источники.

Бабушка собралась очень быстро. Взяла два платья и пачку таблеток — завтраков и обедов — и, провожаемая всей семьёй, выехала на ракетодром.

Колька с удовольствием осмотрел пассажирскую ракету, которая могла лететь в космическом пространстве с колоссальной скоростью. Она была похожа на гигантскую стрелу с зеркальным

покрытием. Отражаясь в зеркале, все люди и дома казались высокими и огромными.

— Внимание! — вдруг заговорило радио. — Пассажиров, летящих по маршруту Внуково — Венера, просят занять места в ракете. Провожающие, зайдите в подземный зал.

Колька поцеловал бабушку и спустился вместе с папой и мамой под землю. Отсюда на поверхность выходил перископ с тёмным стеклом для наблюдения за отправкой ракеты. Вот Колька увидел, как в хвосте ракеты стал разгораться ослепительный огонь. Он отлетал от ракеты на далёкое расстояние, и стрела стала походить на комету.

— Бабушка, а когда ты будешь на Венере? — спросил Колька по радио.

— Через три дня! — сказала бабушка.

— Ух ты! — восхитился Колька и вздохнул. — Да, хорошо болеть!

— Это почему же? — удивилась бабушка.

— Ну как почему?.. Вот ты, например, захворала, и тебе сразу — раз! — и путёвка в санаторий: Москва — Венера! А мне как туда попасть? Я-то здоров!

— Эх ты, смешной Колька! — засмеялась бабушка. — Очень смешной! Тебе-то, здоровому, и не

такие ещё предстоят путешествия в будущем. Вот помяни мои слова.

Вдруг раздался грохот, и ракетодром заволокло лёгким туманцем.

А когда туман рассеялся, Колька увидел в перископ, что на эстакаде ракеты уже не было, и бабушка, видимо, была уже где-то далеко-далеко над Землёй и плавала по кабине в невесомом состоянии.

Шапка на трубе

Наша школа находится на улице имени Виктора Синицына. Раньше мы каждый день ходили по этой улице и не знали, кто такой был Синицын. А потом мы решили узнать в музее. И нам сказали, что это был бесстрашный разведчик.

Однажды его вызвал к себе командир и сказал, что нужно достать «языка» — немецкого офицера.

— Есть! — ответил Синицын.

И после долгих наблюдений в бинокль нашёл за линией обороны вражеский офицерский блиндаж. Там над трубой дымок вился.

А ночью со своим другом сержант Синицын подкрался к этой точке, заткнул рот часовому и надел свою шапку на… печную трубу блиндажа!

Через пять минут, весь в дыму, выбежал оттуда офицер и крикнул часовому:

— Эй, ты, что за печкой не смотришь?!

А тут Синицын схватил офицера за горло, сунул ему в рот тряпку и связал руки и ноги.

А потом они вдвоём с товарищами притащили этого офицера к своим.

Пленный офицер дал очень ценные сведения,

и наш полк выиграл бой.

Вот какой был Виктор Синицын!

Он погиб при штурме Берлина.

После того как мы все узнали о герое-разведчике, которому было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, мы ещё больше стали гордиться его именем и наша улица стала нам ещё дороже.

Володина гора

Володя вышел погулять. Эх, как красиво было на дворе после вчерашней вьюги! Заиндевевшие липы и кустарниковые акации казались засахаренными. Сосульки, освещённые солнцем, висели на крышах, как золотые.

И всё же Володя не очень-то радовался.

А всё это из-за Петьки, соседа по квартире. Володя договорился с ним, что они встанут сегодня пораньше и начнут гору строить, а Петька подвёл. Во-первых, он ещё спал, когда Володя вошёл к нему, а во-вторых, сказал, что он не хочет на мороз выходить.

Вдруг Володя увидел входившего в ворота молодого дворника дядю Васю. Он тащил за собой огромные сани с деревянным ящиком, доверху набитым снегом. Дядя Вася очищал тротуары. Он привёз сани на середину двора, к наваленному им высокому сугробу, и опрокинул ящик.

— Здравствуйте, дядя Вася! — сказал Володя, подходя к дворнику. — Снег возите?

— Здравствуй, здравствуй, — добродушно ответил дядя Вася. — Вожу! На улице завалило — ни проехать, ни пройти.

Он постучал валенком по ящику, чтобы лучше осыпался снег. Поставил его на сани и пошёл со двора.

Володя подошёл к сугробу и в раздумье стал его обтёсывать лопатой.

— Вовка, — вдруг услыхал он, — всё равно у тебя ничего не выйдет!

Это кричал Петя. Он стоял на подоконнике в своей кухне, на первом этаже, и глядел в форточку.

— А вот выйдет! — ответил Володя и сильнее заработал лопатой.

Он подкопал сугроб с одной стороны и на его вершину кинул обвалившийся снег.

Во двор опять въехал дядя Вася с ящиком.

— Дядя Вася, — ехидно крикнул ему Петя, — а Володька ваш снег трогает! Не давайте ему!

— Чего? — не понял дядя Вася.

— Я гору строю, а ему завидно, — пояснил Володя.

— Ты гору решил строить? — улыбнулся дядя Вася. — Это хорошо.

Он опрокинул ящик и вывалившийся снег быстро перекидал на Володину гору. Потом её облопатил, и сугроб получился с уклоном.

Когда Володя взглянул на Петькино окно, то

увидел, что Петю стаскивает с подоконника его мама. Форточка была уже закрыта.

Но через минуту Петя снова показался. На нём была шапка-ушанка.

— Всё равно зря трудишься! — закричал он. — Где ты воды достанешь? Я тебе не дам из моей квартиры таскать.

— Пусть кричит, — тихонько сказал дядя Вася. — Ничего, воды у нас хватит.

А когда гора была уже готова, он вытащил из своего сарая длинный шланг и привинтил его к водопроводной трубе. Из брандспойта вырвалась струя воды.

Снежный склон покрылся ледком. Сначала он был матовым, потом заблестел на солнце. Было морозно.

Петя заметался на подоконнике. Он долго ничего не кричал, потом не выдержал:

— Дядя Вася, на верхушку получше полейте, она плохо блестит!

— Ладно, не кричи, теперь уж без тебя всё сделаем, — ответил Володя.

В это время во двор вышли гулять две сестрёнки: Оля и Вера.

— Девочки, идите кататься! — крикнул им Володя и взбежал на гору, широко взмахнул руками

и съехал вниз, стоя на ногах.

Потом пришли Миша Зайцев из 25-й квартиры и Коля Прохоров, а Вася Берёзкин принёс большую фанеру. На ней можно было кататься втроём.

Ребята смеялись, визжали и катались с горы по-всякому: и стоя, и сидя, и даже на четвереньках.

Вскоре во двор вышел и Петя. Шапка у него была нахлобучена на лоб. Он тащил за собой лёгкие деревянные санки.

— Володя, а ты хочешь на моих санках покататься?

— Нет уж, спасибо, я как-нибудь и без твоих обойдусь!

— Ну возьми санки, — упрашивал его Петя.

Но Володя не брал. Тогда Петя отошёл в сторонку и нахмурился. Он чуть не плакал.

— Петька, айда к нам! — крикнула ему с горы Оля. — Смотри, я лечу, как на самолёте!

Но Петя ничего не ответил. Он ждал, что скажет Володя. А Володя будто совсем забыл про приятеля. Он раз двадцать, наверно, съезжал с горы и один, и вместе с ребятами, поездом, и даже не глядел на Петю.

Петя начал шмыгать носом.

— Ну ладно уж, иди катайся! — сказал ему на-

конец Володя. — Завтра мы всем двором здесь каток будем делать.

Загадка природы

Первый человек, с которым Костя Румянцев познакомился в пионерлагере, была соседка по столу — Женя Ермашова.

Едва только Костю усадили рядом с ней, она громко сказала:

— Слушай, а ты в каком кружке будешь заниматься — в животноводческом или в полеводческом? Давай с нами коров доить!

Костя с удивлением посмотрел в Женькины голубые глаза и усмехнулся:

— Коров? Хм! Весёленькое занятие! А тут случайно кружка по укрощению диких зверей у вас нет?

— Диких? — спросила Женя.

— Ну да, таких… которые рычат и воют…

— А-а… ты их уже укрощал?

— Укрощал! — гордо ответил Костя. — У меня любая собака котёнком становится. Стоит мне только взглянуть ей в глаза.

— Это ты что же, гипнотизёр, значит? — ахнула Женя.

— Не совсем, — скромно сказал Костя, — но, в общем, да!

— Слушай, а ты лошадей не пытался гипнотизировать? — вдруг спросила Женя, и при этом у неё лукаво сверкнули глаза.

— Это ещё зачем — лошадей? — удивился Костя.

И тут он узнал, что на лугу около дачи, в которой живёт Женькино звено, пасётся очень странная лошадь. С виду она тихая и смирная, и ноги у неё спутаны верёвками, но, когда девочки идут через луг после ужина к себе домой, эта лошадь всегда прыжками несётся за ними. Вообще какая-то загадка природы. Лошадь — животное травоядное, а в данном случае гоняется за человеком, как тигр!

— М-да, интересный случай! — сказал Костя. — Но я всё выясню, будьте спокойны!

Вечером с группой девочек он пошёл на луг. Девочки спрятались за забором, а Костя смело направился к лошади, которая щипала траву.

— Машка, тпру! — ласково сказал он. — Иди ко мне, дурёха!..

И вдруг Костя заметил, что путы на ногах у Машки развязаны и лошадь тронулась ему навстречу. Костя остановился на секунду, а потом со всех ног пустился от неё. И когда он побежал, то услышал за собой, что Машка тоже прибавляет шагу.

Костя подскочил к старенькому сараю, стоявшему на лугу, и под визг девочек по брёвнам забрался на крышу.

Машка подбежала к сараю, посмотрела на Костю, удивлённо заржала, а потом снова склонилась над травой.

— Костя, давай гипнотизируй! — закричала из-за забора Женя.

— Я сейчас!.. — с тоской сказал Костя, а сам подумал: «А вдруг эта лошадь бешеная? Слезу на землю, а она лягнёт по зубам или укусит!»

И тут с Костей произошло неожиданное. Под его ногами хрустнула подгнившая перекладина, и он рухнул на спину стоявшей под ним лошади.

Костя мгновенно вцепился в гриву — и кстати: Машка взвилась на дыбы, а потом вдруг, взбрыкнув ногами, галопом помчалась в деревню.

— Ой, мы погибли! — завизжала Женя Ермашова. — Костя, держись!

И тут началось… Костя вихрем промчался по всей деревне, мимо лагерной столовой, мимо пионерской линейки. Все встречные врассыпную бежали от него. Потом Костя всё-таки свалился, и довольно удачно — он попал в копну сена.

Когда он вылез оттуда, к нему подбежала Женя:

— Костя, ты живой?! Ты не сильно ударился?

— Нет, не сильно, — сказал Костя, стряхивая с головы сенную труху. — А Машка, наверно, психически больная, честное слово!

— Да при чём тут больная! — вдруг рассмеялась Женя. — Мы просто хотели тебя проверить, какой ты специалист по животным!.. Понимаешь, мы всегда после ужина угощаем Машку кусочками хлеба с солью, вот и всё, и у лошади уже условный рефлекс образовался: как она завидит мальчика или девочку, так сразу и бежит ему навстречу… А в общем, приходи в животноводческий кружок, там всё узнаешь. Это куда лучше, чем собакам в глаза смотреть.

Третий глаз

После Нового года ртуть в термометре упала до минус 25, и наш зимний лагерь, расположенный в бывшем графском дворце, был блокирован со всех сторон.

— Холод собачий! — строго сказал нам старший пионервожатый Аркадий — сутулый, невысокого росточка парень с курчавыми бакенбардами, как у Пушкина (кстати, мы его так и звали — Пушкин). — Если кто простудится, обморозится, мне ваши родители голову снесут. Сидеть всем дома!

И тут же он закрыл все выходы на ключ, а возле них поставил дежурных.

В большой котельной под дворцом вовсю шуровали два кочегара, и в длинных наших коридорах, в столовой, в гостиной с прокопчённым камином было душно и жарко.

Да, зима теперь была от нас уже далеко. Белым полем, чёрным лесом и голубоватым круглым катком на замёрзшей реке мы могли любоваться только из окон.

Нас, ребят, это злило. Тем более что деревенским мальчишкам на мороз было абсолютно начхать. Они вкатывали на горку, что была

напротив наших окон, розвальни, потом подталкивали их к склону и, как только они ускоряли свой бег, все с гиканьем и свистом прыгали друг на дружку в сани и, как разбойники, неслись к дымящейся проруби. Ещё секунда — и они, казалось, туда влетят. Но у мальчишек был свой расчёт — страхов много, а разгону-то у саней и нет.

А что нам было делать?! Правда, мы с Витькой в этой «блокаде», не в пример другим ребятам, нашли себе иное занятие, чем сидение на подоконниках.

Витька сказал, что раз наш зимний лагерь — это бывший дворец, то, значит, у хозяина — графа — водилось кое-какое золотишко и он, значит, после революции, убегая за границу, замуровал его в стену. А раз так, то нам этот клад необходимо разыскать.

В кружке «Умелые руки» мы достали молоточек и начали полегоньку обстукивать стены. Если в коридорах или в спальнях никого не было, мы стучали погромче, если кто появлялся — прятали молоточек в карман и со скучающим видом смотрели в окна.

В поисках клада мы облазили и чердак, и подвал, прокрадывались ночью мимо спящего повара в пищеблок. Побывали даже в котельной.

Однако проклятый граф, как мы ни стучали, свою тайну не открывал.

И вдруг Витька, когда я ему однажды намекнул на то, что пора бы уже нам с этим графом кончать, решительно произнёс:

— Тихо, без паники! Теперь мне всё ясно: несметные богатства, видно, вложены в железный ящик и подвешены в каминной трубе на проволочке.

— С чего это ты взял? — усмехнулся я.

— Эх ты, голова! — Витька презрительно оглядел меня с ног до головы. — «Вечерней Москвы» не читаешь… А там про наших рабочих заметка была… Как они один купеческий особняк ломали. Пробили кирпичную трубу, а там — бриллианты, во! А наш-то граф дурней купца, что ли?!

У Витьки, оказывается, был уже новый план: стоит нам только разжечь этот камин, который, вероятно, не топился со времён революции, — проржавевшая проволочка раскалится, потом лопнет, и ящик с драгоценностями упадёт из трубы к нашим ногам. Ну а дальше мы этот ящик отнесём в Госбанк, а там нас премируют деньгами.

— Так тебе уж и дали деньги! — засомневался я. — А что мы с ними будем делать?

— Да завтра же на всех аэросани купим, — ответил Витька, — и с горки на них будем кататься. — И вдруг, подозрительно оглянувшись, он добавил: — Да, кстати, я уже своим третьим глазом почувствовал, что за нами кто-то следит. Ты не замечал?

— Не-ет, — оторопел я. — А каким… каким ты это… глазом, сказал?

— Третьим! — зашептал Витька. — Он у каждого человека есть, только под черепной коробкой, на затылке. Если им уметь пользоваться, можно даже своё сердце или мозг рассматривать. А телепаты, те им даже чужие мысли читают…

Он наклонил голову и дал мне пощупать на своём затылке бугорок.

— Видал?! — восхищённо сказал он. — Теперь мы с ним не пропадём. Всё узнаем: кто что про нас думает!

Ох уж этот Витька — начал с камина и аэросаней, а кончил третьим глазом!

Впрочем, это было, конечно, заманчиво — зажечь камин. Но где достать дрова, ведь лагерь-то блокирован?

Для начала нашей операции под зашифрованным названием «Дворец и ларец» мы снова взяли из кружка «Умелые руки» пилу. Взяли и спрятали.

Ребята из кружка в поисках этой пилы сбились с ног, но мы молчали.

Потом у закрытых дверей на улицу я заговаривал дежурной девчонке зубы, а Витька тем временем прошмыгнул в раздевалку и снял с вешалки наши пальто и шапки. Наконец, когда все ребята уснули в мёртвый час, мы с Витькой незаметно пробрались в комнату тихих игр, открыли окно и выпрыгнули на улицу…

Мы бежали к лесу по скрипучей тропинке в сугробах и совсем не чувствовали мороза. Искрящийся розовый снег толстым слоем лежал на ветках, и они походили то на гигантскую куриную лапу, то на слоновью голову или на птичий клюв. Лиловые тени деревьев от заходящего солнца перекрещивались на снегу, как римские цифры.

Тонкую сухую берёзу мы свалили в два счёта и быстро распилили на чурбачки. Теперь предстояло затащить их в дом.

Витька сбегал на горку к деревенским мальчишкам, наболтал им что-то вроде того, что в нашем доме уже окочурились от мороза три девчонки и срочно нужны дрова, и ребята в наступившей темноте с охотой поднесли нам чурбачки к дому. Только их удивляло, почему

всё это надо делать бесшумно, а главное — зачем дрова таскать в темноте и через окно?..

Вечером, когда все ребята ушли на ужин, мы с Витькой разожгли камин. Действовали мы осмотрительно: открыли вьюшку, заполнили на всякий случай бак с питьевой водой, сняли в кухне со стены красный багор и спрятали его за штору в гостиной.

Берёзовые дрова, как ни странно, у нас не разгорались: они дымили, гасли и снова вспыхивали. Мы становились на четвереньки и дули изо всех сил, потом размахивали над ними фанеркой, но всё было безрезультатно. И тут я додумался — притащил из кабинета Аркадия вентилятор и запустил его. Дым из камина повалил как из трубы. И тут дрова загорелись.

Но что это было за чудо — костёр в доме! И чего взрослые ни разу для нас его не разжигали? И совсем это не графское занятие — сидеть у камина, а самое пионерское: огонь! треск! дым! И всё это было самым настоящим, не то что на сцене в торжественных случаях: куча красных лоскутков, а под ними электролампочка и вентилятор.

Мы с Витькой заплясали от восторга. Вот дураки наши ребята: едят какие-то там сардельки и не видят такой красотищи — огня!

И вдруг мы услыхали в коридоре чей-то тяжёлый топот. Это бежал взрослый человек. И неспроста — из-за нас!

Единственное, что мы могли с Витькой сделать, — это мгновенно спрятаться за штору.

Вбежав в гостиную, человек ошалело закричал:

— Дежурный! — это был голос Пушкина. — Пожар!

Ну что он кричал — ведь ясно видел, что это не пожар, а просто горит камин.

Тут на наш бедный костёр налетело человек десять вожатых: один стал разбрасывать ногой головешки, другой схватил бачок с водой… Из столовой прибежали ребята, и мы с Витькой немедленно смешались с ними, и через минуту от нашего торжественного костра остались только ножки да рожки.

Аркадий без промедления начал чрезвычайное расследование: кто разжёг камин?

Мы с Витькой притихли: вот уж никогда не думали устраивать такой трам-тарарам. Проклятый граф — куда он нас завёл!

Все мальчишки и девчонки с волнением обсуждали происшествие, но, естественно, никто из них не признавался.

И вдруг — новость! Поджигателем оказался Лёнька Андреев. Ребята нашли у него в тумбочке спички и за шиворот притащили его к Аркадию. И как Лёнька ни изворачивался, как ни клялся, что спичками он только в зубах ковыряет, Пушкин с суровым лицом повёл его в изолятор.

Мы с Витькой не спали почти всю ночь — шушукались. Что делать? Из-за нас зазря погорел Лёнька, каждый теперь подозревает другого, а мы — субчики-голубчики — воды в рот набрали.

— Не понимаю. Ну чего мы плохого сделали? — вздыхал Витька. — Эка невидаль — разожгли камин. Да пусть бы он себе горел и горел, и ребята бы посидели возле него. Ноги бы грели, как графья. А тут — крик! шум!

— Витька, — сказал я в шутку, — а ты завтра утром посмотри своим третьим глазом на Аркадия и выведай по телепатии, знает ли он что-нибудь про нас.

— Да ну его! — ответил Витька. — Разве он поймёт! Совсем третий глаз потерял! А ещё под Пушкина подделывается!

«Ой! — вдруг подумал я. — А ведь это очень здорово, что у каждого человека есть третий глаз. Посмотрит он им по сторонам, к себе в душу заглянет — и пожалуйста, всё правильно решает.

Только надо (тут я усмехнулся), чтобы этот глаз никогда не косил, не лукавил, а смотрел бы всегда прямо и честно!»

Чуть свет мы с Витькой разбудили Аркадия и рассказали ему всю правду: и про то, какие мы дураки, что искали графский клад, и про пилу, которую стащили, и про лес с римскими цифрами…

В общем, он нас простил и тут же выпустил из изолятора Лёньку Андреева.

Но про наш третий глаз мы Аркадию, конечно, ни слова! Ведь, может быть, у старшего пионер-вожатого и нет его, так чего же человека зазря травмировать?

Впрочем, вечером в нашей гостиной камин уже горел. И зажёг его перед всеми ребятами сам Пушкин.

По совести, значит, решил!

Одно слово

Юра Зубков, осторожно ступая по крутой лестнице, спустился с чердака. В руках он держал старое пыльное чучело орла. Одно крыло было сломано и болталось на верёвочке. Осиновый сук, на котором сидела птица, еле-еле держался на дощатой подставке.

«Это ничего, — подумал Юра. — Сейчас мы наведём порядок. Будет у меня как живой!»

Чучело орла, которое принадлежало папе-охотнику, Юра обещал починить и подарить школьному зоологическому кружку.

— Алька, — сказал он своему брату, пятилетнему мальчишке, — а ну-ка, тащи сюда пылесос! Сейчас встряхнём её — и птичка страшно красивая будет!

Алик пошевелил в раздумье бровями и спросил:

— А почему орёл страшным будет?

— Кто тебе сказал, что страшным? Я говорю — красивым.

— А как это: и страшным будет, и красивым?

— Ну, страшно красивым, — покровительственно сказал Юра, — это значит — ужасно красивым.

Понял?

— Нет, — чистосердечно признался Алик.

— Подрастёшь — поймёшь, — сказал Юра и включил пылесос. — Будем птиц в классе проходить — этот орёл нам поможет. Наглядным экспонатом будет. Тогда уж никто не схватит двоечки.

— А ты вообще хватал двойки? — спросил Алик.

— Хватал, — ответил Юра. — У меня по русскому языку бывает иногда.

— Юра, а что значит «хватать двойки»? Они что, эти двойки, разве убегают?

— Вот учудил! — усмехнулся Юра. — Кто бы их хватал, если бы они убегали? Их педагоги ставят. А схватить двойку — это значит не выучить урока. Ясно? — Юра осмотрел чучело и добавил: — Ну, приступаем к работе! Вот сейчас мы тут отчекрыжим, — забормотал он, — а тут мы гвоздь загоним.

— А что такое «отчекрыжим»? — удивился Алик.

— Ну, это всё равно что отпилим, — деловито объяснил Юра.

Тогда Алик сказал:

— Юра, дай мне что-нибудь поделать. Хоть ка-

кую-нибудь ногу прикрепить.

— Не дам — испортишь! — сказал Юра и вдруг толкнул ногой вислоухого Бобика, который попытался зубами ухватить орла за крыло: — А ну, пошёл вон!..

Вскоре птица была почти как живая. Она распластала тёмно-бурые крылья и, казалось, хотела вылететь в окно.

Оставалось только приколотить подставку. И вдруг Юра вспомнил, что ему надо сбегать в булочную, пока она не закрылась на обед.

— Слушай, Алька, — сказал он, — ты будешь здесь? Я сейчас: в булочную и через минуту обратно! А чтоб не скучно было, присобачь вот эту штуку. — И Юра пальцем указал на орла, хотя имел в виду подставку для него.

— Пожалуйста! — охотно согласился Алик и удивлённо спросил: — А он тебе уже больше не нужен?

Но Юра не обратил внимания на этот вопрос. Он выскочил на улицу, купил хлеба и минут через десять вернулся домой.

Он вошёл во двор и остолбенел. По двору бегал Бобик и, вцепившись в крыло зубами, волочил за собой орла. За ним, смеясь, носился Алик и кричал:

— Присобачил! Присобачил!

Зелёные огоньки

Таня живёт в тайге, на прииске «Петушок». А её школа находится в двух километрах от дома, в большом посёлке. Вот они вдвоём с Шуркой и ходят каждый день туда и обратно.

Как-то раз поселковый сторож им сказал, что в округе появилась волчья стая. Но ребята ему не поверили: откуда тут волки, когда кругом строительство?

Но однажды Шурка не пошёл с Таней из школы домой. Сказал, что остаётся ночевать в посёлке. Сказал и смотрит: а не побоится ли девчонка одна идти через тайгу?

Но Таня не струсила и пошла.

Вот идёт, идёт она, а самой очень боязно. И вдруг видит впереди два зелёных огонька!

«Волки!» — подумала девочка и, остановившись, зажгла карманный фонарик. Постояла она так минут пять (сердце прямо в пятки ушло!), а потом глядит — зелёные огоньки исчезли.

И вскоре она пришла к своему дому.

На следующий вечер Шурка также остался в посёлке. Сказал, что хочет сходить в кино. А Таня опять пошла одна. И только она подошла к лесу,

глядит, а на дороге стоит что-то чёрное. «Опять волк! Что делать?» У неё от страха прямо ноги не идут.

А потом она как задаст стрекача! Прибегает в посёлок к сторожу и просит у него самую злую собаку — Полкана! А сторож и говорит: «Да плюнь ты, дочка, на этих волков! Оставайся в посёлке!» А девочка отвечает: «Нет, не плюну! У меня, говорит, одно подозрение есть!»

И вот дошли они со сторожем до оврага, глядят — на дорогу из леса опять что-то тёмное выбирается. Не то волк, не то медведь. Идёт вразвалку, медленно. И глаза горят.

Тут девочка как крикнет:

— Полкан, взять!

А Полкану только этого и надо — кинулся вперёд!

И вдруг волк как завопит по-человечьи:

— Ой, Танька! Это я, Шурка! Полкан, не сметь!

Таня подбегает, и вот те раз — Шурка! А вокруг него кошка как угорелая носится. А Полкан — за ней.

— Слушай, как ты сюда попал? — спрашивает Таня Шурку.

А он отвечает:

— Это я тебя с кошкой нарочно волками пугал.

Хотел узнать, трусиха ты или нет.

— Эх ты! — сказала Таня. — Придумал бы что-нибудь другое... А то волки! Этих волков и за двести километров отсюда не сыщешь — все от наших экскаваторов и бульдозеров поразбежались!

В общем, Шурка сам себя наказал. Его Полкан за руку укусил, и доктор поэтому прописал ему уколы от бешенства.

За прекрасную даму!

С тех пор как я связался с Колькой Нарышкиным, я прямо потерял покой. Жил я себе тихо-мирно, а теперь вдруг в комнате то телефон зазвонит и кто-то могильным голосом спросит: «А почём стоит чёрный гроб?», то приходит письмо, а в нём череп и две скрещённые кости, или идёшь из школы, а тебе по голове помидором тр-рах! А кто — неизвестно.

В общем, жизнь у меня с тех пор началась весёленькая.

Я давно уже говорил Кольке, чтобы он вёл себя потише: не очень-то критиковал ребят на пионерских сборах, не таскался по милициям как свидетель, если задерживали какого-нибудь хулигана на улице, не делал замечаний прохожим: «Граждане, поднимите окурок». А он всё гнёт свою политику.

Как-то раз он потребовал жалобную книгу в гастрономе, а продавец взял его за шиворот да и выкинул на улицу — иди, дескать, молокосос, жалуйся!

Тут бы Кольке и одуматься — ведь всех людей не исправишь, и не надо на разные мелочи обра-

щать внимания, а он написал письмо в газету да ещё на меня накинулся: «Ты мещанин! Медуза! Где твой гражданский долг?!»

Почему я попал в мещане — кто его знает. Но Колька так сказал.

А недавно он прибежал ко мне ну прямо с сумасшедшими глазами.

— Юрка, за мной погоня! — прохрипел он. — Враги уже близко, и мы сейчас будем умирать!

Я оторопел. Откровенно говоря, умирать мне ещё не хотелось. Я должен был идти в магазин за солёными огурцами и петрушкой, но Колька был вне себя:

— Трус презренный! Какие солёные огурцы! Мы проткнём этих негодяев насквозь!

Вдруг я услышал, как к нашему этажу подошёл лифт, и сразу же на лестничной площадке раздались голоса:

— Он у Юрки прячется!

— Удрал всё-таки.

— Кто со шпагами — вперёд!

В дверь сильно ударили, и тут я узнал голос Васьки Лохматого, который жил через улицу и учился в соседней с нами школе. Он тоже, как и мы, ходил в пятый класс.

— Эй ты, влюблённый! Пиши завещание, мы

тебе сейчас мозги вправим.

— А я из вас шашлык сделаю! — крикнул Колька и побежал на кухню.

Здесь он схватил длинную толстую палку, которой мама помешивала в баке бельё во время кипячения, и ринулся к двери. Заложив левую руку за спину, он выбросил вперёд свою «шпагу» и скомандовал:

— Открывай!

— А может быть, не надо, — шепнул я. — Ведь их там четверо, а ты… один!

— Как — один?! — уставился на меня поражённый Колька.

— Но у меня ведь нет оружия!

— Хорош друг! — прошипел Колька. — Значит, ты не хочешь вступиться за честь прекрасной дамы?

Я вытаращил глаза. Нет, такого оборота я никак не ожидал. За кого умирать, за Катьку Тихонову?! Да что он, Колька, с ума, что ли, сошёл?!

В сентябре этого года, когда в наши два корпуса съехались новые жильцы, мы с родителями устроили на дворе субботник: посадили тополя, липы, берёзки и сколотили стол с двумя скамейками. Всё получилось очень хорошо. Но вот вскоре к нам во двор пожаловал его величество

Васька Лохматый с Петькой, Сенькой и Серёгой. И тут начался спектакль.

Сначала Васька Лохматый перевернул стол и, усевшись в него, как в носилки магараджа, повелел своим подчинённым таскать его по двору и петь: «Нам бы, нам бы, нам бы, нам бы всем на дно!..» Потом они где-то раздобыли резиновый шланг и, сделав вид, что поливают клумбы, забросили холодную струю за кусты акации, где на траве сидела Катька Тихонова и вышивала салфетку. Она вскочила с земли как ошпаренная и заплакала.

Вообще этот Лохматый всегда нападал на девчонок: то ставил им подножки, то отнимал портфели и кричал какие-то гадости, и никто с ним ничего не мог поделать.

И Катька после этого случая тоже никому не пожаловалась.

Но однажды она попросила моего друга Кольку Нарышкина проводить её из школы до дома.

Наутро он мне рассказал, что Ваську Лохматого они не встретили. А вот Катька оказалась очень умной девчонкой. Она тоже, как и мы, делает дома приёмник на транзисторах и придумала новую схему. А книжки она прямо запоем читает: и про Марию Стюарт, которой за любовь отру-

били голову, и про великого физика Эйнштейна, и про какого-то там дьяка Крякутного, который с колокольни на крыльях слетел. И ещё Колька добавил, что Катька очень красивая. Добавил так, как будто между прочим, как будто это к делу не относится, но я-то сразу раскусил, к чему привела моего друга эта прогулочка.

Над Колькой я посмеялся в душе: тоже мне нашёл красавицу! Умора одна, и только. Очкастая да шепелявая. Ха-ха!

Но Кольке о своём мнении я ничего не сказал. Зачем человеку душу травить?

И вот как чуяло моё сердце! Мой друг, провожая Катьку, столкнулся с Васькой Лохматым.

— Ну, шкет, — сказал с усмешкой Васька, подойдя к Кольке. — Ты что это, втюрился, что ли? Я всё время из окошка смотрю, как вы тут взад-вперёд шатаетесь.

— Во-первых, мы не шатаемся, а о транзисторах беседуем, — спокойно ответил Колька. — А во-вторых, насчёт втюрился, так это мы без тебя разберёмся.

— Ой, прямо колики в животе! — загоготал Васька. — Жених и невеста!..

— Ты дурак! — сказал Колька. — Что ж тут плохого? Она тебя боится, а я её провожаю.

— Подожди, подожди, — вдруг переменил тон Васька. — Это как понимать? Она, значит, меня боится, а ты — нет?

— Нет! — твёрдо ответил Колька.

Васька изумлённо оглядел Кольку. Тот был маленького росточка, худощавый, со смуглым лицом и очень большими чёрными, как вишня, глазами.

— Слушай, а откуда у тебя сила, транзистор ты маринованный?! — с издёвкой спросил Васька.

И в этот момент Колькина шапка была сбита на землю, а Катька стрелой метнулась в своё парадное.

Мне казалось, что эта драка заставит Кольку стать осмотрительнее, но он мне заявил, что за Катьку готов сражаться до победного конца.

Оставить друга в беде я, конечно, не мог. Шпаги у меня не было. Но я схватил на кухне пакет с солью и коробку с порошком для чистки ванн, которые могли сойти за гранаты, и стал возле двери.

— Открывай! — скомандовал Колька.

Я распахнул дверь и бросил во врагов «гранату». Желтоватый туман заволок лестничную площадку. Колька стремительно ринулся со «шпагой» на Ваську Лохматого, и драка заварилась жестокая.

Наши враги не ожидали применения «взрывчатых веществ» и поэтому отступили.

Фехтуя, Колька оттеснил Ваську с шестого этажа на пятый. Вырвав шпагу из рук Серёги, я тоже вступил в «кровопролитное сражение».

«Шпаги» скрещивались и мелькали в воздухе.

И вдруг меня кто-то больно ударил по руке, я выронил «шпагу», и она покатилась по ступенькам. А Колькина «шпага» в этот миг сломалась.

Это был ужасный момент. Но мы с Колькой не растерялись. Мы быстро вскочили в лифт и нажали на кнопку.

С криком «Ура!» Васька и его подпевалы кинулись за нами вниз по лестнице.

Но как только лифт опустился на первый этаж, мы тут же нажали на кнопку восьмого этажа.

И Васька снова погнался за нами наверх.

С гиканьем и свистом он долго бегал за лифтом, но потом, поняв, что нас голыми руками не возьмёшь, плюнул на железную дверь лифта и ушёл из подъезда.

Так с помощью «шпаг» и новой техники мы сражались за Колькину прекрасную даму и победили.

Не совсем, конечно. Но это неважно. А важно то, что теперь уж Колька никогда не скажет, что

я какой-то там мещанин. Я ведь тоже выполнил свой гражданский долг.

Кастаньеты

В этот весенний солнечный денёк, когда на всех перекрёстках продавали мимозу и во всех скверах щебетали воробьи, ученик 7-го класса Саша Капустин шёл домой мрачнее тучи. Если бы он знал, что сегодня с ним случится такое несчастье, то и носа бы не показывал на улицу и в окно бы даже не смотрел. Пятнадцать минут назад он поссорился с Леной.

А как всё хорошо начиналось! Увидев её первого сентября в своём классе, он очень долго не обращал на неё абсолютно никакого внимания. Девчонка как девчонка: косички торчат и ещё слегка заикается. А когда заикается, ресницами хлопает. Все считают, что она хорошо знает алгебру. Вот и все приметы.

Но совсем недавно Саша попал на вечер школьной самодеятельности. В физкультурном зале было душно, жарко, но зато очень весело. Все мальчики и девочки из их класса шутили, смеялись. И Саша тоже попробовал острить. Один раз ему удалось вызвать смех у ребят, но во второй — он смеялся только один. Это обстоятельство его немножко огорчило. Он уже хотел было выйти

из зала в коридор, но в этот момент была объявлена аргентинская народная песня, и на сцене вдруг появилась Лена. Впрочем, она не просто появилась — она вышла как настоящая артистка, важно, степенно и с лёгким поклоном. Она была в красном шёлковом платье с широкой юбкой, на руках сверкали тоненькие браслеты, не то медные, не то из чистого золота, а в ушах всеми цветами радуги переливались тяжёлые серьги, словно маленькие хрустальные люстры. Саша замер от удивления — вот это Ленка! Как принцесса! На уроках такая маленькая, невзрачная, а тут нарядилась — прямо обалдеть можно. Да где же она всё это достала? И ей уж сейчас ни за что не дашь тринадцать лет — все пятнадцать! И вот чудо: Лена запела не то по-испански, не то по-итальянски! А потом она незаметно отплыла от рояля и, поводя над головой руками, пошла по сцене в танцевальном ритме.

— Ну и молодец Ленка! — восторженно прошептала рядом с Сашей Лилька, соседка Лены по парте. — Эх, жалко только, кастаньет не достала!

— А зачем они ей? — спросил Саша.

— Как зачем? Для огня! — ответила Лилька и посмотрела на Сашу так презрительно, будто он ничего не понимал в искусстве.

Но Саша очень хорошо разбирался в искусстве.

После вечера он подождал Лену, пока она оденется в раздевалке, и незаметно проводил её, окружённую подругами, до дому. Она шла в синей шапочке с помпоном и в заячьей шубке, и Саше очень хотелось, чтобы все её приятельницы провалились сквозь землю. Чёрт бы их подрал! Сейчас, наверно, комплименты ей говорят, хвалят или ведут какие-нибудь глупые разговоры. А у Саши очень важное дело. Он без комплиментов обойдётся, но она больше всего будет рада именно его словам, потому что за ними стоит деловое предложение. И как бы это с Ленкой наедине остаться?

На следующий день он начал с простого. Взял да и ответил алгебру на двойку.

— Непонятно, что с тобой произошло, — сказала Нина Алексеевна, занося отметку в журнал. — Ты ведь до сих пор разбирался в примерах. Подготовься, спрошу через день.

— Ладно, — ответил Саша, — подготовлюсь.

Но и через день Саша опять заработал двойку.

— Что это значит, Капустин? — удивлённо спросила Нина Алексеевна. — Может быть, тебе стоит с кем-нибудь позаниматься?

— Стоит, — ответил Саша и замер: кого назо-

вёт?

— Ну, тогда я считаю, что Лена должна взять над тобой шефство. Хорошо?

— А может быть, кто-нибудь из мальчишек? — для приличия отказался Саша.

— Что это за капризы? — строго сказала Нина Алексеевна. — Лена больше всех подходит. И пожалуйста, с этого дня не отлынивай.

После уроков Лена сама попросила Сашу остаться в классе, и они сели вдвоём за парту. Саша долго ломал голову над примерами, но так их и не сделал. Вообще-то, конечно, он их мог решить, но это пока не входило в его планы. Сразу решишь — она скажет: «Да ты и без меня в них разбираешься!» — и уйдёт. Но с ней ему было очень приятно сидеть на одной парте: смотреть на её тоненькие руки, на косички с развязавшимися белыми бантами и на то, как она старательно, высунув кончик розового язычка, мелким, бисерным почерком выводит в своей тетради уравнение.

Лена, видя Сашино тугоумие, с укоризной сказала:

— Очки носишь, а не понимаешь простых вещей!

«Опять эти очки!» — огорчённо вздохнул про себя Саша. И решил, что Лена дружить с ним,

конечно, не будет. Он был худ, рыжеват, да и к тому же из-за очков его глаза казались вытаращенными.

Потом они разговорились о вечере. И тут Саша признался — была не была, — что после вечера незаметно провожал Лену домой. При слове «провожал» Лена покраснела и стала счищать с пера какой-то волосок. Потом тихо спросила:

— А для чего… ты это… ходил за… нами?

— Я, знаешь, — Саша осмелел, — хотел тебе сказать, что тебе нужны кастаньеты. И всё… И я достану — хочешь? Мне очень нравится настоящее искусство.

— Ну что ж, достань…

У Саши почему-то запотели очки, и он, глядя на Лену, видел перед собой только расплывшееся лицо в розовом тумане. А снять очки он не мог: у него от дужки на носу была фиолетовая вмятина.

С этого дня они стали заниматься почти каждый день. А по воскресеньям ходили в кино на детские сеансы, на художественные выставки и на каток.

Эти дни для Саши были самыми счастливыми. И такими счастливыми, что он даже забыл про кастаньеты и своё обещание. Он мечтал о том,

как они вдвоём с Леной окончат школу, поступят на биологический факультет и будут ездить в научные экспедиции. А в путешествиях придётся преодолевать трудности и опасности. И может быть, даже придётся спасать Леночку от диких зверей.

Но вот Саша пришёл сегодня к Лене и пригласил её к себе на день рождения. Он с волнением ждал, что она откажется, но она, как бы между прочим, сказала: «Хорошо!» — и, быстро сев за пианино, стала играть «Собачий вальс».

— Лена, знаешь… я давно хотел тебе сказать… я вас безумно люблю!

Это вышло совершенно непроизвольно. Саша даже сам не ожидал от себя такого. Он, конечно, знал, что все люди рано или поздно признаются в любви, но сам он себе дал слово никогда ни перед кем не унижаться, а тут…

— Что? Что? — У Лены взметнулись брови. — Как тебе не стыдно?!

— Я… Я пошутил… — хотел вывернуться Саша.

— Но этим ведь не шутят, — закрыв лицо руками, ответила Лена.

— А я и не шутил…

В комнату каждую минуту могла войти мама Лены, которая была на кухне, и Саша, быстро

схватив шапку, выбежал на улицу.

«Дурак! — думал он. — И зачем признался?!»

Саша понимал, что теперь с Леной ему уже не заниматься алгеброй. Она, конечно, его презирает… Пошутил… Не пошутил. Безумно люблю! Конечно, гнать таких в шею надо! Но как бы с ней опять примириться?

И вдруг его озарило: кастаньеты! Надо немедленно достать кастаньеты! Из-под земли, а достать! Ведь это её мечта!

Саша долго не раздумывал. Он сразу зашёл в магазин «Музыка».

Под стеклом на прилавке лежали кастаньеты, но не те. Это были оркестровые, двухпарные, а нужны были танцевальные, такие, чтобы умещались в кулаке. Продавец сказал, что концертные кастаньеты продали три года тому назад и сейчас их больше не выпускают. Где достать — неизвестно.

В отчаянии Саша вышел из магазина. Последняя надежда исчезла. Но неужели во всей Москве нельзя достать кастаньет — таких маленьких и невзрачных, но очень и очень нужных?! И тут он вспомнил, что у них есть один знакомый, дядя Митя. Он работает настройщиком роялей и, кажется, в музыкальной мастерской на Ярослав-

ском шоссе.

Саша поехал туда. В троллейбусе он испугался: а вдруг Лена уже всё рассказала своей маме и они решили позвонить Сашиной маме? И сейчас придёшь домой, а мама скажет: «А ну-ка, повтори про «безумно», — и даст оплеуху. А может быть, мама и ничего не скажет.

По узенькой комнате ходил со скрипкой в руках маленький человек с выпученными глазами. Это был директор. На скучных фанерных стенах висели гитары, балалайки, баяны. В углу, будто поставленный за провинность, торчал контрабас без струн.

— Здравствуйте, — тихо сказал Саша. — Скажите, а дядя Митя здесь?

— Какой дядя Митя? — уставился директор. — Катков? Он давно уже у нас не работает.

— А где он теперь?

— Не знаю. А что случилось?

— Да я так пришёл, навестить, — ответил Саша, не зная, уходить ли ему отсюда или спросить о кастаньетах. И он громко вздохнул: — Эх, жалко!..

— Кого?

— Да вот кастаньеты нигде не могу достать.

— Кастаньеты? А вам сколько штук надо? — Голос у директора стал деловым, и все инструменты,

будто недовольные его тоном, глухо загудели. — А наряд у вас выписан? Деньги надо будет переводить на текущий счёт.

— Мне бы всего две штучки, — неуверенно промолвил Саша. — Для… хореографического кружка.

— Хорошо. Принесите из школы официальный запрос.

Когда Саша уходил, в тёмном коридорчике его остановил какой-то человек, весь осыпанный опилками.

— Мальчик, — сказал он, — я всё слышал через стенку, а тебе литавры не нужны?

— Нет.

— Ну смотри! — вздохнул мастер. — А то они у меня тут валяются. А насчёт кастаньет, так это надо к балетмейстеру Сурену Сумбатовичу. У него их целая коллекция.

И тут же объяснил, как найти балетмейстера.

Саша занимался во вторую смену и всё утро, сидя дома, думал о том, как ему попасть к Сурену Сумбатовичу. Адрес его он знал, но удобно ли прийти к нему на квартиру? Ещё прогонит и накричит! И в школу, чего доброго, заявит! А там начнутся вопросы и расспросы, и вся школа будет хохотать над Сашей. Нет, так, видно, ничего не

получится.

Но стоило только маме послать Сашу в магазин за маслом, как ноги сами понесли его в переулок к Сурену Сумбатовичу.

Он вошёл во двор большого пятиэтажного дома и остановился.

Во дворе играли в чехарду какие-то мальчишки.

— Эй, ребята! — подойдя к ним, спросил Саша. — А где тут живёт Сурен Сумбатович?

— А для чего он вам? — отозвался маленький черноглазый мальчуган.

— Нужен.

— Очень?

— Очень!

— Ну пойдёмте, я вас провожу. Папа, наверно, уже проснулся.

Вот так встреча — попал на сына! Саша готов был удрать за ворота, но, решив, что тогда ребята могут подумать, что он какой-нибудь шпион, двинулся за сыном балетмейстера.

Его встретил черноволосый человек с синими, небритыми щеками. Он был в длиннополом пиджаке с поднятым воротником, надетым прямо на голое тело.

Саша сбивчиво рассказал ему о своих поисках.

— А вы тоже танцуете? — поинтересовался Сурен Сумбатович.

— Нет, это нужно для бала.

Балетмейстер провёл Сашу в большую квартирную кухню — в комнате ещё спали, — а сам, шлёпая туфлями, побежал к себе. Вернулся он, неся в полах пиджака штук двадцать кастаньет, притворил дверь и с шумом высыпал их на подоконник.

— Вот эты, бэлые, — из слоновой косты, — заговорил он с акцентом, — а эты — из самшыта. А вот эты мнэ подарыл испанский танцовщик Хозэ-Марыя-Хуан дэл Чэлэныто. Бог, а нэ танцор!

Сурен Сумбатович взял пару и надел на большие пальцы рук.

— А мэжду прочим, — сказал он, — наши артысты не умэют ыми пользоваться. Вот Кармэн совсэм без огонька играют. А надо, чтобы былы порыв, рэшительность! Вот как!..

Глаза у Сурена Сумбатовича дико сверкнули, он гордо выпрямился и вдруг, пустив кастаньетную трель, завертелся в бешеном танце.

Пиджак распахнулся, раскрыв волосатую грудь. Танцовщик прыгал, вскидывал ноги, манерно тряс плечами и зазывно улыбался.

Он совсем не стеснялся Саши. Ему, видно, каза-

лось, что он находится не на кухне среди кастрюль и сковородок, а на ярко освещённой сцене и сотни зрителей любуются каждым его движением. Саше было очень неудобно — взрослый человек и так лихо танцует перед мальчишкой. Но вдруг до Саши дошло, что если Сурен Сумбатович так горячо любит балет, то о своём призвании он может рассказывать любому и каждому — пусть взрослому, пусть ребёнку, за кулисами, на кухне, на чердаке, в очереди на автобус, — лишь бы люди получше знали, какая это великая радость и красивое искусство — балет.

Однако дать пару кастаньет, хотя бы на один вечер, как ни упрашивал Саша, Сурен Сумбатович отказался наотрез. Это коллекция. Но по секрету сказал, что вчера в мастерской на Ярославском шоссе он испытывал десять опытных кастаньет, надо туда пойти…

— Я уже там был, — вздохнув, ответил Саша. — Не дают.

— Для школы должны дать!

— А мне для… знакомой, — признался Саша.

— Ах вот оно в чём дэло! — Танцовщик улыбнулся. — Тэпэр понятно, почэму вы у мэня с утра…

Саша снял очки и стал их протирать.

Сурен Сумбатович зашёл в комнату и написал записку в мастерскую…

Наконец-то! Наконец-то! Кастаньеты Саше вручал сам директор. И бесплатно! Об этом, оказывается, позаботился Сурен Сумбатович!

— Танцуйте! — улыбаясь, сказал директор, и вокруг него на стенах радостно загудели инструменты.

И впрямь Саше очень хотелось танцевать!

Выйдя на улицу, Саша нацепил кастаньеты на пальцы и радостно потряс ими в воздухе. Ему захотелось немедленно пойти к Лене и передать ей этот дорогой подарок. Но тут у него почему-то испортилось настроение.

А вдруг Лена о нём совсем и не думает и ходила с ним на каток и в кино лишь потому, что ей было одной скучно? А он вот с этим признанием и сегодняшним подарком прямо напрашивается к ней в друзья. Это не помужски.

Саша сжал кастаньеты так, что они заскрипели. Что же делать? Саша не хочет напрашиваться, он хочет, чтобы Лена сама оценила его. Саша гордый! И как бы узнать, как Лена к нему относится?

В школе на шумной переменке Саша отозвал Лену в сторону и напрямую спросил:

— Лен, скажи, а ты не шутила, когда сказала,

что «этим не шутят»?

— Не понимаю, о чём ты? — как ни в чём не бывало спросила Лена.

— Ну… вчера…

— Что — вчера? — Лена опустила глаза.

— Ну, помнишь, ты на рояле играла «Собачий вальс», а я рядом стоял?

— А-а… это ты про день рождения? Да, да, я приду. — Лена провела пальцем по подоконнику.

— Да что ты всё про день рождения да про день рождения?! — уже с обидой пробурчал Саша. Он ведь чувствовал, что она понимает, о чём он говорит, но почему-то молчит.

И вдруг она сказала:

— Да, а ты знаешь, когда ты тогда ушёл, меня мама очень ругала за то, что я тебя отпустила, — у нас такой пирог был вкусный, с яблоками.

— С яблоками?! И ты не шутишь?

— Нет. Я тебе принесла в школу кусочек, но Лилька его съела.

— А я тебе кастаньеты достал, — не удержался Саша и вдруг, к удивлению всех ребят, гулявших по коридору, радостно рассыпал перед носом у Лены оглушительную кастаньетную дробь.

В дебрях Кара-Бумбы

повесть

В дебрях Кара-Бумбы

Повесть

Глава I
Удар сабли

Всю дорогу мы с Лёшкой ехали в тамбуре и то и дело высовывались из вагона. Мы были счастливы. На рельсовых изгибах мы с восторгом оглядывали всю нашу электричку, которая, иногда тоненько посвистывая, отчаянно неслась среди полей и мелколесья.

Вагон болтался из стороны в сторону, колёса без умолку тараторили, буфера звенели, и в тамбур вместе с солнечной пыльцой, поднятой со шпал, врывался медовый ветер. Настроение было великолепное. Свобода! Свобода от пап и мам!

— Вот здорово, что поехали! — восторгался Лёшка. — Ведь это же моё первое самостоятельное путешествие! И ты ведь тоже никуда один не ездил?

— Не ездил! — ответил я. — А кто первый тебя позвал?

— Ну ты, ты! Успокойся! Подумаешь, какой изобретатель!

— Не изобретатель, а настойчивый человек.

— Ну ладно, пусть настойчивый! Только не

хвастайся!

А я и не хвастался. Мне просто очень хотелось, чтобы Лёшка по заслугам оценил мою выдумку уехать из города.

В то лето, когда все ребята с нашего двора после экзаменов разъехались по лагерям и деревням, мы с Лёшкой остались в городе. Вышло так, что у Лёшки заболел отец и слёг в больницу, а у моей мамы на дачу денег не было.

Обычно наши семьи — уж который год подряд! — уезжали за сто километров от Москвы под Коломну, в небольшую деревеньку, расположенную неподалёку от Оки, и там жили до конца августа. А в это лето нам было обидно, что мы

опять не сможем поселиться в просторной избе у нашего сверстника Сашки Косого и его матери тёти Груни. Это были очень приветливые и добродушные люди, и к нам они относились как к своим родным.

В общем, июнь и половину июля мы с Лёшкой ещё крепились: играли в футбол, ходили в детский парк в драмкружок, купались за парком в пруду величиной с блюдце. Но когда однажды Лёшка вытащил из пруда на своей спине две чёрные пиявки, терпение моё лопнуло.

— А знаешь, — сказал я, — а ну его ко всем собакам, этот пруд! Давай завтра махнём на Оку! Встретим Зойку, покупаемся!

— Хм!.. Махнул один такой! — безнадёжно усмехнулся Лёшка. — А кто нас отпустит одних? Мамы, да? Ой, умора! А если тебе на Зойку охота посмотреть, так бы сразу и сказал.

И тут же мой план поездки на Оку он разбил в пух и прах.

Я знал, что Лёшкина мама, Тина Львовна, никуда его одного не отпустит. Но почему бы не попробовать уговорить её? Ведь попытка не пытка? И если мы её уговорим, значит, я скоро увижу Зойку!

Вечером у себя дома за ужином я был очень

грустный, еле-еле ковырял вилкой в тарелке, смотрел на маму отсутствующим взглядом.

— Что с тобой? — наконец спросила она.

— Да так… ничего…

— Нет, а всё-таки?

— «Всё-таки, всё-таки»!.. — сказал я с горечью. — Все ребята разъехались кто куда, и Лёшка вот также завтра один на Оку уезжает, а я дома сижу…

— Его отпускают одного?! — изумилась мама.

— Да, одного! — Я сделал очень честные глаза.

— Странное дело, я вчера была у Тины, но она мне ни слова не сказала об этом. А ты хотел бы с ним поехать?

— Конечно! А что тут нам делать, в Москве? Сиди пыль глотай!

— Хотя что ж… — вдруг в раздумье сказала мама. — В деревню — это дело. На два денька, пожалуй, и можно прокатиться. И у меня котлеты на завтра есть. Вы с утра хотите ехать?

После этих слов я бросил ужин и побежал к Лёшке.

— Добрый вечер! — сказал я, заходя к нему в комнату. — Ну как, Лёшка, подготовка идёт?

— Какая подготовка? — насторожилась Тина Львовна.

— Как — какая? Меня мама отпустила на три дня к тёте Груне. У нас уже котлеты жарятся. И Лёшка хочет со мной…

— Что-о?! — Тина Львовна побледнела. — На три дня? А вот я сейчас позвоню твоей маме и проверю. И если ты солгал, ноги твоей здесь больше не будет!

Тина Львовна кинулась к телефону. Я заволновался: а вдруг всё раскроется?

— Наталь Петровна, — сказала в трубку Лёшкина мать, — это правда, что вы… Что? У вас котлеты горят? Хорошо, я попозже позвоню.

— Ну что? — сказал я победно. — Сами слышали — уже котлеты горят!..

— Мам, пусти и меня! — заныл Лёшка.

— Прекрати! Прекрати! Вы что, с ума сошли — за сто километров, в глухомань! Одни!

— Ну какая же это глухомань? Три часа езды! — сказал я. — Электричество! Река рядом!

— Вот-вот, я и говорю про реку! — ответила Тина Львовна. — Не хватало, чтобы вы ещё там утонули!

— А мы можем и не купаться, — сказал Лёшка. — Вот дадим честное слово и не будем купаться!

— Знаю я ваши честные слова. Наверно, только слезете с поезда, так сразу же в речку. В общем, о

чём разговор? Этого я не позволю! И что мне папа скажет? Он в больнице, его волновать нельзя. А я приду и скажу, что ты уехал? Нет, этого не будет!

В этот вечер Тина Львовна слово «нет» произнесла, наверно, раз пятьсот.

И что мы ей только не обещали! И что поедем в деревню всего лишь на два дня, и что привезём оттуда цветов, берёзовый веник, свежих ягод…

Мы говорили, что в городе можно подохнуть со скуки, что все пионеры должны быть самостоятельными, что они должны любить и понимать природу, что они должны уметь разжигать костёр… А где нам разжигать этот костёр? В комнате на полу?

Наконец, мы показали Тине Львовне газету, в которой была напечатана статья о перестройке школьных программ и о связи школы с жизнью. Но Тина Львовна стояла на своём непоколебимо.

Однако чем больше она отказывала в разрешении, тем больше мы наседали. Эта баталия продолжалась часа два-три. И наконец мы взяли измором. Тина Львовна устало махнула рукой и… согласилась.

Её условия были такие: «Ладно, я вас отпускаю, но из окон поезда не высовываться, к Оке не подходить, в лес не ходить и вообще быть только

около прошлогодней дачи». Может быть, она, Тина Львовна, приедет за нами.

Условия были жёсткими, но мы их приняли.

На маленькой станции после вагонного грохота нас оглушила тишина. Над водонапорной башней стаями кружили ласточки. На крыше полуразрушенной церкви у самой колокольни примостилась тоненькая берёзка. Около платформы, мелко переступая ногами, паслась стреноженная лошадь.

Конечно, ни на какую прошлогоднюю дачу в деревню мы не пошли. Долой кабальные условия Тины Львовны и да здравствует наша любимая Ока!

На песчаном пляже, на котором мы загорали в прошлом году, мы быстро разделись и бросились в воду.

Это были блаженные минуты. Мы бегали друг за другом, ныряли, кувыркались, делали стойки под водой и, сносимые течением, падали на спину.

В спокойной воде, будто в чуть потемневшем от времени зеркале, отражалась чайка. Она неслась над рекой, не двигая крыльями, и, казалось, любовалась отражением своего плавного и величавого полёта.

Маленький буксирный катеришко, весь чумазый от копоти, словно ком снега, катил перед собой пенный вал. А потом мимо нас прошла широкая баржа-самоходка, на которой стояли новенькие грузовики, и мы, лёжа на спинах, покачались на её волнах.

И вдруг, выбравшись на берег, мы увидели на песке какого-то смешного дядьку. Он сидел, по-турецки сложив ноги, перед маленьким зеркальцем и брился. У него был крупный лоб, глубоко сидящие чёрные глаза, широкий нос с большими ноздрями и длинные прямые волосы. Побрившись, он смыл с лица остатки пены и вытащил из рюкзака диковинную трубку. Она была сделана в виде человеческой головы с крючковатым носом и остренькой бородой. Серебряная чалма-крышка приподнималась, и под неё закладывался табак.

Ходил незнакомец по пляжу, словно дикарь: в набедренной повязке из двух тряпочек, спереди и сзади. На вид ему было лет двадцать пять — двадцать семь.

Мы стали на него поглядывать. Вскоре он подсел к нам.

— Ну как, сеньоры, облучаемся? — улыбнувшись, спросил он.

— Да вроде бы… — ответил я.

— А простите за любопытство, вы из Москвы или здешние?

— Из Москвы, — ответил Лёшка. — А вы откуда?

— Я здешний. У меня тут дворец, — улыбнувшись, сказал незнакомец. — Вон видите, он стоит на том берегу, окружённый олеандровыми рощами?

На той стороне реки мы увидели только одну-единственную копну сена, окружённую кустами ивняка.

— Впрочем, я шучу. Я тоже сюда только вчера приехал. А вы надолго на природу?

— Всего на два дня, — вздохнул я.

Я лежал на песке и видел, как из нашего берега, который широкими ступенями сходил к воде, вылетали ласточки. Там, видимо в песке, были гнёзда. Почти рядом с нами в смешанном леске, будто человек, вызывающий другого человека на тайную встречу, тихо и осторожно посвистывала какая-то птичка. Над нами задумчиво шелестела листьями старая черёмуха. Запахи сухого, будто пыльного, валежника, и мокрого тальника, лежащего кучами на берегу, и чёрной смородины, и татарского лука с сиреневыми цветочками, и душный запах песка, и свежий запах реки — всё

это улавливалось моими ноздрями, и в душе рождалось необычайное чувство счастья. Какая здесь благодать!

— А почему же только на два дня?

— Мамы… — сказал Лёшка и развёл руками.

— М-да… Сочувствую, — понял нас незнакомец и на минуту задумался. — Тогда я считаю вот что: эти два дня у вас должны быть насыщены до предела. Хотите?

— А чем мы будем заниматься? — спросил Лёшка.

— Сначала познакомимся, а потом устроим обед. У вас какие-нибудь продукты есть?

— Есть, — кивнул я головой.

— Вот и прекрасно, я тоже кое-что найду.

Владимир Сергеевич — так звали незнакомца — работал геологом в одной из поисковых партий в Сибири. Совсем недавно он приехал в Москву, в своё Геологическое управление с какими-то интересными породами и, ожидая результатов лабораторных анализов, решил несколько свободных денёчков провести за городом в… копне сена.

В рюкзаке у него лежали все пожитки: брюки, тапочки, рубашка-ковбойка, садовый нож с кривым лезвием и полбуханки белого хлеба. А кроме

того, в папке много фотографий.

Вот мы и принялись их рассматривать. Владимир Сергеевич, оказывается, объездил уже всю нашу страну: был на Диксоне, на Украине, на Кавказе. Потом Владимир Сергеевич показал нам корень женьшень.

Это был маленький ветвистый корешок жёлтого цвета. Высохший и сморщенный, он умещался на ладони и был очень похож на худенького человечка с ручками и ножками.

Лёшка взял его в руки и, осмотрев со всех сторон, спросил:

— А чем он знаменит?

— А ты разве о нём ничего не слыхал?

— Слыхал, — ответил Лёшка. — То ли его пьют, то ли едят. В общем, не знаю…

— Ну и зря. Это ведь корень жизни по-китайски. И ценится он буквально на вес золота. Он, говорят, продлевает жизнь, прибавляет силы…

— А зачем вам женьшень? — спросил Лёшка. — Вы же молодой…

Владимир Сергеевич подкинул корешок на ладони и сказал:

— Это мой талисман. Мне подарил его один мудрый человек, и я его должен беречь всю жизнь.

— А что будет, если вы его потеряете?

— Потеряю сердце, так сказал мне мудрый человек.

Конечно, я почувствовал, это была шутка, но и мне почему-то захотелось иметь такой талисман.

Незаметно пролетел час, другой, третий. У нас уже засосало под ложечкой. Мы быстро собрали тальник, разожгли костёр и, проткнув мои котлеты тонкой палкой, стали их подогревать над огнём, как на вертеле. Лёшка вытащил из авоськи свои бутерброды и варёную курицу. Но Владимир Сергеевич порекомендовал оставить этот пищезапас на аварийный случай.

Мы с Лёшкой никак не могли предположить, какая может произойти авария, и поэтому с сожалением глядели на то, как Владимир Сергеевич решительно запихнул курицу обратно в Лёшкину авоську.

Однако мы все вместе не наелись нашими котлетами и бутербродами. Тогда Владимир Сергеевич собрал в реке ворох стрелолиста и испёк в золе маленькие клубни, сорванные с корневищ. Вкус у них был, как у картошки. Потом он угостил нас корнями лопуха, и эти корни оказались ничуть не хуже сырой морковки.

Такой обед нам очень понравился.

Потом Владимир Сергеевич черпнул какой-то консервной банкой воду из реки, бросил в банку для дезинфекции два кристаллика марганцовки и поставил «чайник» на костёр. Ни чашек, ни ложек у нас не было, и поэтому, когда вода вскипела, чай мы по очереди сосали с помощью трубочек, сделанных из бузины.

Пожалуй, из всех чаёв, которые я когда-либо пивал, этот чай был самый вкусный. И Лёшка мне подмигивал — вот житуха отличная! — и осторожно своей трубочкой пытался вытащить из банки какого-то сварившегося комарика. Консервная банка была маленькой, и мы её раза три ставили на костёр.

День уходил. Нам пора уже было думать о ночлеге. Но расставаться с рекой не хотелось. Я нашёл в воде большую замшелую раковину с дюжиной налипших на неё ракушек и подумал, что это её «дети». Оторвутся они когда-нибудь от своей матери и начнут самостоятельную жизнь. А когда? Через десять дней или через месяц?

Я взял нашу консервную банку-«чайник», вложил в неё раковину и, полузасыпав её песком, поставил в воду. Зайду ещё сюда завтра, посмотрю. Если «детишки» отпадут, все мои будут. Из банки не вылезут.

— Друзья, минуточку внимания! — вдруг сказал Владимир Сергеевич. — А куда вам торопиться? Ей-богу, оставайтесь ночевать у меня во дворце, а? Мы с вами проведём волшебную ночь. Над вашими головами будет сиять Большая Медведица, я вам покажу Марс. И вообще живите тут хоть неделю!

— Значит, с вами? — спросил я.

— Со мной.

— А мамы? — спросил Лёшка. — Вдруг они приедут в деревню?

— А что мамы? Пошлём им срочную телеграмму со станции, и дело с концом!

— Я — «за»! — тут же сказал я. — Будем ночевать в копне!

Но Лёшка колебался. Я знал: он представил себе, что будет твориться с его мамой, если она узнает, что он не в деревне. Тина Львовна будет кричать: «Я не переживу! Я не переживу!» — а потом прилетит сюда на такси и даст нам жару!

— Да ладно тебе, Лёшка, ломать голову! — сказал я. — Остаёмся, и баста! Идём на станцию!

Мы долго думали, как написать нашим мамам, чтобы они поняли, что мы живы-здоровы, что добрались благополучно и что нас надо теперь искать в копне сена на Оке.

— «Ищите на Оке», — шептал Лёшка перед окном телеграфа. — «Целуем».

— Нет, не подойдёт, — говорил Владимир Сергеевич. — Твоя мама может ещё подумать: «Ищите в Оке»! Надо тут что-нибудь короткое и ясное. И чтобы приятное…

— Ну давайте: «Мы вас любим», — предлагал я.

— Это сироп, — говорил Владимир Сергеевич. — Надо по-мужски.

— «Привет от тёти Груни», — сказал Лёшка. — Они получат такое и сразу поймут, что мы в порядке.

— А лучше всего просто написать: «Ура!» — и точка! — предложил Владимир Сергеевич. — И денег меньше платить, и всё ясно! А?

Мы согласились. Телеграмма вышла короткой, как удар сабли: «Ура!»

И действительно, из этого слова можно было очень хорошо понять, что мы очень любим своих мам, которые не побоялись отпустить нас в дорогу, и что мы в восторге от нашей свободной жизни. Коротко и ясно!

И никто из нас в эту минуту не предполагал, что этим «сабельным ударом» мы на много дней отсекли себе дорогу в Москву.

Солнце уже заходило, когда мы вышли на пер-

рон из маленького вокзальчика и решили перед сном пойти в деревню и навестить тётю Груню.

Глава II
Зойка

В деревне на «гулянке» (перед школой играла гармошка) мы с Лёшкой сразу встретили своего старого друга: сына тёти Груни Сашку Косого.

У нас с ним в прошлом году было много весёлых событий: мы пасли коров, разводили кроликов, ходили для смеху «на приём» к деревенской бабке-знахарке, и она нас лечила «от живота» разными травами. А потом мы ей сказали, что Сашка Косой от её трав лежит в больнице при смерти, и бабка в тот же час куда-то уехала из деревни. А в престольный праздник, когда поп служил молебен, мы забежали в пионерских галстуках в церковь и стали тут играть в прятки. Нас оттуда выгнали и сказали, что пожалуются в школу. А Сашка Косой ответил:

— А вас бог за это накажет, за ябедничество!

Но первого, кого «покарал» бог, — это самого Сашку. И руками его матери. Она выпорола его за «богохульство». Но Сашка всё равно рос еретиком: воровал куличи на Пасху, не здоровался с худым и длинноногим попом и крестился левой

рукой. Тело у него было словно резиновое. Он мог закидывать обе ноги себе за шею и ходить в таком лягушечьем виде по избе на руках.

Здесь же на полянке я увидел и Зойку. Она была в красном платьице с белым пояском.

Владимир Сергеевич сразу обратил на неё внимание. Он спросил:

— А это кто?

— Зойка. Из Москвы, — ответил я.

— А она чем занимается?

— Ещё учится в школе. А что?

— Да я просто так…

Не замечая нас, Зойка разговаривала с какими-то неизвестными мне парнями. Один из них был высокий блондин, широкоплечий и в распахнутой кожаной куртке с молнией, другой — щупленький, с узкой мышиной мордочкой. Он сидел на своём велосипеде и, то и дело касаясь земли носками ног и отчаянно вертя рулём, пытался найти равновесие и сидеть на седле, не двигаясь вперёд. Видно, эти ребята были тоже, как и Зойка, дачники-москвичи.

Они разговаривали с Зойкой о чём-то весёлом, потому что Зойка всё время звонко смеялась. Высокого она называла Нарик, щуплого — Гарик.

Мы с Лёшкой несколько раз проходили в толпе

мимо Зойки, но она нас не видела. А окликнуть её мне почему-то было неудобно, хотя мы с ней и были очень хорошие знакомые.

В прошлое лето наши дачи находились рядом, и Зойка частенько приходила ко мне с просьбой починить велосипед. Машина у неё была старая, и в ней через каждые пять минут портился тормоз.

Я тщательно разбирал заднюю втулку, промывал её керосином и ставил на тормоз дополнительную прокладку. Лёшка был моим помощником, а Зойка сидела перед нами на корточках и рассказывала о своих школьных делах. Она была старше нас на три года, перешла в девятый класс.

Её любимой темой разговоров было кто и как за ней ухаживает.

«Вот в этом году, — говорила она, — мне один мальчик из десятого класса всё время записки писал, и все девчонки мне завидовали. А у него был свой мотороллер, и мы с ним по Москве катались. Он мне и мимозы дарил, и шоколадки в почтовый ящик кидал. А потом я увидела, что он мещанин, и перестала с ним дружить. Он только и делал, что хвастался: какой у него костюм, какой классический фотоаппарат, какой магнитофон с «шедевральными» вещичками. А

потом я каталась на катке с Костей Иваницким из девятого класса, и он мне прямо сказал, что влюбился в меня. Я так и села на лёд! Кто же про это говорит? И мы его даже хотели на комсомольском собрании прорабатывать, чтобы он получше в своих чувствах разбирался и не бросался такими словами...»

Я слушал Зойку и думал: «Ух ты какая! А если этот Костя не врал, тогда что?»

В дождливые дни мы все втроём располагались у Зойки на террасе и играли в шашки. На абсолютного чемпиона. Расплата при проигрыше была строгой — двадцать щелчков в лоб.

У Зойки были тонкие пальцы пианистки с длинными треугольными ногтями, и её щелчки были штукой чувствительной.

Особенно доставалось мне. Я почему-то часто проигрывал. Это были чистые проигрыши, но Лёшка как-то мне наедине сказал:

«Слушай, если играть так играть. И нечего тут романы закручивать. Я от Зойки ни одного щелчка не получил, а вы только и делаете, что щёлкаетесь».

«Ну и что?»

«А вот то... Можешь ей дарить там разные мимозы или шоколадки бросать, а уж если сели

играть втроём, так уж надо, чтобы всем доставалось поровну. А то я сижу, как лопух, и глазами хлопаю. Для вас интерес, а для меня что? Никакого азарта!»

«И, значит, ты думаешь, что я ей специально подставляю свой лоб?»

«Да, специально!»

«А почему?»

«Потому что она… красивая!»

«Ой, дурак! — засмеялся я. — Да кто же специально будет из-за красоты свой лоб подставлять?»

«Найдутся такие, — не унимался Лёшка. — Вот ты, например!»

«Я?! Откуда ты взял?»

«А ты всегда перед ней гоголем ходишь, выкаблучиваешься! Дескать, посмотрите, какой я герой: и у меня пятёрки, и я музыкой занимаюсь, и велосипед могу чинить. И вообще здравствуйте-пожалуйста! А что касается Лёшки, он — тьфу! — и растереть!»

«Значит, ты хочешь, чтобы она тебя тоже щёлкала?»

«Хочу! Только по игре».

«Пожалуйста!»

На следующий вечер Зойка очень быстро обыг-

рала Лёшку в матче-турнире из трёх партий и влепила ему шестьдесят щелчков, да таких, что после них Лёшка уже больше никогда не заикался о том, что у нас с Зойкой идёт нечестная игра.

Мы с Лёшкой не раз разбирали Зойку по косточкам: что в ней хорошего и что плохого. Лёшка говорил, что когда она ездит на велосипеде, то «рисуется», а я этого не находил. Потом он говорил, что она фасоня — красную ленточку вокруг головы носит. А я считал, что это ей очень идёт. Зойка была маленькая, с чёрными вьющимися волосами и быстрыми синими глазами. Когда Зойка шла по деревне, все мальчишки глядели на неё разинув рот. И мы с Лёшкой гордились дружбой с Зойкой. Одно мне только не очень-то нравилось в ней. Она любила нам, как взрослая, говорить:

«Мальчики, вы ещё ровным счётом ничего, ничего не понимаете в жизни!»

...Наконец мне надоело без толку ходить вокруг Зойки, и я, подойдя к ней сзади, дёрнул её за рукав.

— Юрка, это ты? — обернувшись ко мне, вдруг обрадованно воскликнула она. — Когда ты приехал? И ты, Лёша, здесь? Вот хорошо! А где вы сняли дачу?

— А нигде, — ответил Лёшка. — Мы в копне сена живём. Одни. Как геологи.

— Нет, честное слово?! — не поверила Зойка.

— Чтоб я подавился, — ответил Лёшка. — Нам мамы позволили!

Нарик с ухмылочкой оглядел Лёшку с ног до головы и подмигнул своему приятелю: полюбуйся на детский сад! Им мамы позволили!

— И что же вы тут хотите открывать… как геологи? — с ехидцей спросил Гарик.

— Наверно, алмазы! — сказал Нарик.

— Хотя да, да! Такие здесь водятся, — подхватил Гарик. — И про них уже написано… Как это? «Навозну кучу разрывая, петух нашёл алмазное зерно».

— Жемчужное… там написано, — сказал я.

— О-о, смотри, какие они знатоки! — сказал Гарик. — Всю классику изучили!

— Да ладно вам, мальчики, смеяться! — нахмурилась Зойка. — Юра и Лёша — это мои хорошие друзья!

— А это мы сразу почувствовали, — сказал Нарик. — И, может быть, ты нас с ними познакомишь? Мы этого очень жаждем.

— Пожалуйста, познакомьтесь!

Я протянул руку Гарику и ощутил в ладони

его липкие и холодноватые пальцы. А Лёшка от сильного Нарикова пожатия даже чуть присел.

— Ну вот, — сказал Нарик, — между нами уже любовь и дружба.

Не обратив внимания на это «подкусывание», Зойка забросала нас вопросами: как мы живём, где питаемся, всё ли в порядке дома.

А потом, как бы между прочим, спросила:

— Слушайте, а что это за молодой человек, с которым вы пришли?

— Ой, хороший дядька! — сказал Лёшка. — Мы только сегодня встретились на пляже.

— Он геолог, — сказал я. — Его зовут Владимир Сергеевич.

— Геолог? — изумлённо спросила Зойка. — Как я всегда мечтала о путешествиях! А откуда он?

Мы всё ей подробно рассказали.

Но когда Зойка услышала, что послезавтра мы уже отправляемся в Москву, она вдруг заявила мне:

— Никуда вы не уедете. Будете жить у нас на даче хоть десять дней. Моя мама утром едет в Москву и сообщит вашим родителям. Будем играть в щелчки.

Я не возражал против такого предложения, но Лёшка сказал:

— Подумаем.

Тут к нам подошёл Владимир Сергеевич, и мы его познакомили с Зойкой. Нарик и Гарик молча кивнули ему.

— Ну, как отдыхаем? — непринуждённо спросил Владимир Сергеевич у Зойки.

— Великолепно! — улыбнулась она.

— А вы здешние окрестности хорошо знаете?

— Неплохо. А что?

— Да я люблю бродить, вот и спрашиваю. А вы за Окой были?

— Была. Мы в прошлом году туда с Юрой и Лёшей на лодке переплывали. Красота там, знаете, неописуемая. Прямо глушь! И говорят, что там даже лоси водятся. Мы целый день гуляли, орехов набрали, цветов… А вы давно уже здесь?

И Владимир Сергеевич с Зойкой разговорились, как старые знакомые.

Отойдя в сторонку, Нарик и Гарик начали шептаться между собой, а потом Нарик сказал:

— Зой, ты поедешь с нами в совхоз в кино?

— Поеду, только погодите минуточку.

— Нет, мы уже едем, а то опоздаем.

— Ну хорошо.

Зойка крепко пожала нам руки и, сев к Нарику на раму (её велосипед, оказывается, уже оконча-

тельно сломался), сказала:

— Мальчики, только завтра вы без меня не уезжайте. Ладно?

— Ладно, — ответил Владимир Сергеевич и улыбнулся.

Зажужжала Нарикова динамка на переднем колесе, и яркие снопы света заметались по деревенской тропинке.

Было уже поздно, и мы решили не идти на реку во «дворец», а спать на сеновале у тёти Груни.

Тётя Груня нас встретила как родных, дала нам по кружке молока и сама отнесла на сеновал за усадьбой овчинный тулуп и две подушки.

— Только не курите, — попросила она Владимира Сергеевича.

— Не беспокойтесь! — ответил он. — Нам не впервой!

В сарае было душно. От сена шёл дурманящий сладковатый запах. Когда мы легли, по телу забегали какие-то букашки, и все мы стали чесаться и долго не могли уснуть.

— Владимир Сергеевич, а вы расскажите нам что-нибудь! — попросил я.

— А о чём?

— О чём хотите.

— Я могу рассказывать долго, — сказал Вла-

димир Сергеевич и пошутил: — Как отсюда до завтра… И про жизнь, и про работу, и про книги… Ну ладно, расскажу вам сейчас вот о чём…

И Владимир Сергеевич рассказал нам историю шагреневой кожи. Заключалась она в следующем: был кусок волшебной кожи, и достался он одному молодому человеку, который жил в Париже. Кожа исполняла любое желание хозяина. Но после каждого исполнения она уменьшалась в размере. И когда она исчезла, этот человек умер.

Рассказывал Владимир Сергеевич очень интересно, как будто по книжке читал. Он произносил названия парижских улиц по-французски, в нос. Во время разговоров героев он то повышал голос, то переходил на шёпот. А закончил он рассказ вопросом:

— Ну вот и всё. А что вы поняли?

— Ничего, — сказал Лёшка. — Просто интересно. А что тут понимать?

— Э-хе-хе… — вздохнул Владимир Сергеевич. — Хорошие вы ребята, но ещё не собеседники. А в этой истории, как и во всякой сказке, большая мысль. А вот интересно, как вы понимаете сказку о Курочке Рябе и о золотом яичке? Помните: жила-была Курочка Ряба, и снесла она яичко, не простое, а золотое? Дед бил-бил — не разбил, баб-

ка била-била — не разбила, а пробежала мышка, хвостиком махнула, яичко упало и разбилось! Кажется, сказочка чепуховая, для детей. А если поглубже в ней разобраться, то она о счастье!

— А как это — о счастье? — спросил я.

— Очень просто. Бывает, к людям приходит счастье, а они не понимают этого. И вот бьют-бьют своё счастье, а потом достаточно произойти какому-нибудь незначительному случаю, как смотрят, а счастье разбилось! Вот что заложено в этой сказочке. Так и в каждой книжке надо свою глубокую мысль искать…

Владимир Сергеевич разговаривал с нами как со взрослыми. Он мне нравился всё больше и больше. И особенно когда разъяснял, что никакой шагреневой кожи в природе нет и всё это фантазия, а добиваться исполнения любого желания может человек только своими руками и головой.

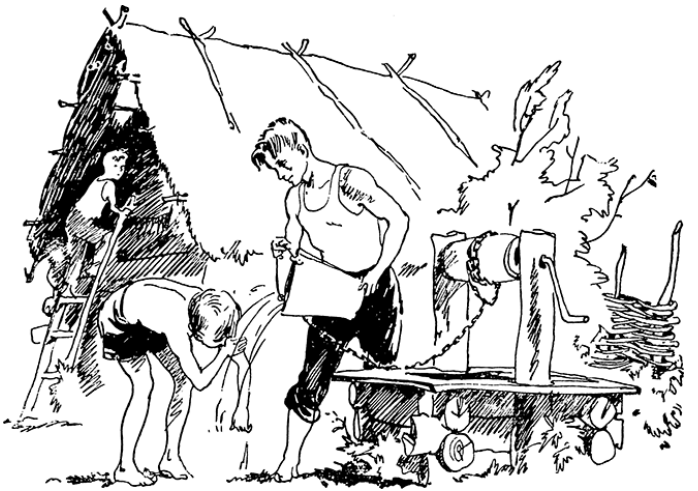
Глава III
В дебрях Кара-Бумбы

Наутро я проснулся рано. Сквозь крышу пробивались ослепительные лучи, и казалось, они, как незримые столбы, поддерживали ветхое соломенное сооружение. Над головой под верхним стропилом было ласточкино гнездо, и из него то и дело сквозь чёрную дырочку выглядывали две головки любопытных птенцов. Хлопотливая мамаша прилетала к ним через каждую минуту и, совсем не касаясь гнезда, по очереди на лету закидывала в раскрытые клювики разных козявок.

Над моей головой прожужжал шмель. Он долго выбирал место, куда бы ему сесть. Я затаил дыхание. Шмель был пушистый, бархатный и важный, и летал он как будто стоймя, опустив хвост. Наконец он уселся к Лёшке на раскрытую ладонь и пополз по пальцам. Я не знал, что мне делать: а вдруг Лёшка спросонок сожмёт пальцы в кулак? Но Лёшка даже мизинчиком не пошевелил перед такой опасностью. Он спал, уткнувшись носом в плечо Владимира Сергеевича, и так крепко, что у него даже текли слюнки.

У Владимира Сергеевича было совсем юношеское лицо, с румянцем на щеках и без единой морщинки на лбу. Спал он на боку, поджав под себя ноги и подложив под щёку ладонь, как будто, задумавшись и закрыв глаза, слушал музыку. Правая рука у него была вытянута вдоль бедра, и даже во сне она была будто напряжена: на ней были вздутые жилы и твёрдые узлы мускулов.

…После ведра холодной колодезной воды, которое Владимир Сергеевич поочерёдно вылил нам на спины, и после бутербродов с холодной курицей мы, захватив с собой Зойку, отправились в лес.



Когда мы проходили по деревне, из-за забора одной дачи показались две головы. Нарик и Гарик нам вдогонку крикнули:

— Зоя, ты поедешь с нами на пляж?

Зойка, обернувшись, отрицательно помахала рукой.

В лесу неподвижно стоял тугой сосновый воз-

дух, смешанный с резким запахом раздавленной бузины и папоротника. Маленькие полусозревшие ягодки земляники с белыми пупырышками то и дело похрустывали под ногами. Земляники было так много, что Лёшка решил больше не собирать её пригоршнями, а стал ползать на четвереньках от куста к кусту и губами захватывать ягоды.

Потом мы пошли в орешник за удилищами. Владимир Сергеевич шёл впереди, раздвигая кусты и задерживая в руках упругие ветви, чтобы они не хлестнули Зойку по глазам.

Гроза подошла внезапно. Гром уже давно перекатывался где-то далеко на востоке, и казалось, что непогода пройдёт стороной. Но Владимир Сергеевич был иного мнения.

— А потопа нам не избежать… — сказал он. — «Будет буря — мы поспорим и поборемся мы с ней!» Кстати, в это время Илья-пророк всегда находится в отпуске, а его заместитель по проливной части немного глуховат. Вот люди и говорят: «Дождь идёт не когда мы просим, а когда сено косим!»

— Интересно! — сказал Лёшка. — Надо будет записать.

— А ты уже что-нибудь тут записал? — спро-

сил я.

— А как же!

— А что?

— Сказку о Курочке Рябе. Теперь я её маме расскажу, а то они всё время с папой ругаются.

Лёшка как-то раз прочитал брошюрку «Как надо собирать фольклор» и с тех пор увлёкся сказками, народными былинами и легендами. Читал он их без разбору, а потом решил сам записывать разные детские считалочки, присказки и частушки. Сам он тоже пытался сочинять фольклор, и, на мой взгляд, у него получалось неплохо. Ну, например:

Уважайте труд уборщиц! Соблюдайте чистоту!
Наведём тогда мы в школе золотую красоту!

Потом он записывал такие литературные переделки:

Мураза и стрекозей

Стрекозунья-попрыга
Цело летое всё пела,
Успенуться не оглела,
Как глама зитит в каза!

Однажды он мне предложил поехать с ним

в загс, чтобы понаблюдать за свадебными церемониями. Но в загсе на Колхозной площади мы, к сожалению, никаких свадебных обрядов не обнаружили. Просто здесь стояла очередь из молодых и пожилых людей, а на столе, как в парикмахерской, лежали газеты и журналы, и все посетители их листали.

Но вот на Ваганьковском кладбище, куда мы отправились записывать похоронные причеты, было очень любопытно. Особенно нам запомнилась одна старушка в чёрном платке, которая убивалась по каждому покойнику. Нам казалось, что все умершие — это очень близкие её родственники, так она безутешно кричала: «Ой ты мой соколик, Пётр Иванович, на кого ты оставил бедную сиротинушку!» Или: «Ой родные, мои милые, посмотрите все на голубушку, на голубушку красну девицу, что в цветах лежит да лазоревых!» А затем мы увидели, что эта старушка за каждое своё причитание получала деньги от родственников усопшего, и поняли, что она специальная «плакальщица».

Лёшка мечтал купить маленький магнитофон, чтобы ходить с ним к старожилам, участникам восстаний и народным сказителям. Но денег у него не было, и он довольствовался карандашом

и тетрадкой.

…В лесу вдруг потемнело, по верхушкам деревьев пробежался ветер, обламывая суки и сучья, и вслед за этим сухо и оглушительно треснул гром.

Молния ударила где-то рядом, потому что наши лица на секунду стали голубыми.

— Быстрей шалаш! — крикнул Владимир Сергеевич, выбираясь из орешника. — Полундра!

Мы кинулись врассыпную. Кто за ёлочными ветвями, кто за сухими слегами под крышу.

Работа шла лихорадочно. Шалаш рос на глазах.

От приближавшейся грозы на сердце было и весело и жутко, и тут мы уже не обращали внимания ни на колючки, ни на занозы.

И в тот момент, когда молния снова юркнула между чёрными мохнатыми тучами и разразился ливень, похожий на тропический, мы уже лежали в нашей новостройке на груде сухих листьев и очищали с пальцев смолу.

Владимир Сергеевич вытащил из кармана свою трубку, закурил — в шалаше запахло ирисками, — подумал минутку и вдруг сказал:

— Друзья! Как определили учёные, жизнь есть белковый обмен. И вот меня интересует, а где мы с вами достанем в обед эти необходимые белки для обмена? Курица, как вам известно,

уже скончалась, денег у вас и у меня — только на обратную дорогу…

— Ну, это ерунда, — весело сказала Зойка. — Мы можем все вместе пойти к нам на дачу и там пообедать. У нас сегодня холодный свекольник со сметаной, а на второе пельмени. И даже третье есть — кисель из ягод.

— А в-четвёртых, — сказал Владимир Сергеевич, — мы благодарим вас за приглашение и, как ни жалко, отказываемся.

— Ну, Владимир Сергеевич, — сказала Зойка, — вы ещё не знаете моего папу. Он всегда очень любит гостей!

— Папы — они всегда любят, — улыбнулся Владимир Сергеевич. — А вот мамы, насколько я понимаю, не очень. Да ещё на даче. Если гость понятливый, он всегда должен ехать на дачу со своими продуктами.

— Нет, я, честное слово, вас не понимаю, Владимир Сергеевич! — чуть ли не с обидой сказала Зойка. — Я же вас серьёзно приглашаю.

— Ладно, Зоенька, не сердитесь, — ответил Владимир Сергеевич, — мы придём, придём… но со временем. Только не сегодня. Ну, как-то мне, например, неудобно. Входит неизвестный человек и говорит: «Здравствуйте, дайте поесть!» А

этот человек уже давным-давно самостоятельная личность, с пятнадцати лет зарплату получает.

— Ну и что?

— А вот то — пускай ваша дача будет для нас как спасательный круг для тонущего! Мы ухватимся за неё в самый нужный момент. А пока-то мы ведь ещё не тонем? И вообще я люблю как можно меньше тревожить людей своей персоной. Короче, давайте думать, где нам достать эти… белки.

— А мы можем стащить новую курицу! Подозвать её к себе: «Цыпа! Цыпа!» — а потом как трахнуть ей палкой по загривку — и вот обед! — сказал Лёшка.

— А-а… понятно, — усмехнулся Владимир Сергеевич. — Это тебя что, на уроке естествознания научили, куда бить курицу?

— Нет, я своим умом дошёл…

— Вот и видно, что ты человек высокой проходимости. Только на этом далеко не уедешь.

— Уж и пошутить нельзя! — наконец сдался Лёшка, почувствовав, что Владимир Сергеевич ведёт серьёзный разговор.

— М-да… вопрос родился сложный, — в раздумье сказал Владимир Сергеевич, а потом вдруг весело и лукаво посмотрел на нас. — Слушайте, а кто из вас может раздирать мясо руками и пить

кровь из убитых буйволиц?

Этот вопрос застал всех врасплох. Мне, например, лично не приходилось в Москве заниматься таким делом. За Зойку и за Лёшку я тоже ручался.

— Я готов пить кровь, — вдруг как-то тихо сказал Лёшка. — Но на какие деньги мы будем покупать этих… как их… буйволиц и вообще где они водятся?

— Вот то-то и оно — где они водятся? — воскликнул Владимир Сергеевич. — Мы с вами живём в дебрях Кара-Бумбы, а буйволиц тут нет.

— Это ещё что за такая Кара-Бумба? — удивлённо спросил я.

— Ну, я так окрестил наш дремучий лес, — сказал Владимир Сергеевич.

— Вот этот, где мы сейчас сидим?

— Да.

— Хорошенькая Кара-Бумба! — засмеялся Лёшка. — Кара-Бумба — это, должно быть, где-нибудь у чёрта на куличках, в Средней Азии, а тут Ока, пароходы, электрички…

— А для романтики можно и Кара-Бумбой назвать, — сказала Зойка. — У тебя в школе спросят: «Ты где был летом?» А ты ответишь: «В лесу!» И не звучит. А когда скажешь: «В дебрях Кара-

Бумбы!» — «О-о! — скажут ребята, и все начнут спрашивать: — Это что, пустыня или горы?» А на самом деле это под Москвой! Вот и весело! Только жалко, что здесь нет буйволиц!

— А корова не подойдёт? — спросил я у Владимира Сергеевича.

— Да кто тебе позволит раздирать корову руками? — сказал Лёшка. — Тут вмиг по шее накостыляют.

— Тише, тише, друзья! К чему весь этот шум? Я пришёл к выводу: раз в дебрях Кара-Бумбы мы не можем найти буйволиц, так, значит, я сейчас отправлюсь в… Москву. Встречусь с вашими мамами и, если хотите, попрошу у них разрешения на ваше дальнейшее житьё-бытьё в шалаше.

Такого вывода никто не ожидал, и мы с Лёшкой минуты две, поражённые, молчали. Потом я восхищённо сказал:

— Вот красота!

— Теперь дальше: мне сегодня очень нужно быть в нашем управлении. Там, может быть, уже готовы анализы. Кстати, я жду телеграммы из Красноярска. Вы останетесь здесь, в лесу, и будете охранять наше готическое сооружение, а я — три часа в Москву, три обратно. Это шесть часов. Плюс часа два на заход к вашим мамам. Да потом мне

надо купить продукты. Это будет восемь часов. Следовательно, к шести-семи я вернусь назад.

— Нет, это уж дудки! — вскочил на ноги Лёшка. — Я тоже еду, и к бабушке эти… Кара-Тумбы.

— Не Кара-Тумбы, а Кара-Бумба, — вежливо поправил его Владимир Сергеевич и обратился ко мне: — А твоё мнение?

Я посмотрел на Зойку. Она сидела в уголке, притихшая, с насторожённым взглядом, направленным на Владимира Сергеевича. Над её головой, на еловых иголках, висели серебряные капли. Я знал: стоит Лёшке показаться в Москве, в этот лес он больше никогда не вернётся, а значит, и меня одного тоже не отпустят. И, следовательно, до будущего лета я больше не увижу Зойку.

В Москве я стеснялся звонить ей по телефону. Мне, правда, много раз хотелось заехать в её школу на велосипеде, но её школа была очень далеко от нашего дома, а мама мне разрешала кататься только в пределах наших переулков. И я никуда не ездил.

— Ну и трус же ты какой, Алёшка! — вдруг сердито сказала Зойка. — Если б я жила в вашем дворе, я бы всем девочкам рассказала, какой ты человек.

— Рассказывай на здоровье! И кому хочешь!

А на самом деле я не трус, а разумный человек. И все девчонки меня поймут. А в щелчки вы с Юркой и в Москве сможете сыграть.

— Очень нужен ты девчонкам, чтобы они тебя понимали!

Владимир Сергеевич зорко посмотрел на нас и сказал:

— Время для прений истекло. Всё ясно, Юрка, вот тебе карандаш и бумага, пиши маме записку, а ты, Лёшка, можешь ехать со мной.

— И ты поедешь? — спросил я Лёшку.

— Конечно, поеду, — ответил он.

— Такой стал, да?

— Такой…

— Ну ладно, езжай, езжай к мамочке! Мы ещё когда-нибудь поговорим на эту тему!

Я написал на бумажке:

«Ма! Я живу очень хорошо у Зои на даче. Ты не беспокойся. Нашему Владимиру Сергеевичу, который тебе принесёт записку, дай каких-нибудь продуктов и немножко денег. Целую тебя крепко».

— А ты, Лёшка, — сказала Зойка, — можешь в Москве поцеловаться с любым фонарным столбом. Мы тебе разрешаем.

— Кто это «мы»? — спросил Лёшка.

— Я, например, и Юра.

— Ха-ха! Тили-тили-тесто — жених и невеста!

Эти слова для меня были очень обидными, и по ним я понял, что Лёшка идёт на разрыв со мной: дескать, бог с ним, с этим Юркой! Проживу без него. А уж напоследок насолю! И мне также хотелось сказать Лёшке что-то очень обидное. Ведь не я же первый начал эту ссору!

Но пока Владимир Сергеевич доставал из рюкзака свой паспорт, пока зашнуровывал тапочки (он ходил по лесу босиком), я увидел, что на Лёшкином лице появились тяжёлые переживания: ехать ему или не ехать?

— Ну-с, до вечера! — сказал Владимир Сергеевич, пожимая мне руку. — С огнём не баловаться. Если хочешь, позволяю тебе пообедать у Зои. Встреча будет здесь, около шалаша.

— Есть! — ответил я по-военному.

Лёшка подождал, пока Владимир Сергеевич скроется в гуще, а потом, схватив бумагу и карандаш, быстро нацарапал своей маме записку и стремительно побежал за ним…

Владимир Сергеевич не приехал к нам в шалаш ни в семь, ни в восемь, ни в девять часов вечера. Мы с Лёшкой пообедали у Зойки, а поужинали у Сашки Косого. Тётя Груня дала нам по куску

ржаного хлеба собственной выпечки и по два сырых яйца. Потом мы вернулись из деревни к шалашу и зажгли костёр.

Что произошло с Владимиром Сергеевичем, я никак себе не мог представить. Попал под автомобиль? Свалился с поезда?

— А может быть, он получил у наших мам продукты и удрал, а мы тут как дураки сидим в лесу и ждём? — говорил Лёшка, помешивая в костре палкой. — Ведь мы же его совсем не знаем!

— Ну, как не знаем? Знаем! — сказал я. — Фотографии смотрели, этот самый… талисман.

— А документы он тебе свои показывал?

— Не-ет…

— Ну, вот видишь, а ты говоришь, что знаем. А может быть, у него там в паспорте стоит штамп: «Жулик»?

— На жулика он не похож, — сказала Зойка.

— А по лицу трудно узнать человека, — ответил Лёшка. — Вот попробуй определи меня, какой я, хороший или плохой?

— Я-то уж тебя как облупленного знаю, — сказал я. — Ты серединка на половинку! У тебя семь пятниц в неделю.

— А Зойка какая?

— Зойка хорошая.

— А почему ты так говоришь? Потому, что вы знакомы с ней с прошлого года. И ты её родителей знаешь и как она учится. А с Владимиром Сергеевичем мы ведь только вчера познакомились. И что мы о нём скажем? Ничего!

— А по документам тоже нельзя судить о человеке, — сказала Зойка. — Есть только один самый хороший способ узнавания: надо с человеком пуд соли съесть. Но сначала всё равно нужно доверять людям. И не бояться их.

— Ой какая философка нашлась! «Доверять»! Надо и проверять!

— Ладно, не волнуйся, — сказала Зойка. — Я за него ручаюсь!

Если бы не Зойка, мы с Лёшкой в лесу ни за что бы не остались. Здесь было страшно. За кустами чудились какие-то звери и бородатые люди. То тут, то там, казалось, кто-то тяжело дышал и посапывал.

Наш шалаш находился в глухом ельнике. До деревни было километра с полтора, до станции лесом — километр. Ни дороги, ни тропок поблизости не было. Лишь невдалеке от нас под пригорком возле кладбища журчал родник.

Мы просидели в лесу до десятичасовой электрички. Она прострекотала вдали, тоненько

просвистела и затихла около станции.

И вдруг до нашего слуха донёсся далёкий-далёкий крик:

— Э-ге-ге-ге-ей! О-го-го-го-о!

— Владимир Сергеевич! — воскликнула Зойка. — Честное слово, это он! Слушай, Юрка, бежим встречать его! Он, может быть, что-нибудь несёт. А ты, Лёшка, подкинь в огонь хвороста!

Мы помчались по кустам к Владимиру Сергеевичу.

Да, да, это был он! Весь увешанный кульками, авоськами, бумажными свёртками. Это был он, наш Владимир Сергеевич, уставший и запылённый и — честное слово! — в эту минуту самый родной человек.

Владимир Сергеевич распределил между мной и Зойкой свои свёртки, положил себе на плечо свёрнутое одеяло с подушкой, и мы весело зашагали к шалашу.

— Ну, как вы тут прожили без меня? — спрашивал Владимир Сергеевич. — Не волновались?

— Волновались! Ещё как! — ответил я. — Мы думали: ну куда вы делись?

— А я там в Москве задержался. Малость не подрассчитал со временем. И я тоже волновался: как вы тут?

— А вы наших мам видели?

— Видел! Вот они и держали. Тут они такой надавали всякой всячины, что я еле-еле донёс. До вокзала такси пришлось брать. Я им говорю, что нам ничего особого не надо, а они: «Надо!»

— А когда они велели приехать?

— Это я потом всё подробно расскажу. Вот сядем у костра. А эта Тина Львовна, ой, смешная! «Владимир Сергеевич! Родненький, родненький! Вы Лёшу своими глазами видели, да? У меня прямо всё сердце изболелось! Зачем я его отпустила?» А я отвечаю: «А зачем вашему сердцу болеть, он парень уже взрослый, себя в обиду не даст!»

И вдруг впереди, в темноте, мы услышали отчаянный крик Лёшки:

— Караул! Спасите!

— Что за чертовщина? — удивился Владимир Сергеевич и на мгновение остановился.

— Спаси-ите! — опять завопил Лёшка.

Тут Владимир Сергеевич рванулся на голос.

Я тоже побежал за ним и летел, не чуя под собой ног. За мной неслась Зойка.

Что с Лёшкой? Режут? Убивают? Вот тебе и отдохнули на даче!

К моей великой радости, Лёшка был жив. Только он стоял около шалаша с выпученными

глазами и трясся так, будто сию минуту вылез из проруби.

— Ты что орал? — подскочив к нему, спросил Владимир Сергеевич.

— Ч-чёрное и м-мохнатое… — еле выдавил из себя Лёшка.

— Что чёрное?

— М-мохнатое! — опять отвечал Лёшка. — Оно вышло и з-зарычало. А п-потом ускакало.

— Ну, медведь, что ли? — возбуждённо спросила Зойка.

— Нет, не м-медведь, но на четвереньках… А л-лица нет.

— А может быть, это тебе показалось? — спросил я.

— Честное пионерское, не вру! — поклялся Лёшка.

— Странно, что бы это могло быть? — задумался Владимир Сергеевич. — В лесу… В темноте…

И тут мы услышали неподалёку от нас какие-то звуки. Они походили то на плач ребёнка, то на гортанные человеческие вскрики. Потом где-то за шалашом — и очень ясно! — хрустнула ветка. Зойка прижалась к моему плечу. У меня отчаянно заколотилось сердце. Лёшка втянул голову в плечи и замер.

— Во-от, слышали? — еле прошептал он.

— А откуда оно пришло? — спросил Владимир Сергеевич.

— Со стороны нашей дорожки!

— И что?

— Ну, как что? Я как увидел, так сразу и завопил! У нас ведь нет оружия!

— А как оно убежало, на четвереньках?

— Нет, на дыбы, кажется, поднялось. Я не разобрал. Костёр плохо горел.

— Вот интересно было бы: приходим, а Лёшку уже медведь сожрал! — пошутил я. — Так и дали бы телеграмму: «Погиб в желудке!»

Владимир Сергеевич поднёс палец к губам — тише! — и, подобрав с земли берёзовую кору, поджёг её от костра. Кора ярко вспыхнула, и он с этим факелом пошёл за шалаш.

Мы слышали, как он минуты две лазил по кустарнику, видели колеблющийся огонёк и стояли растерянные и жалкие. Особенно мне было стыдно перед Зойкой.

А что мы с Лёшкой могли поделать? Оружия у нас никакого, кругом темнота, место вокруг нами не изведано…

Наконец Владимир Сергеевич вернулся.

— Никого нет! — сказал он. — Ни чёрного и ни

мохнатого. А этот крик — филин! Но, в общем, завтра нам надо подумать о своей безопасности. Значит, ты сам, своими глазами видел, как тут кто-то стоял? — обратился он к Лёшке.

— Своими глазами…

— В общем, ладно… Наплевать и забыть! — сказал Владимир Сергеевич и дал команду укладывать продукты в шалаш.

На ужин мы сварили пшённую кашу и кофе. Настроение у нас немного улучшилось.

Владимир Сергеевич очень подробно рассказал нам о том, как он познакомился в Москве с нашими мамами и как вместе с ними ходил по магазинам.

— Да, а на обратной дороге я ехал и думал, — добавил Владимир Сергеевич. — Сколько нам тут придётся прожить, мы не знаем. Но для того, чтобы в шалаше была дисциплина, надо распределить обязанности. Юрка, значит, у нас будет заведующий по продовольственной части. Лёшку я бросаю на должность истопника. А Зоя, так как у неё папа врач, — она будет медиком. А себя я ставлю на пост начальника Кара-Бумбы. Какие будут соображения?

— Мы согласны, — ответил я.

— Значит, власть утверждена! — сказал Влади-

мир Сергеевич. — Теперь я предлагаю установить дежурства. День дежуришь, два гуляешь, так?

— А что должен делать дежурный? — спросил Лёшка.

— Вставать раньше всех, готовить еду, следить за чистотой. В этот день он является первым заместителем начальника Кара-Бумбы, и его приказы надо будет выполнять беспрекословно.

— Уж я тогда над Юрочкой поизмываюсь! — засмеялся Лёшка. — Дайте мне только добраться до этих дежурств!

В общем, мы согласились с новым порядком нашей жизни и после ужина стали готовить постель ко сну.

Зойка очень боялась одна идти в деревню через лес, и Владимир Сергеевич приказал мне её проводить.

— А может, нам с Лёшкой вдвоём пойти? — с надеждой предложил я.

— Нет, — сказал Владимир Сергеевич, — Лёшка будет здесь мне помогать.

Я взглянул на Зойку, представил себе путь до деревни и обратно к шалашу и, по-честному говоря, струхнул. Как же я один буду возвращаться назад? И вместе с тем мне очень хотелось проводить её.

Когда мы с Зойкой выбрались из лесу на просеку, мы увидели над нашими головами тёмно-синее небо с миллионами звёзд. На траве лежала холодная роса, но от пыльной просёлочной дороги к нашим босым ногам шло тепло.

— Слушай, а ты в эту зиму никакого письма не получала? — тихо спросил я у Зойки.

— Нет, — ответила она. — А от кого?

— А ты не будешь сердиться?

— Нет.

Я отвернулся и сказал:

— От меня.

— А зачем ты мне писал? Ведь у меня есть телефон!

— Ну, телефон — это неинтересно. А твой дом номер шестнадцать?

— Восемнадцать.

— Значит, я ошибся. Жалко!

— Юр, — спросила Зойка, — а что там было, в письме?

— Ничего особенного. Просто я тебя приглашал на день рождения... Посмотри, а вон звезда падает. Видела?

— Видела.

— Говорят, когда падает звезда, надо задумать желание, и оно исполнится.

— А ты задумал?

— Задумал. А ты?

— Я не успела. А что ты задумал?

— Об этом нельзя говорить. Если скажешь — не исполнится.

— Ну мне-то можно сказать?

— Вот тебе-то и нельзя!

— А почему?

— Нельзя, и всё!

Это было очень интересно — разговаривать загадками и полунамёками.

Но тут же я в открытую признался, что всю зиму ходил на каток «Динамо» на Петровку и думал, что встречу там Зойку. Потом я однажды позвонил ей домой по телефону, а когда она подошла и спросила: «Кто говорит?» — я испугался и бросил трубку.

Вообще весь этот разговор и о письме, и о катке я продумал ещё давным-давно. Я решил: увижу Зойку, расскажу ей всё. Но вот сейчас я ей всё рассказываю, а она идёт и тихонько улыбается. Отчего? Пусть она старше меня почти на три года! Но я-то ведь рослый мальчишка, а она тоненькая, невысокая девочка, и можно думать, что мы ровесники. И то, что она уже проходила в школе какую-то там тригонометрию и анатомию

человека, это ещё ничего не значит. Я тоже буду их проходить. Но, может быть, я Зойке кажусь совсем маленьким?

Я вкладывал в свои слова особый смысл. Но Зойка словно не замечала этого. Она только пообещала:

— А знаешь, в эту зиму я тоже могу ходить на каток «Динамо».

До настоящей зимы ещё было месяцев пять.

Мы постояли с Зойкой около дома и пошептались. Она сказала, что Нарик и Гарик всё время её зовут по вечерам танцевать к ним на веранду, а ей не хочется туда ходить. Эти ребята какие-то «лбы»: книжек не читают, ничем не интересуются. Когда они узнали от Зойки, что мы в лесу построили шалаш, то сказали, что этот шалаш они сожгут. А почему? Неизвестно.

— Да вы их не бойтесь, — добавила Зойка. — Они только хорохорятся. А пугнуть их как следует, они мигом разбегутся. Я их уже изучила. Они даже за меня как-то раз в совхозе заступиться не смогли, когда там один хулиган потащил меня за руку с ним танцевать.

Зойка влезла к себе в дом через окно. В доме уже все спали. Мы пожали друг другу руки, и я сделал вид, что пошёл в шалаш.

Но — дудки! — в шалаш я не попал. Я забрался на старый сеновал за деревней и проспал там до зари.

Возвращаться одному в шалаш через лес мне было страшно.

Глава IV
Дела житейские

Наутро мы с Лёшкой с восторгом рассматривали всё хозяйство, которое было привезено из Москвы. На землю из рюкзаков выкладывались мешочки с манной крупой и гречкой, картонные коробки с макаронами, банки с топлёным маслом, чай, соль, ложки, чашки, колбаса, печенье, алюминиевые миски и т. д. Оказывается, Владимир Сергеевич, познакомив наших мам со своим геологическим дипломом, сумел убедить их в том, что дети в шалаше отдыхают великолепно, и единственно, что им нужно, — это продукты. И тут уж мамы постарались!

Заодно они снабдили Владимира Сергеевича и кухонным ножом с деревянной ручкой, и огромной кастрюлей, и двумя одеялами с подушкой. В один из рюкзаков были воткнуты короткая сапёрная лопатка и топорик.

Сколько всё-таки нужно вещей для того, чтобы прожить человеку!

Для продуктов мы с Лёшкой начали рыть погреб. Но Владимир Сергеевич сказал, что погреб без кирпичной обкладки — это чепуха. Он скоро обвалится, и в нём появятся мыши.

Тогда на ёлке мы выбрали здоровый сук и начали на нём подвешивать на шпагате кульки и свёртки. Получалось что-то вроде новогодней

ёлки.

Под этой же толстой ёлкой из ровных стволов молоденьких осин мы без единого гвоздя соорудили четырёхугольный стол с плетёной крышкой и три скамейки. Рядом с шалашом над костром на случай дождя был поставлен густой навес из еловых веток.

Через день-другой о нашем шалаше, видно не без участия Сашки Косого, прослышали в двух соседних деревнях, и к нам, поглядеть на наше житьё-бытьё, стали приходить совершенно незнакомые люди. Молоденькие воспитательницы деревенского детского сада приводили по утрам своих малышей, и те, заглядывая к нам в шалаш, будили нас словами: «Дяденьки, вставайте!»

Пришёл как-то раз лесник, здоровенный мужчина в сиреневой заплатанной рубахе, с бородой и ружьём. Мы ему налили кружку кофе, дали сахару и стали расспрашивать, а не водятся ли в его лесу медведи.

— Медведи, буде? — переспросил он. — Отродясь не видывал! Что касаемо лосей, то это, буде, водятся. Я сам стою на реке, гляжу, буде, переплывает какое-то дерево да против течения прёт! Удивительно, какая новая физика, буде, думаю.

Дерево, а против течения! А потом гляжу, буде, это дерево на берег на четырёх ногах вылазит…

— Вот фольклор! — восхищённо шепнул мне Лёшка. — «Буде» да «буде». — И обратился к леснику: — А вы какие-нибудь народные причеты знаете?

— Чего, буде, сказываете?

— Я говорю, ну, вы какие-нибудь сказки знаете или причитания?

— Сказками, буде, не балуюсь, — ответил лесник, — причитания не знаю. А вот бабка Кузьминична на том берегу, буде, километров за десять, — она, как хор Пятницкого, про что хошь, буде, проголосит. Она и в клубу выступала…

Лесник ещё выпил кружку кофе, церемонно поклонился и, сказав: «Ну, радуйтесь тут, люди!» — ушёл. Однако вскоре он вернулся и добавил: «Вы с огнём, буде, не того! А то я вас, буде, того!» И опять скрылся в кустах.

Зашла к нам как-то тётя Груня и, увидев, как мы уплетали за обе щеки картошку в мундире, сказала:

— А может, вам в готовке пособить, а? Вы, ребята, меня не стесняйтесь. Хотите, я вам буду готовить и вы ко мне будете приходить? Тут можно и мясца достать говяжьего али курочки. А вы

небось всё всухомячку да всухомячку?

— Спасибо, тётя Груня, — сказал я, — но мы не всухомячку… У нас всё бывает: и первое, и второе, и третье.

— Ну?! — улыбнулась тётя Груня. — Как в чайной?

Наше первое приключение с «медведем», вернее, с непонятным существом, каким-то образом очутившимся вблизи нашего шалаша, забылось не скоро. Мы сделали вокруг шалаша плотную изгородь из заострённых осиновых кольев и вырезали два дубовых дрына для самообороны.

И вот наступил долгожданный отдых. Наш шалаш стал теперь крепостью, неуязвимой со всех точек зрения: продукты у нас есть, безопасность жилья гарантирована.

Первый свободный от работ день мы с утра до вечера купались, на второй день мы ходили за ягодами, на третий — делали себе луки и стрелы и стреляли, как индейцы, в цель, в Лёшкину тюбетейку.

А на четвёртый я задумался: ну ладно, вот мы едим, спим, отдыхаем в лесу, а дальше что? Неужели и всё лето так пройдёт?

— А хотя бы и так, — глубокомысленно сказал мне Лёшка. — Чем плохо? Тут пташки поют, там

разные букашки чирикают.

— Но ведь так же скучно — только жрать и спать!

— Ну не жри и не спи, а по мне это в самый раз… Дети должны наслаждаться своим золотым детством. Так сам Толстой сказал.

— Значит, надо баклуши бить?

— Во-первых, ты мне объясни, что такое… «баклуши», а во-вторых, если кто и бьёт их, то всё равно, значит, работает… — У Лёшки был иронический тон.

— Слушай! — сказал я. — Ну зачем мы сюда приехали? Я считаю, что мы приехали сюда для того, чтобы закалять и вырабатывать характер. Так? А характер вырабатывается в борьбе с жизненными трудностями. Теперь дальше: сейчас у нас нет жизненных трудностей, но мы их можем сразу добыть.

— А как? — спросил Лёшка.

— Очень просто. Мне сейчас в голову пришла великолепная идея: надо отказаться от всех денег, которые у нас есть, от помощи пап и мам, и надо начать самостоятельную жизнь!

— Что?! Самостоятельную? — удивился Лёшка.

— Да.

— Без пап и мам?

— Да.

— Не выдержим! — сказал Лёшка.

Этот Лёшка был настоящим маменькиным сынком! В школе все ребята собирают металлолом: таскают на плечах водопроводные трубы, приносят невесть откуда битую чугунную фасонину от канализации, а Лёшка стоит в сторонке и наблюдает. Ему-де нельзя таскать, у него аппендицит! Мы в школьном дворе начинаем сажать яблони: роем ямки, заливаем их навозной жижей, а Лёшка ходит вокруг нас и бормочет: «Вы, ребята, с землёй поосторожней. Проткнёте чем-нибудь палец, и будет у вас столбняк!»

«Столбняк», «аппендицит»! Вот и сейчас: «Не выдержим»... Что за странный человек!

Владимир Сергеевич при этом разговоре не присутствовал. Он ходил на станцию за свежей газетой. Но когда вернулся, вдруг спросил нас:

— Друзья, а вы знаете, что самое плохое на свете?

Мы с Лёшкой умолкли.

— Самое плохое на свете, — продолжал Владимир Сергеевич, — это безыдейное существование. Понятно?..

— А мы тут при чём? — перебил его Лёшка.

— При том, что мы с вами уже четвёртый день

зазря небо коптим. Мы ничего не делаем: ни хорошего, ни плохого. А посему совещание по вопросу о смысле жизни в нашем шалаше считаю открытым. Кто хочет слова?

В предвечерней тишине леса было отчётливо слышно далёкое «ку-ку». За оврагом в пионерский горн дудел пастух. Оттуда слышались мычание, хлопанье хлыста и крики подпасков: «Э-эй, комолая! Куда понесло?» Вероятно, стадо уже потихоньку шло к деревне. До нашего слуха долетал приятный церковный звон. Дилинь-дон! Дилинь-дон! Дилинь-дон!.. — захлёбывались многочисленные колокольчики.

— А мы с Юркой уже говорили на эту тему, — сказал Лёшка. — И он знаете что предлагает? Вот чудак! Чтобы мы отказались от всех папо-маминых продуктов и начали бы самостоятельную жизнь!

При слове «самостоятельную» Лёшка поднял указательный палец и засмеялся.

— Ого! Интересный разговор. Прямо в яблочко попали, — улыбнулся Владимир Сергеевич. — Ну и на чём же вы порешили?

— А ни на чём. Не выдержим!

— А сколько дней будут продолжаться ваши, то есть наши, испытания? — спросил Владимир

Сергеевич.

— Я предлагаю весь шалашный период.

— Весёленькая затейка! — пробурчал Лёшка. — Обалдел!

— А я стою за это испытание, — вдруг обрадованно сказал Владимир Сергеевич. — Это любопытно придумано. Итак, голосуем. Кто за самостоятельную жизнь? Кто против? Кто воздержался?

Лёшка поднял руку.

— Против нет. Воздержался один, — сказал Владимир Сергеевич. — Но так как меньшинство подчиняется большинству, то завтра мы все начинаем трудовую жизнь. На имеющиеся у нас продукты накладывается вето, что означает запрет. Кто не работает — тот не ест! Ура, товарищи!

— Подождите, а у меня вопрос, — сказал Лёшка. — А как быть с одеждой, кастрюлями, топором и другими вещами? Их что, придётся сдавать?

— Нет, сдавать не будем, — ответил Владимир Сергеевич.

— Но ведь эти вещи не наши, а пап и мам!

— А мы предположим, что мы их взяли в долг или нам, так сказать, их подарили.

— Ладно, — вдруг торжественно сказал Лёш-

ка. — А давайте также и продукты и деньги возьмём будто в долг или предположим, что нам их подарили. Вот и весь выход из положения!

— Товарищи, — будто стоя на трибуне, официальным голосом сказал Владимир Сергеевич, — мы, кажется, этот вопрос решили, и вновь к нему возвращаться уже нет смысла.

— Но что мы будем есть на ужин? — закричал Лёшка.

— Ни-че-го, — по складам разъяснил Владимир Сергеевич. — Это даже полезно. Один врач говорил: завтрак съедай сам, обед подели с другом, а ужин отдай врагу. В общем, теперь мы с вами несчастные сироты! Но у нас есть голова, руки и ноги.

И, словно для того, чтобы лишний раз показать свои ноги, Владимир Сергеевич стал затаптывать костёр.

Но в этот вечер мы всё-таки поужинали. Мы съели колбасу, привезённую из Москвы. И не оттого, что у нас не было воли отказаться от неё, а лишь для того, чтобы её не выбрасывать: к утру она могла протухнуть.

Глава V
Да здравствуют пампушки!

Наша самостоятельная жизнь началась ранним дождливым утром, когда мы, промокшие до нитки, вылезли после ночи из шалаша и пытались разжечь костёр.

Спички и дрова были мокрыми. Единственная надежда была у нас — найти в золе хоть одну маленькую искорку.

Осторожно тоненькой палочкой мы стали разгребать глиноподобную золу, и вскоре под толстым пластом на конце обгоревшего сучка мы обнаружили маленький розовый огонёчек. Под нашими губами он то ярко разгорался, то мерк и никак не хотел переходить на сухой мох, найденный в шалаше. Мы с трепетом смотрели на огонёк, и наши сердца замирали, когда он потихоньку начинал покрываться матовым налётом.

Наконец микроскопическая искорка поползла по одной из ниточек мха и перескочила на соседнюю.

— Теперь я… один! — вдруг еле слышно скомандовал Владимир Сергеевич и, вытянув губы, стал

дуть на мох.

Розовые ниточки всё больше и больше расползались по сторонам, и в руках у Владимира Сергеевича вскоре очутилось огненное гнёздышко с выгоревшей серединкой.

— Ух, спасены! — вздохнул он и, положив «гнездо» на землю, прикрыл его новым мхом, иголками и листьями. И вдруг над всей кучкой, словно над маленьким чумом, заколебался едкий дымок.

Вскоре мы разложили большой костёр, для того чтобы обогреться, и маленький — для кастрюли с водой.

Умывшись на роднике, мы сели завтракать, то есть выпили по стакану горячей воды с брусничным листом.

У меня и у Лёшки вода в желудке свободно переливалась, и эти переливы были очень хорошо слышны Владимиру Сергеевичу.

— Ну-с, товарищи романтики, — наконец спросил он, — надо завтракать, а чем? Денег и хлеба нет. Но есть желание стать полезными людьми.

— Я предлагаю на завтрак варить топор, — оптимистически сказал Лёшка. — Помните, как в одной сказочке солдат топор варил? У нас будет суп из топора, а на второе мы его обсосём, как будто сахарную косточку. Вот проблема и решена!

— Уж лучше тогда ботинки взять, — сказал я, — они из кожи. Это очень вкусно — навар из подмёток! А каблуки у нас на жаркое пойдут. С хреном съедим…

— Ну вы, дети! Развеселились! — сказал Владимир Сергеевич. — Я у вас серьёзно спрашиваю, а вы хиханьки да хаханьки!

— А знаете, — вдруг осветился Лёшка, — деньги на хлеб будут! Я думал об этом всю ночь.

— Значит, ты хлеб берёшь на себя? — спросил я.

— Беру.

— Чудесно! — сказал Владимир Сергеевич. — А мы с Юркой берём на себя другое съестное. Только, чур, деньги у Зойки не добывать!

— Ну зачем мне Зойка! — улыбнулся Лёшка и, взяв кастрюлю и стакан, пошёл по направлению к станции.

— Убежит? — спросил я Владимира Сергеевича.

— В Москву? Да нет, не думаю. А убежит — бог с ним! Нам такие люди не нужны.

— А какие нужны?

— Люди дела! Раз постановили — значит, выполняй! А то куда это годится: сегодня скажешь одно, а завтра — другое. Сам себя уважать пере-

станешь. А это самое страшное на свете.

По серому зеркалу Оки расходились миллионы маленьких кружков; мелкий дождик шуршал в кустах ивняка, выбивал на песке рябинки. Зелёные окрестности были задёрнуты лёгким туманцем. В природе было что-то такое осеннее и печальное.

«А может быть, и мне поехать в Москву? — думал я. — А ну его… этот шалаш и «самостоятельную» жизнь!»

Сняв брюки, в рубашках — дул холодноватый ветер — мы с Владимиром Сергеевичем начали ловить рыбу… руками.

Я предлагал сбегать в деревню к Сашке Косому за удочками, но Владимир Сергеевич махнул рукой:

— Ладно, обойдёмся. На одном конце крючок, на другом дурачок! Рыбу можно по-всякому ловить…

— А правда, что и с помощью борной кислоты её можно ловить? — спросил я. — У неё вздувается пузырь, и она всплывает!

— Ей бы ты ещё на нос люминала насыпал.

Мы подходили в воде к ивовому кустарнику и осторожно шарили под его корнями. Владимир Сергеевич мне сказал, что в дождливую погоду

рыба любит стоять в корнях или под корягами. И в подтверждение своих слов он вскоре выкинул на берег маленького окуня. Я выломал прутик с сучком на конце и продел его сквозь рыбьи жабры и рот.

Я несколько раз чувствовал, как в мои ладони тюкались рыбки, но схватить мне их не удавалось.

— А ты не торопись, — медленно, без шума

погрузившись по горло в воду и еле заметно подбираясь к ивняку, учил меня Владимир Сергеевич, и вдруг — цоп! — в его руке опять блестит рыбка!

За час мы наловили семь рыбок. В конце концов и я поймал одну: серебряной ёлочкой висели они у нас на прутике и тянули граммов на двести пятьдесят. Как-никак, а завтрак у нас всё-таки был.

Я то и дело выскакивал из воды и, посиневший, бегал по берегу. У Владимира Сергеевича лицо было в мурашках, и он отчаянно щёлкал зубами.

— Вот бы сейчас стаканчик горячего какао да яичницу с жареной ветчиной! — говорил он, переходя по реке с места на место.

— А может быть, лучше сосиски с пюре на молоке?

— Нет, пельмени с маслом... Эх, каналья, ушла! — горько вздыхал Владимир Сергеевич. — И здоровая была, на полкило. Вот бы поели!

Мы ещё с полчаса ходили по реке, но поймать ещё какую-нибудь дурную уклейку или зазевавшегося пескаря нам не удалось.

Придя к шалашу, мы рыбу почистили, посыпали солью и уложили в кастрюлю. После чистки рыбки сделались ещё меньше, но Владимир

Сергеевич не огорчался. Он то и дело подливал в кастрюлю воды.

— Одно ведро воды, — говорил он, — заменяет сто граммов мяса, а два ведра воды — два яйца. И стоит только нам вскипятить три ведра воды, как у нас будет королевский завтрак!

В кастрюле уклейка догоняла уклейку.

Наша «уха» бурлила долго, а Лёшки всё не было. Без него завтракать мы не могли.

Мы с Владимиром Сергеевичем лишь в порядке пробы съели по четыре ложки «ухи». И остались довольны. Мутно-серая эмульсия с костями была приятно солоноватой и имела далёкий запах рыбьего жира.

— А Лёшка, видимо, всё-таки удрал к своей мамочке, — сказал я, вдыхая парок над кастрюлей. — Уже к Казанскому вокзалу подъезжает.

— Ты прав, надо садиться за стол, — сказал Владимир Сергеевич. — Что ж, будем есть без хлеба.

— Слушайте, Владимир Сергеевич, — сказал я, — а может быть, взять нам какой-нибудь крупы и насыпать в кастрюлю? Всё-таки сытнее будет.

— А уговор?

— Да бог с ним, с этим уговором!

— А ты, брат, малодушный, — усмехнулся Владимир Сергеевич. — Говорил, надо воспитывать

волю, надо закалять характер, а сам? Можешь, конечно, брать продукты. Там, кстати, на верёвочках висит и масло и сахар. Я их рюкзаком прикрыл — не промокли.

Он взял ложку и принялся хлебать нашу «уху».

Кастрюлю мы уничтожили в пять минут. Но не всю. Мы ещё надеялись, что придёт Лёшка и спросит свою порцию.

Дождь перестал. С неба уходили последние тучи, и лес ежеминутно менял своё освещение: то становился ярко-зелёным от солнечных лучей, то моментально темнел. И миллионы капелек на ветвях, на сосновых иголках, на цветах то вспыхивали, как алмазы, то угасали. И птичий щебет то умолкал, то раздавался с новой силой. Потом вдруг всё зазеленело, зацвенькало, засверкало, и к нам в лес пришло ослепительное, жаркое утро.

— Да здравствует шалаш — поел и шабаш! — воскликнул Владимир Сергеевич. — Начинаем трудовой день! Сегодня у нас разведка: где работа, какая работа. Мы можем пойти на подсобное хозяйство дома отдыха, в колхоз. А то и на Оку. Видел, там баржа с цементом пришла? Станем грузчиками! Лучше помогать от чистого сердца, чем болтаться без дела. «Все работы хороши, выбирай на вкус…»

Мы прикрыли наш шалаш «дверью», сплетённой из еловых ветвей, предварительно уложив в него всё походное имущество, и снова отправились на реку.

Маленькая баржа была причалена к деревянным жиденьким мосткам. Она была уже наполовину разгружена, и цемент в мешках лежал под брезентом на берегу. Около баржи нас встретила женщина-сторож.

— Скажите, тётя, — обратился к ней Владимир Сергеевич, — а чья это баржа?

— Колхозная.

— А разгружать будете?

— Конечно. Тут ребята были, Мишка да Петька, а потом ушли. Говорят, мало платят.

— А сколько платят?

— Десять копеек за мешок. Вынести из баржи и уложить. А в мешке, чай, килограммов сорок.

Владимир Сергеевич, прищурив глаз, прикинул расстояние от баржи до штабеля мешков и спросил:

— А деньги когда?

— Разгрузите и сразу получите.

— Без ведомостей? — улыбнулся Владимир Сергеевич.

— Да зачем они, волынку разводить! Мне пред-

седатель дал десятку и говорит: рассчитывайся сама.

— Отличная постановка дела! — сказал Владимир Сергеевич и, сняв с себя рубаху и штаны, бросил их на траву.

Эта работа была очень тяжёлая. Помогать Владимиру Сергеевичу я не мог. Я только стоял в барже на мешках и пытался за края подцепить их и поудобнее укладывать на его спину.

Шатающиеся мостки прогибались под ногами Владимира Сергеевича, и он ежесекундно мог свалиться в воду. Его чёрная загорелая спина покрылась цементной пылью, которая смешалась с потом и струилась по ложбинке между лопаток.

Владимир Сергеевич вынес на себе двадцать мешков, а потом лёг на траву и закрыл глаза. Я сел около него и молчал. У него высоко вздымалась грудь и на шее пульсировала жилка.

Владимир Сергеевич заработал два рубля. Мы их тут же получили и пошли отмывать рабочий пот.

— Даром деньги никому не даются! — сказал Владимир Сергеевич. — Но главное, честное слово, не в деньгах, а в том, что поработал, сделал дело.

В буфете на станции мы купили батон белого

хлеба, бычки в томате и свежих огурцов.

Неподалёку от шалаша, пробираясь через кусты, мы случайно забрели в малинник. Красно-фиолетовые прозрачные ягоды, ещё влажные от дождя, словно маленькие китайские фонарики, гирляндами висели на кустах, окружённых крапивой.

— Ну, вот нам и ещё дело подвернулось! — подмигнул я Владимиру Сергеевичу.

Малина была сочная, сладковатая. Я сначала, сняв ягодку с ножки, заглядывал в её беленькое бархатное нутро — нет ли там червяка, — но, не найдя во многих ягодах и намёка на его существование, отказался от предварительной проверки и пустил малину в «переработку» с удвоенной энергией.

Но вот около шалаша послышались какие-то женские голоса.

Потом мы увидели, как мимо нас с чайником к роднику пробежал… Лёшка. Вот так новость!

Нам захотелось посмотреть на незнакомых пришельцев, и мы решили подобраться к шалашу незаметно.

Первое, что мы увидели сквозь кусты, — это наш стол. На нём на развёрнутых бумажках лежали колбаса, плавленый сыр, яйца, открытая

банка шпрот.

— Мама! — закричал я и бросился к маме, которая на четвереньках вылезала из шалаша. Следом за ней показалась и Тина Львовна.

Обе мамы горячо поцеловали меня, а увидев Владимира Сергеевича, протянули ему руки.

— Владимир Сергеевич, что это значит? — вдруг возмущённым голосом сказала Тина Львовна. — Выходим мы на станцию и вдруг видим — ну подумайте только! — мой мальчик на перроне. И что он делает? Торгует земляникой! Я его спросила: «Сколько стоит?» А он: «Двадцать копеек стакан!» Держит в руках кастрюлю и торгует! Я прямо заплакала: «Лёша, объясни, что это такое!» А он: «Мы так решили!» Скажите, что это значит? Что вы решили? Как вы решили?

Но Владимир Сергеевич что-то промычал в ответ и тут же, улыбаясь, пошёл в лес за дровами.

Лёшка принёс с родника чайник и повесил его над костром на толстой палке. Потом он полез в шалаш и, вытащив оттуда буханку чёрного хлеба, положил её на стол и торжественно сказал:

— Вот! Моя! А у вас что-нибудь есть?

Я показал ему пальцем на кастрюлю с «ухой».

Тина Львовна взяла кастрюлю в руки, понюхала её и брезгливо поставила на стол.

— Ты что даёшь? — спросила она меня. — Ты видел, что ты даёшь ребёнку?

— Это уха, мы тоже ею питались.

— А ты загляни в кастрюлю, загляни!

Я заглянул в кастрюлю и ахнул. В нашей «ухе» было полно еловых иголок, которые, видно, нападали туда с шалашных веток.

— Подумаешь, иголки! — сказал я. — С ними даже вкуснее. Это витамины.

— Вот ты сам и доедай витамины, а Лёша будет питаться по-человечески, — сказала Тина Львовна и принялась делать бутерброды. — И вообще садитесь все за стол. Сначала поедим, а потом пойдём гулять.

Наши мамы в четыре проворные руки быстро вымыли стаканы, ложки, тарелки, поставили сковородку на угли и зажарили яичницу с луком и колбасой. Откуда-то у нас на столе появились бумажная скатерть и букетик ромашек.

Моя мама то и дело гладила меня по голове. Лёшкина тоже не сводила глаз со своего чада и причитала:

— Господи, на кого он похож! Похудел, оборвался, на шее космы… Совсем в папуаса превратился…

Я наблюдал за Лёшкой. Он всё время погляды-

вал на стол с богатой закуской, но одновременно не сводил глаз и с нашей «ухи». Его, видно, очень интересовало: а как мы выполнили свой долг? Потом он незаметно от мамы взял в руки ложку и хлебнул нашего варева. Рыбно-хвойный экстракт, видно, был слишком крепок: Лёшка тут же выплюнул его и ещё с минуту после этой процедуры ходил с открытым ртом, часто-часто дыша и ежесекундно отплёвываясь.

— Хороша кашка, да мала чашка! — сказал он.

Пока наши мамы заканчивали приготовления к обильному обеду, мы устроили тайное совещание.

Положение было тяжёлое. С одной стороны, мы поклялись жить самостоятельно, а с другой — в этот полуголодный день у нас от снеди ломится стол. Как быть? И тем более что Лёшка ничего не ел.

Мы с надеждой смотрели на Владимира Сергеевича: что он скажет? Мы чувствовали, что он человек твёрдый. Но неужели в этот «родительский» день он не снимет с нас клятвы?

— Вот, слушайте, ребята! — вдруг произнёс Владимир Сергеевич. — Наше слово нерушимо. Однако, если ваши мамы узнают о нашем секрете, нас будут бить. Так что да здравствует на один

день колбаса и прочие пампушки!

Мы были готовы расцеловать Владимира Сергеевича и, не дожидаясь маминых приглашений, бросились к столу. После первой чашки чаю Тина Львовна вдруг подняла руку:

— А вы знаете что? Я привезла вам подарок, — сказала она и полезла в кожаную сумку. — Вернее, «вам» вообще, а в частности моему сыну. Вот смотрите…

Хотя я и недолюбливал Тину Львовну, но в этот раз она меня необычайно подкупила: в её руках я увидел новенький фотоаппарат «ФЭД».

Этот «ФЭД» принадлежал Лёшкиному отцу и всё время лежал в его столе без дела, но теперь он будет в верных руках! Мы уж тут зафиксируем для потомства всю нашу жизнь!

Ещё Тина Львовна привезла Лёшке шерстяные носки и ватные… трусики! Да, да, они были с подкладкой, и под ней лежал тонкий слой ватина.

— Ну, шедевр! — сказал Лёшка. — А ватной майки ты не привезла?

— Лёша, не смейся! — сказала Тина Львовна. — Ты ещё обо мне не раз вспомнишь! Вы спите на сырой земле, и очень легко получить радикулит. А наденешь трусики — и тебе сразу станет тепло.

Торжественный приезд наших мам в шалаш

был запечатлён на плёнке до самых мельчайших подробностей. Мы их сфотографировали и в лесу, и на реке, и спящими в шалаше.

Под конец дня, перед отъездом в Москву, они уже окончательно согласились с нашим цыганским существованием и даже перешли на восклицательные фразы: «Ах, как здесь прелестно! Ах, какой воздух! Ах, как пахнут эти цветы!»

И, слыша эти восклицания, мы были счастливы тем, что доставили нашим мамам большую радость.

Глава VI
Испытания

Вероятно, все беды накликал Владимир Сергеевич. И оттого, что уж слишком хорошо он разбирался в народных приметах.

Как-то раз поутру, проснувшись и крикнув в лес своё любимое «Э-ге-гей!», он сказал:

— Дело пахнет керосином. К дождю! Хорошая слышимость звуков.

И действительно, через полчаса начался дождь, долгий и нудный. Но стоило ему иссякнуть под вечер, как Владимир Сергеевич опять сообщил:

— Ласточки летают над землёй, гоняются за низко летящими насекомыми. К дождю!

И среди ночи я проснулся оттого, что мне на нос капала вода: кап, кап, кап…

Я Владимиру Сергеевичу сказал: «Да бросьте вы каркать, честное слово!» Но он опять наутро своё: «Уж больно трава сегодня пахнет сильно и лягушки квакают. К дождю!»

Короче говоря, из-за того, что в природе, видно, началась подготовка к всемирному потопу, на нас обрушилась целая серия дождей: проливных,

обложных, грибных и моросящих. Они были с молниями и без молний, с ужасными ударами грома и еле-еле слышными.

Земля и вода в реке стали холодными. Ботинки и тапочки у нас не просыхали.

Мы с Лёшкой решили подсушить наши ботинки на костре — нацепили их на палки и стали вертеть, как шашлык, над углями, — и через полчаса они у нас так скрючились, что на ногу надеть их уж было невозможно. Теперь пришлось нам ходить босиком.

В такую погоду бегать к реке и умываться нам не хотелось, и наши руки и лица от вечной возни с костром покрылись толстым слоем сажи. От дыма и грязи у нас воспалились глаза и стали слезиться.

Я стал кашлять трубным голосом, а у Лёшки так из носа потекло, что Владимир Сергеевич шутил над ним: «Нашего Лёшеньку подключили к водопроводу!»

И ко всему этому у нас болели спины и шеи, обожжённые раньше на солнце.

А вскоре к нам пришла ещё одна напасть: мы дружно начали болеть животами. И в этом виноват был я.

Однажды, когда Владимир Сергеевич и Лёшка

отправились ловить рыбу, а я остался дежурить, мне пришло в голову сварить настоящий лесной обед. Может быть, я бы и не стал этого делать, но выбора не было: подмокший рис у нас протух, стал жёлтым и противно вонючим, а гречневая крупа разбухла и чуть ли не проросла.

Я всё-таки остановился на гречке. Решил сделать кашу. Но пока я ходил за хворостом, перекладинка, на которой висела кастрюля над сильным огнём, перегорела, и вся моя каша упала в костёр, и алюминиевые ручки кастрюли расплавились.

Я стоял над костром озадаченный: шутка ли сказать, какая ж в костре была температура, если стал плавиться металл? Эге, тут надо быть осторожным!

Но через час я опять оплошал. Я приготовил суп, в который бухнул всё то, что у меня находилось под ногами: грибы, крапиву, щавель, лопухи, укроп, добавил в воду три завалявшиеся картошки — и стал варить это волшебное снадобье.

Сколько раз я видел на кухне, как мама готовит обед, но так и не удосужился спросить, а как узнать, готов ли суп, сварилось ли мясо. Я видел, что мама то и дело тычет в жарящиеся котлеты вилкой, а зачем это она делает, я не спрашивал. И зря.

Я так долго варил свой суп, что он у меня… пригорел. Это было, вероятно, уникальное событие в истории поварского дела. Суп — и пригорел!

Мои друзья, вернувшись с речки, продрогшие и голодные, накинулись на еду и стали ругать меня на чём свет стоит. Но так или иначе, а есть было нечего, и мы всё-таки уничтожили мой несчастный суп.

А через час первым в кусты стрелой метнулся Лёшка.

Ночами в шалаше нам было очень холодно, и мы теснее прижимались друг к дружке.

И вот когда Лёшка вспомнил свою маму. Он ложился спать в ватных трусиках и надевал шерстяные носки. А мы с Владимиром Сергеевичем в наши носки набивали тёплую золу и засовывали ноги в рюкзаки.

По-честному говоря, нам с Лёшкой было очень тяжело. Бывало, вечером пройдёт по Оке пароход Москва — Горький, весь сияющий, весь в разноцветных огнях, с музыкой на палубе, и мы долго-долго глядим ему вслед, и нам обоим очень понятно, о чём в эту минуту думает каждый.

Но Владимир Сергеевич не унывал. Он то и дело мурлыкал себе под нос весёлую песенку:

Если ваши ноги сводит лютый холод,

Сыплется за ворот дождик или снег,

Вспомните, что где-то бродит вовсе голый,

С вами, в общем, очень схожий снежный человек!

И улыбка, без сомненья,

Вдруг коснётся ваших глаз…

Правда, вскоре после того, как мы по предписанию Зойки начали пить отвар из черники, животы наши прошли. Перестали болеть также и спины, которые мы регулярно стали смазывать раствором крепкого чая. («В чае есть танин!» — сказала Зойка.)

Вместе с нашими хворостями улетучились и дожди.

Но тут ждали нас новые испытания.

Владимира Сергеевича свалила ангина.

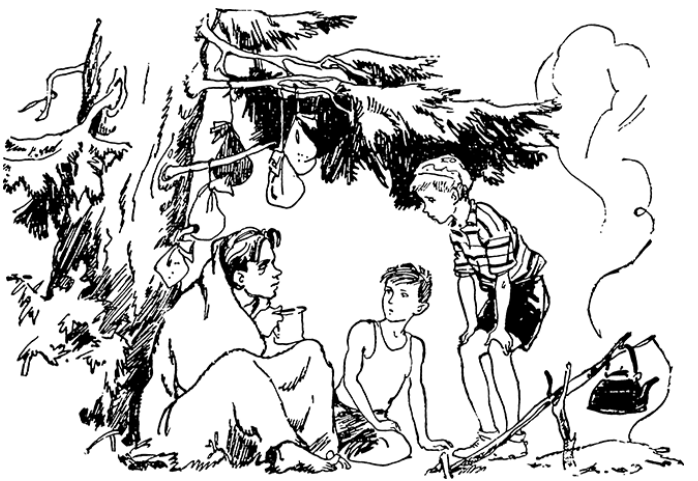
Я ещё ночью в полусне, прижимаясь к его тёплому боку, почувствовал, как он сильно дрожит. Мне показалось, что это от утреннего холодка, и поэтому я уделил начальнику Кара-Бумбы кусок одеяла. Но дрожь у Владимира Сергеевича не прекратилась даже и тогда, когда в шалаш вполз удушливо-жаркий полдень.

Лицо у Владимира Сергеевича сделалось мерт-

венно-бледным, глаза впали.

Владимир Сергеевич вышел на самый солнцепёк. Он пил, обжигаясь, стоградусный кофе. Но температура не падала.

Мы сидели около нашего вождя опустив руки и не знали, как помочь человеку. И вообще с чего начинать день? Чем заняться?



— Это у меня частенько бывает, — сказал Владимир Сергеевич. — Проклятье!

— А может быть, достать лошадь и в деревню вас перевезти? — спросил я.

— Не надо. Пройдёт. Идите работёнку искать.

— А вы как же? — спросил Лёшка.

— Я тут один… полежу…

— А вдруг вам плохо будет? — запротестовал я.

— Хуже этого не будет, — ответил Владимир Сергеевич и добавил: — Я сейчас записку Зойке напишу. Она, наверно, уже на пляже. Отнесёт её Лёшка. Только там не купаться!

И Владимир Сергеевич написал:

«Зоя! Я вас очень прошу, достаньте немножко пенициллина. Я».

Когда мы отошли от шалаша, Лёшка спросил:

— Ну, что порешим? Его ведь нельзя одного оставлять! И вообще ничего себе положеньице: денег нет, мы голодные… Вот дураки, взвалили на себя какую-то идиотскую клятву, а теперь, как медведи, лапу сосём!

— А может, нам опять снять запрет с продуктов? Только для Владимира Сергеевича?

— И заодно и для нас… — Лёшка заискивающе поглядел мне в глаза. — В виде исключения, а?

— Ну что ты! С Владимиром Сергеевичем каши

не сваришь! — сказал я. — В общем, пока. Я в колхоз!

— Будешь коров доить?

— Как придётся. А ты со мной?

— Нет, я сначала на пляж. К Зойке. А потом в дом отдыха. Я уже решил.

Дом отдыха стоял над рекой, на крутом взгорье. Это было красивое, ослепительно белое здание с колоннами, балюстрадами и грибовидными беседками, в которых всегда сидели старушки. В лесу мы часто встречали медленно шествующих мужчин с толстыми и лоснящимися лицами. Обычно они ковырялись во мху своими тростями: искали грибы. А те, кто был помоложе, с утра до вечера играли в теннис или лежали в голубой купальне на плоту, закрыв лицо газетной треуголкой.

По вечерам дом отдыха был освещён яркими фонарями и казался волшебным дворцом, парящим над землёй. Когда ветер дул в нашу сторону, до шалаша с танцевальной площадки долетали звуки аргентинского танго «Не покидай меня!». Музыка то затухала, то нарастала. От грустной мелодии почему-то щемило сердце, и мне, например, в этот момент очень хотелось увидеть Зойку.

Мы лежали в темноте на хвое и очень хорошо представляли себе жёлтый блестящий паркет, сияющие люстры и молодых людей, которые танцуют с красивыми девушками.

Лёшка мне как-то таинственно сообщил, что после танцев все отдыхающие расходятся по аллеям и начинают целоваться. И тут же он спросил:

— А ты бы Зойку… поцеловал?

Я трижды смачно сплюнул на землю и передёрнулся:

— Охота была пускать слюни!

— А я бы поцеловал! — убеждённо сказал Лёшка. — Том Сойер целовался с Бекки Тэтчер? Целовался! Ну, а я рыжий, что ли?..

Может быть, Лёшка и был честнее меня в своём откровении, но мне не хотелось посвящать его во все свои думы о Зойке. А я иногда даже мечтал жениться на ней. Вот вырастем большие, по утрам будем делать вместе физзарядку. Потом уедем из Москвы куда-нибудь в тайгу как геологи. Построим там шалаш. Зойка будет варить обеды, а я буду с ружьём добывать дичь. А потом мы там откроем какую-нибудь руду.

Лёшка пошёл к дому отдыха, размахивая «ФЭДом». Оставить фотоаппарат в шалаше он побоялся. «Ещё, чего доброго, заснёт Владимир

Сергеевич, и фотоаппарат кто-нибудь свистнет!»

Я смотрел ему вслед и долго колебался: а не пойти ли вместе с ним? Ну, приду в колхоз, ну, скажу, что мне хочется поработать. А дальше что? Там, конечно, спросят: «А что ты умеешь делать?» Я отвечу: «Ничего!» — «Ну и до свиданья!» — скажут. И пойдёшь не солоно хлебавши…

В страшном душевном смятении я направился в правление колхоза.

Около правления — кирпичного дома с широкими окнами — стояла новенькая «Волга». Об её передний буфер тёрся поросёнок. Над шиферной крышей дома возвышалась алюминиевая телевизионная антенна. На доске объявлений висело: «Товарищи колхозники! Организуется экскурсия на один день в Ленинград. Полёт на «Ту-104». Записываться у Кукушкиной».

На ступеньках дома я остановился. Из раскрытого окна вылетали стук счётных костяшек и чей-то голос: «Райфо! Райфо! Это Коляскин говорит! Плохо слышно!»

Над чайной, которая была по соседству с правлением, плавал запах гуляша с картошкой.

Я стоял в полном смысле слова на пороге новой жизни. За дверями была РАБОТА. Та, за которую платят деньги, и на них можно будет купить

тарелку гуляша. Об этой работе говорят во всех семьях взрослые: «Ну, как ваша работа? А где вы работаете? А по душе ли нашли работу?»

Но, по-честному говоря, меня сейчас очень мало интересовали деньги. Я знал, с голоду не пропаду. У нас есть продукты. Владимиру Сергеевичу, конечно, не нужны наши заработки. Он просто хочет заставить нас заниматься делом. А помогать я буду колхозу от души, бесплатно!

Я вошёл в правление.

В светлой комнате, оклеенной зелёными обоями, за столом сидел какой-то одноглазый мужичок.

Я с ним поздоровался и спросил:

— А можно ли видеть председателя колхоза?

— А зачем он тебе? — спросил мужичок и стал оглядывать меня своим мутным и красным глазом.

Я замялся, а потом прямо сказал, что пришёл устраиваться на работу.

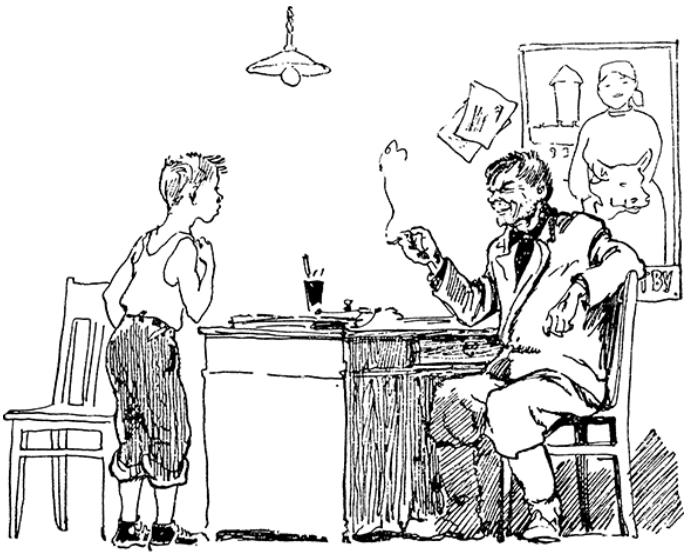
— На работу-у?! — удивился мужичок и даже привстал со стула. — И как, значит, за деньги?

— Могу и бесплатно.

Мужичок вдруг хихикнул и полез в карман за кисетом. Свернув цигарку и пыхнув в меня едким дымом, он сказал:

— А губа у тебя не дура, я гляжу. Папка с мамкой тебя кормят-поят, а ты, значит, на лисипед хочешь подзаколотить?

— А я теперь сам себя кормлю.



Лицо у одноглазого вытянулось.

— А, ты сирота, что ль?

Что отвечать? О нашем уговоре — хлебнуть самостоятельную жизнь — рассказывать мне не хотелось. И я вздохнул:

— Может быть, и сирота…

— Знаешь, пацан, идит-ко ты отсюда, пока я тебе кузькину мать не показал. А к кому намедни матеря в шалаш приезжали и вы там чаи распивали, а? Я всё знаю!

Красный глаз у мужичка недобро сверкнул, и я понял, что никакого председателя колхоза мне тут не видать. Мне хотелось зайти в соседнюю комнату, в которой какой-то Коляскин настойчиво вызывал по телефону райфо, но, кто знает, может быть, и там меня на смех поднимут. Ведь действительно смешно: пришёл незнакомый мальчишка и требует работу!

Я вышел из правления. Село в этот жаркий полдень было словно вымершее. Куры лежали в серой придорожной пыли. Под плетнём в тени, полузакрыв глаза и разбросав точёные ножки, валялся жеребёнок. А из людей только одна девчонка в красном платье крутила колодезный ворот.

Где-то в поле тарахтел трактор. В кузнице зве-

нела наковальня. Чей-то женский голос кричал: «Эй, Манька-а, идём полоть!»

Везде шла работа.

А настроение у меня было неважнецкое.

Меня уже по-настоящему стало задевать: неужели мне, мальчишке, очень трудно найти для себя настоящее дело?

И вдруг я увидел, что неподалёку от пруда строится дом. Я подошёл поближе к строительной площадке и стал смотреть на то, как двое молодых рабочих в узкой траншее в земле укладывали огромные куски белого камня и заливали их цементным раствором.

Широкоскулый парень в голубой грязной майке — его звали Петька — говорил:

— Сегодня обязательно мы должны всё забутить. А то Коляскин даст нам жару!

— Пускай людей даёт, тогда лучше будет. Взвалил такое дело на двоих и пошёл щи хлебать! — отозвался Мишка, краснолицый и небритый паренёк. — А ты что, малец, рот разинул? — вдруг рявкнул он на меня.

— Да ничего, — ответил я.

— А ты нам дёру на рубль купишь в сельпо?

— А что такое «дёр»?

— Вот подойди сюда поближе, узнаешь…

Я подошёл к Мишке, и вдруг под хохот своего приятеля он схватил меня за ухо и начал его трепать!

Я в один миг вывернулся и с размаху дал Мишке ногой под зад и отскочил в сторону.

— О, вот это мне нравится! — обрадовался Петька. — Теперь оба узнали, что такое дёр! А я тебя видел. В лесу живёшь?

Тон у Петьки был миролюбивый, и Мишка уже тоже смотрел на меня без злости, которая на секунду загорелась в его глазах после моего удачного удара. И потому я, улыбнувшись, ответил:

— В лесу.

— Эх, хорошая житуха: лежи и плюй себе в небо!

— Ага, — согласился я, — а оттуда всё на тебя опять летит!

— А ты что ж, недоволен? — спросил Мишка.

— Доволен. Только делать нечего.

— Ох, смехотура! «Делать нечего»! Да вот пожалуйста, бери лопату и ковыряйся с нами от зари до зари. Хочешь? — И Петька шутя протянул мне лопату.

— Спасибо, — сказал я. — А что копать?

— Ну вот хоть яму под стояк: два метра на метр.

Я подошёл к указанному месту и нажал ногой на лопату.

Парни непонимающе переглянулись.

В обед Петька и Мишка из принесённых из дому свинины и картошки сварили себе на костре гуляш. Вернее, варил его я: начистил картошки, нарезал свинины с луком и положил в кастрюлю с водой. Теперь у меня уже был опыт.

У ребят третьей ложки не оказалось, и я ел свой первый трудовой гуляш широкой щепкой с заострённым концом. Лопаточкой я подхватывал картошку, а на остриё насаживал мясо.

Петька дал мне большой ломоть хлеба, но я его разделил на две части и одну половинку спрятал под брёвна. А из трёх широких лопухов, скреплённых между собой тоненькими щепочками, я соорудил плошку, и Петька наполнил её густым гуляшом — для Владимира Сергеевича.

О нём я помнил всё время. Как он там один? Как чувствует себя?

Когда мы, сидя по-турецки вокруг кастрюли, навалились на гуляш, Мишка случайно обернулся, посмотрел вдоль улицы и прошептал:

— Кажись, моя любовь идёт! Коляскин!

— А кто он у вас тут? — спросил я.

— Председатель колхоза, — ответил Петька и

стал газеткой обтирать свою ложку.

К нам подходил высокий человек в синей сатиновой рубахе, подпоясанной узким кавказским ремешком. Лицо у него было морщинистое, чёрное от загара. Он шёл быстро и тоненькой хворостинкой охлёстывал свои пыльные сапоги.

Мишка и Петька встали. Я тоже.

Коляскин остановился около четырёхугольной траншеи и молча осмотрел её.

— Значит, на точке замерзания? — наконец сказал он.

— Нет, почему же, Иван Спиридонович... — ответил Петька. — Вон мы уж сколько заложили. Сегодня закончим забутовку, а завтра уж цоколь начнём гнать.

— Да что ты меня завтраками кормишь? — вдруг вскипел Коляскин и с силой хлестнул хворостинкой по сапогу. — По договору уже клуб должен стоять, а у вас?

— И будет стоять! — сказал Мишка. — Людей вот не хватает.

— А ты что, не знаешь, где люди? В поле! Я вас специально освободил, а вы? То у тётки Евфросиньи на крыше подхалтурили, то у Тимофея сарайку поправили...

— Ну просит же народ... Мы ведь после рабо-

ты… — опустил голову Петька.

— Я видел, как после работы. Чуть председатель в район, так они уж пошли налево! И цемент бросили из баржи разгружать?

— Да ладно тебе, Иван Спиридоныч, — попытался улыбнуться Мишка. — Сделаем — сам похвалишь за ударный труд. Вот садитесь с нами обедать.

— Не буду! — сердито сказал Коляскин.

Петька огорчённо бросил свою ложку в кастрюлю, и она черенком воткнулась в гуляш.

Председатель повернулся и быстро зашагал от нас.

— Товарищ Коляскин! Товарищ председатель! — крикнул я и побежал за ним.

Иван Спиридонович оглянулся.

— Здравствуйте, — вежливо сказал я. — Вот у вас людей не хватает, возьмите, пожалуйста, меня, а? И у меня ещё двое приятелей есть! Они тоже могут!

— А ты сам-то откуда? — прищурив глаза, спросил председатель.

— Из Москвы!

— Из дачников, что ль?

— Да вроде бы, — помялся я. — Мы… в шалаше…

— А-а… слыхал. А какие документы у тебя?

— Могу привезти из дому дневник. Достаточно?

— Если паспорта нет — достаточно. А что умеешь делать? — Иван Спиридонович пощупал у меня мускулы на руке.

— Да я… куда пошлют!

Председатель усмехнулся и, вертя в воздухе хворостинкой, задумался. Потом сказал: «Идём!» — и пошёл обратно к стройплощадке.

— Вот что, вы, работяги! — обратился он к Петьке и Мишке. — Назначаю к вам ученика. Парня не обижать. Ясно? А ты, одним словом, — он повернулся ко мне, — будешь помогать им, что скажут…

Я кивнул головой.

— А на шалашное пропитание, — продолжал он, — я тебе сейчас дам записку, и ты получишь аванс. Картошку там, кислой капусты, огурцов. В общем, с голоду у меня не помрёшь. А там под конец — полный расчёт…

Когда председатель ушёл, Петька хлопнул меня по плечу:

— Вот как у нас люди растут! От горшка два вершка, а уже строительный рабочий.

У меня было очень радостно на душе. Назначе-

ние на работу произошло так быстро, словно по мановению волшебной палочки. И даже аванс уже можно получить! Так это на каждые летние каникулы можно в колхоз выезжать! И кормёжка будет! Красота!

Глава VII
Легенда о любви

Под вечер в рогожном куле, который я взял у тёти Груни, я нёс к Владимиру Сергеевичу из колхозной кладовки мой аванс.

Выдал мне его одноглазый мужичок. Мне казалось, что он в колхозе какой-то большой начальник, а на самом деле это был простой кладовщик. И притом пьяный. Вместо полупудовой гири при взвешивании картошки он поставил на весы пудовую. А отпуская килограмм мёду, он ошибся на полкило. Потом, правда, он заметил свою ошибку и набросился на меня за то, что я его не поправил. Но мне, вошедшему со света в полусумрачную кладовую, просто не было видно ни гирь, ни чашек весов.

Выдавая мне квашеную капусту в кочанах и огурцы, он приговаривал:

— Вы небось уж сегодня дёрнете! Закус богатый. Ежели что, можете позвать. Я к вашим услугам. А чего это председатель так расщедрился: и на работу поставил, и вот уж продукты, пожалте!

— Строительных рабочих готовит, — ответил

я.

Мне было противно смотреть на этого человека. И хоть неудобно было себя хвалить, я добавил:

— Он почувствовал, что человек хочет по-настоящему работать.

— А я, значит, не хочу? — насторожился одноглазый. — А ну-ка клади капусту обратно за оскорбление при служебных обязанностях!

Я выложил из мешка мокрый кочан.

— Вот так! А теперь можешь его взять обратно. И ты не раздражай мои нервы.

Как таких дураков держат на работе, не понимаю. А может быть, это он только со мной так себя ведёт, издевается?

Мне очень хотелось размахнуться мешком картошки и трахнуть этому типу по роже. И в правлении он мне помешал, и тут кочевряжится… Но я должен был терпеть. Чуть бы я взбунтовался, он мог закрыть свою кладовку и сказать: «Зайдёте завтра!» А до завтра мы ждать не могли.

По дороге к шалашу со мной произошло ещё одно событие.

На узкой тропинке, которая шла через высокую рожь, я встретил Нарика и Гарика. Они словно меня поджидали.

— А ну, постой-ка! — схватил меня за мешок длинноволосый Нарик. — Ты что несёшь?

— Картошку, — ответил я и хотел пройти мимо.

— А ты не торопись, — загородил дорогу щуплый Гарик, растопырив руки. — Положи на землю, мы сейчас проверим. На колхозном поле выкопал?

— Я в кладовой получил.

— У Филимона? — спросил Гарик и прикрыл свой левый мышиный глаз.

— У Филимона.

— А где накладная?

— Какая накладная?

— При каждом товаре должен быть документ! — сказал Нарик и дал мне затрещину.

Дело оборачивалось худо. Драться я не мог. На спине у меня лежал мешок, а в правой руке я нёс банку с мёдом. Я втянул голову в плечи и спросил:

— Двое на одного, да?

Но они меня даже не удостоили ответом. Гарик нахально засунул указательный палец в банку и облизал его.

— Нарька! — вдруг обрадовался он. — Сплошная потрясёнка! Ей-богу, мёд!

Если бы у меня в руках был тот самый дрын, который мы изготовили для врагов в шалаше, ух и устроил бы я этим типам медовое угощение!

Пусть они вдвоём в конце концов и отдубасили бы меня — один Нарька был в два раза выше меня, — но кому-нибудь я бы всё-таки оставил на память фонарь. Я парень был отчаянный. Помирать — так с треском!

А теперь я должен был стоять и смотреть, как эти два На-Гарика (так мы их стали называть чуть позже), отняв у меня банку, макали в неё пальцы и пожирали мой труд.

Я не понимал, в чём дело. Почему они напали на меня?

И только когда они вылизали весь мёд и забросили банку в рожь, я понял.

Нарик поднёс к моему носу кулак и сказал:

— На, понюхай. Чуешь, чем пахнет? Будете Зойку к себе зазывать, сделаем из вас антрекоты с гарниром.

— И студень! — добавил Гарик и тоже поднёс кулак к моему носу. — Ультиматум предъявлен, а за остальное пеняйте на себя!

— Мы её не зазывали, — сказал я, — она сама к нам приходит.

— А кто ей пишет любовные записочки, как вы

там называете… из Кара-Бумбы? — Гарик толкнул меня плечом и вынул из своего кармана записку Владимира Сергеевича: — «Зоя! Я вас очень прошу, достаньте немножко пенициллина. Я». Это не ваше послание?

Я был поражён: значит, Лёшка тоже побывал в их лапах?!

— Вам ясно наше предложение? Вы свободны!

И, получив от Нарика оплеуху, я отправился восвояси.

Владимира Сергеевича я застал у костра. Он помешивал кофе. Чёрно-бурая пена, словно лихо сдвинутый набок берет, лежала на кастрюле.

Под удивлённым взглядом Владимира Сергеевича я сбросил на землю мешок и спросил:

— Ну, как себя чувствуете?

— Немножко отпустило… Только слабость, — через силу улыбнулся Владимир Сергеевич. — А это что? — Он указал ложкой на мешок.

— Первый заработок! — сказал я. — Я тут ещё немножко гуляшу принёс. А Лёшка ещё не приходил?

— Пришёл.

— А где он?

— Твой дружок арестован! Вот такие дела, — бесстрастно сказал Владимир Сергеевич.

— Как — арестован?

У меня задрожали коленки.

— А очень просто: схвачен и брошен в кутузку! За тёмные махинации с фотоаппаратом!

— И он уже сидит?

— Сидит!

— И что теперь будет — суд?

— Сначала следствие, а потом суд.

— Надо немедленно поехать в Москву к его маме! — не на шутку всполошился я.

— Не надо! — вдруг раздался из шалаша Лёшкин голос. — Судить судите, а моей маме ничего не говорите!

— Арестованный, молчать! — приказал Владимир Сергеевич и обратился ко мне: — В нашем коллективе морально-бытовое разложение.

— А что же он натворил?

У меня уже немного отлегло от сердца.

— Да ерунда какая-то! Меня оклеветали, а вы уж тут раскудахтались! — сказал Лёшка, высунув из шалаша голову.

— Я кому сказал? — прикрикнул на него Владимир Сергеевич. — Будешь разговаривать только на следствии!

— Ха-ха! Следствие! Это беззаконие! — отозвался Лёшка. — Требую прокурора!

Владимир Сергеевич ему больше не отвечал. Он с интересом выкладывал из мешка моё добро и, подробно расспросив о том, где я его достал, радостно воскликнул:

— Вот молодец! Хвалю. Сейчас будем ужинать. И так как у нас сегодня праздник по случаю первого заработка, с нашего масла запрет я снимаю.

— Ура-а! — закричал из шалаша Лёшка.

— А ты не радуйся, это тебя не касается! — ответил Владимир Сергеевич.

— Мне сегодня из-за вас морду набили, — проворчал Лёшка, — а вы меня голодом морите! Где справедливость?

— Ты знаешь, чем этот ребёнок около дома отдыха занимался? — посмотрев на меня, сказал Владимир Сергеевич.

— Чем?

— Кустарным промыслом!

— Не понимаю.

— А тут и понимать нечего. Он фотографировал отдыхающих! И брал с них деньги. По гривеннику за карточку. Я мешки за гривенник таскал, а он карточки! Набил полные карманы денег и сказал, что завтра принесёт снимки. Ну, все были довольны, а потом один из отдыхающих хотел ему помочь вытащить кассету, раскрыл фотоаппарат,

и оказалось, что в нём не двигается плёнка.

— А я знал, что у меня перемотка не работает? — закричал Лёшка. — Не знал! А раз не знал, значит, не виноват!

— Ну, когда раскрылся обман, — продолжал Владимир Сергеевич, — этот кустарь-одиночка бросился бежать. Его поймали, арестовали…

— …Велели паспорт показать! — сообщил из застенка Лёшка.

— Имей в виду: хорошо смеётся тот, кто смеётся последний! — сказал ему Владимир Сергеевич и закончил рассказ: — И вот привели сюда. Ну, что будем с ним делать?

— Это что, следствие или уже суд? — спросил Лёшка.

— Суд! — сказал я.

— Нет, погодите, — вылез Лёшка из шалаша, — дайте мне слово! Во-первых, надо установить, для кого я фотографировал. Для себя лично или для всех нас — это раз. Во-вторых, отметим: я не просто снимал, а культурно обслуживал население. А в-третьих, скажите, кто ограничивал меня? Никто! Я имел право пойти на станцию и помогать нести дачникам сумки? Я имел право показывать людям, где тут можно снять дачи? Но я не пошёл на это. А если в доме отдыха вышла

осечка, то я тут ни при чём!

— У тебя в голове осечка вышла, — сказал Владимир Сергеевич. — Ты должен был найти себе общественно полезную работу, а не лёгкую халтуру, понимаешь? Мы ведь об этом уговаривались?

— А у меня голова закружилась, когда мне Нарька по шее дал около пляжа. И у меня все мысли рассыпались! — с невинными глазками сказал Лёшка.

— Ладно, — сказал Владимир Сергеевич. — Если ты упорствуешь и не признаёшь свою ошибку, знай, что к концу нашей шалашной жизни никакого диплома ты не получишь!

— Диплома?! А какого? — спросил я, удивлённый.

— Об этом только я знаю! — сказал Владимир Сергеевич. — Доживёте — увидите!

Тем временем, пока мы разговаривали, у нас уже сварилась картошка, и мы сели ужинать. Лёшка насупился и ел молча.

В лесу уже стемнело. Стал накрапывать мелкий дождь. От костра наши лица были чёрно-красными. Если бы кто-нибудь посмотрел на нас со стороны — точь-в-точь разбойники пируют!

И в этот момент, ведя перед собой велосипед, к нам пришла Зойка! На ней был голубой плащ с

капюшоном и высокие резиновые ботики.

— Владимир Сергеевич, что с вами? — положив велосипед на землю, быстро спросила она.

— Да ангина… — слабым голосом ответил наш вождь.

— Ну, это дело поправимое. Вы знаете? Минут пятнадцать назад ко мне под окно пришли Нарик и Гарик и стали меня разыгрывать какой-то запиской. А я эту бумажку вырвала у них, захлопнула окно и всё прочла!

— Это они у меня её отняли! — сказал Лёшка. — Я шёл к тебе, а они напали…

— Это возмутительно! — сказала Зойка. — Я, честное слово, пойду к Нарькиному отцу. Он как раз сегодня приехал. Вот лоботрясы!

— Да плюньте на них! — Владимир Сергеевич пожал Зойкину руку. — Мы сами с ними рассчитаемся. Дайте только встану! А вы мне что-нибудь принесли?

— Принесла. Только пенициллин не в таблетках, а в ампулах. Подойдёт? У нас другого не было.

— А кто ж ему укол сделает? — удивился я.

— Я, — ответила Зойка. — Я тут всё привезла: стерилизованный шприц, иголку, спирт. Это у папы всегда дома есть. Вы доверитесь мне, Вла-

димир Сергеевич?

— Пожалуйста! А иголку не поломаете?

— Не волнуйтесь, я уж не первый раз. Я бы и папу сюда привела, но он в Москве. У него сегодня операция… Только вот здесь очень мало света!

Я молча раскрыл на перочинном ноже отвёртку, снял с переднего колеса велосипедную динамку и переставил её на вилку заднего колеса. Потом я перевернул велосипед вверх ногами, установил его на седле и на руле и приказал Лёшке:

— А ну-ка, арестант, крути педали!

Из маленькой фары, которую я держал в руках, брызнул ослепительный свет.

Такой эксперимент я не раз устраивал у себя дома и даже пытался под жужжание динамки учить уроки: так было интереснее, чем при электрической лампочке. Но Зойке сейчас, видимо, показалось, что я гениальный изобретатель. Она закричала:

— Ой, какая прелесть! Юрка, ты просто золото! Как ты додумался?

«Нет, Зоя, это ты золото!» — сказал я про себя.

Зойка протёрла пинцет ваткой со спиртом и вынула из никелированной коробочки шприц. Я освещал велосипедным фонариком её пальцы.

Они работали быстро и уверенно.

Вот Зойка уже перелила пенициллин из ампулы в стеклянную трубочку, просунула в кольцо на поршне большой палец и сказала:

— У меня готово!..

Укол она сделала в одно мгновение. Потом разобрала шприц и снова уложила в коробочку.

Мы дали в руки Зойке тарелку с варёной картошкой. Владимир Сергеевич позволил из неприкосновенного запаса раскрыть банку с судаком в томатном соусе, и пир на весь мир закипел.

Несмотря на то что мы съели по две тарелки картошки и выпили полную кастрюльку кофе, после ужина мы ещё стали печь картошку.

Мы вытащили из шалаша постельные принадлежности и, расположившись на них, стали смотреть в костёр.

Огня уже не было, только тлели малиновые угли да по краям очага вспыхивали сосновые иголки.

Зойка, поджав ноги и покусывая травинку, сидела рядом со мной. Мой локоть, которым я поддерживал подбородок, касался её руки.

— Вот в такие часы хорошо рассказывать легенды, — улыбнулся Владимир Сергеевич. — Мне часто рассказывал их тот старик, который пода-

рил мне женьшень.

— Какой женьшень? — спросила Зойка. — Корень?

— Да, — ответил он. — Это такой у меня талисман.

— Если Владимир Сергеевич его потеряет, то потеряет своё сердце, — пояснил я.

Я сделал ударение на слове «сердце» и почувствовал, как у меня под локтем шевельнулась Зойкина рука.

— А ну их… эти легенды! — сказал Лёшка-фольклорист. — Они все про любовь! Давайте лучше анекдоты!

Но вдруг Зойка сказала:

— Мальчики, а кто меня пойдёт провожать?

Мы с Лёшкой переглянулись.

— Да посидите ещё, куда вам торопиться? — отозвался Владимир Сергеевич.

— Нет, меня уже дома ждут.

— А сегодня Владимира Сергеевича очередь! — будто шутя сказал я.

— Ну, куда ему! — Зоя махнула рукой. — А может быть, ты, Лёшка, теперь пойдёшь?

— Я не могу, я под арестом!

— Трусишки вы, вот что я вам скажу! — улыбнулась Зойка и отдёрнула руку от моего локтя. — А

теперь слушайте: я вас нарочно проверяла. Мои родители уехали в Москву, и я остаюсь вместе с вами.

— Вот и отлично! — сказал Владимир Сергеевич, почему-то обрадовавшись. — Свистать всех наверх! Нашей Белоснежке стелить в шалаше, а семь гномов будут спать около костра!

Зойке мы сделали постель прямо пуховую. Стелили ей при свете электрофары: сбили в одну кучу все листья в шалаше, отдали ей самую мягкую подушку и самое тёплое одеяло.

Чего греха таить, мы с Лёшкой думали: слава богу, что не пошли провожать! Куда идти: кругом темь, страшно!

И вскоре все уснули. А я лежал и думал: а почему почти все легенды только об одном — о любви? И почему, когда Зойка с нами, не только мы, мальчишки, но даже и Владимир Сергеевич какой-то другой становится? А ведь он-то старше Зойки почти на девять лет!

В предутренней мгле я, поёживаясь, чуть приоткрыл глаза и в полусне усмехнулся: «Показалось!» Я увидел, что в глубине кустарника на краю тропинки, ведущей к шалашу, будто бы стояло что-то чёрное и мохнатое.

Глава VIII
Костры наших душ

После первой ночёвки в лесу Зойка позвонила со станции в Москву и узнала, что её родители не приедут на дачу три дня, и, следовательно, она могла жить в деревне как ей вздумается.

А вздумалось ей остаться на этот срок у нас в шалаше и ввести новый образ жизни.

По утрам мы все вместе, кроме Владимира Сергеевича, должны были делать зарядку, а потом как очумелые бежать на речку. Мы стали чистить зубы углём, а в «санитарный день» стирали своё бельё.

Зойка также постановила «приём пищи» производить только в определённые часы.

Раньше, до этих нововведений, мы по нескольку раз в день варили себе кофе «Здоровье» и садились за еду, когда хотели, а теперь нашей казацкой вольнице пришёл конец. Зойка вбила на лужайке осиновый кол и начертила лопатой по дёрну циферблат. И когда солнечные часы, например, показывали 6 утра, на столе уже дымился завтрак, и мы, причёсанные и умытые,

глядели на то, как Зойка раскладывала нам по тарелкам пшённую кашу.

Я затащил Лёшку на стройку колхозного клуба, и он начал свой трудовой путь с чернорабочего: подносил Петьке и Мишке песок, размешивал в ящике цементный раствор. Сам же я был допущен к более сложным работам: притирал на цементной подушечке кирпич к кирпичу и даже брал в руки мастерок.

Заметив нас с Лёшкой на стройке, к нам со всех сторон сбежались деревенские мальчишки, начиная с пятилетнего Васятки и кончая здоровенным Сашкой Косым. Ребята подтаскивали брёвна, рыли яму под заборные столбы и укладывали лаги для пола из толстого подтоварника.

Я уже многое узнал: и что такое сшивать доски внахлёстку, и как прибивать их заподлицо. Бутом назывался белый камень, очень прочный и водостойкий. Он обычно укладывается в землю. А «подтоварник» — это просто брёвна длиной шесть метров и толщиной десять — двенадцать сантиметров.

На земле возле дома была сложена обрешётка для крыши и тонкие доски для чёрного пола. Иногда я слышал, как Петька советовался со своим напарником:

— Какой раствор будем здесь делать: один к четырём или один к шести?

— А какая у нас марка в этом мешке?

— Не то «300», не то «400».

— Давай один к шести.

И Петька приказывал Лёшке насыпать в ящик для раствора шесть вёдер песку и одно ведро цемента.

А марки расшифровывались очень просто: чем выше марка цемента («200», «300», «400», «500»), тем больше песку он связывает и крепче схватывает.

Наблюдая за тем, как работают Петька и Мишка, и прислушиваясь к их рабочему разговору, я понял, что каждая профессия имеет свой словарь и свои хитрости. И мне было приятно щеголять рабочими словечками:

— Эй, Сашка, давай сюда вагу, а сам зайди с торца!

Так мы укладывали венец — нижние брёвна дома.

Однажды подошёл к нам Коляскин. Посмот-

рел на мальчишек, облепивших сруб, и сказал удивлённо:

— Вот архаровцы! То их сахаром сюда не заманишь, а то сами налетели как на мёд…

Мы с Лёшкой уже имели право есть мамо-папины продукты, потому что работали в поте лица. Так настояла Зойка. Владимир Сергеевич, правда, говорил, что это уже неинтересно, если мы всё-таки начинаем прибегать к чьей-то помощи. Вот Робинзон Крузо добился всего сам, так и мы должны делать.

— И глиняные горшки будем обжигать? — спросил Лёшка.

— А хотя бы и так.

— И пшеницу сеять?

— Ну, не совсем сеять, но надо знать, как её сеют.

— А чего тут знать: бросил в землю и пошёл руки в брюки. А она растёт себе.

— Вот за одни такие слова тебя и стоит отлучить от мамочкиного сахара и консервов.

— Владимир Сергеевич, вы не правы! — сказала Зойка. — Вот если бы они вообще балбесничали, как эти На-Гарики, тогда другое дело: пусть сами себе и добывают пропитание. А раз они работают, мама и папа должны их поддерживать.

— Но Лёшка-то ведь ещё не получил аванса, — возразил Владимир Сергеевич.

— А вы сами-то работали? — насупился Лёшка.

— У Владимира Сергеевича бюллетень, — сказала Зойка.

— Знаем мы этот бюллетень! — ответил Лёшка и подмигнул мне.

— А ты что ему подмигнул?

— Ничего, это у меня нервный тик.

Но этот «нервный тик» для меня лично означал многое.

Позавчера, когда мы с Лёшкой ушли на работу, Владимир Сергеевич с Зойкой остались одни. А когда мы прибежали на обед, то увидели, что Зойка с Владимиром Сергеевичем режутся в шашки и у него на лбу красное пятно.

Я догадался, что эти шашки Зойкины, и мне почему-то стало грустно. Значит, она специально ходила за ними домой.

А тут ещё Лёшка подлил масла в огонь. Когда мы пошли по грибы, он сказал мне:

— Ну, теперь пропало твоё дело, не видать вам теперь Зоечку, как уши без зеркала!

— А куда она денется? — спросил я, сделав вид, будто ничего не понимаю.

— Никуда. Но просто она теперь будет чихать

на вас с пятого этажа. Нужны вы ей больно!

— С чего это ты взял?

— А ты посмотри, кого она теперь по лбу щёлкает?

Эти обидные для меня Лёшкины домыслы я решил проверить сегодня же. Вернувшись к шалашу с грибами, я предложил Зойке сыграть в шашки, но она ответила:

— Некогда, некогда! Ты видишь, что с ним!

Она заботливо укрывала Владимира Сергеевича. Он не хотел ни есть, ни пить, но Зойка говорила:

— Ну пожалуйста, я вас очень прошу! Вы увидите, вам же лучше сразу станет! — и пыталась его поить горячим кофе из кружки.

О, почему я не заболел ангиной!

А потом Владимир Сергеевич нам стал рассказывать эпизоды из своей жизни. И слушать его было необычайно интересно.

Однажды в зимнем туристском лагере он ехал с товарищем на лыжах по склону горы, и вдруг снежная лавина сбила товарища с ног и засыпала. Надо было мчаться за помощью в лагерь, но Владимир Сергеевич не бросил друга, а стал его откапывать сам. И так он разгребал снег всю ночь, пока не вытащил на склон своего полужи-

вого товарища.

Зойка с горящими глазами смотрела на Владимира Сергеевича.

— И он, значит, живой остался?

— Живой. Что ему сделается! Сейчас тоже, как и я, геолог, — сказал Владимир Сергеевич. — А вот ещё другой случай…

Наш вождь с головы до ног был напичкан разными случаями. Каждый его герой, будь то какая-нибудь бабушка или профессор, все они имели свои голоса, свои походки, и я, например, очень зримо представлял себе худощавого охотника в рваном полушубке, в огромной волчьей шапке, на которого в тайге напал уссурийский медведь-шатун. Владимир Сергеевич пошёл с ружьём на подмогу охотнику, выстрелил в упор, но медведь всё-таки успел снять скальп с Владимира Сергеевича. И ему в больнице снова натягивали волосы на голову. Это был невероятный случай, и мы, может быть, и не поверили бы начальнику Кара-Бумбы, но он в доказательство показал нам длинный шрам под волосами на лбу.

Я слушал Владимира Сергеевича и думал о том, что за таким человеком я пошёл бы на край земли. Только зря он всё это при Зойке рассказывает!

Владимир Сергеевич лежал перед костром, и на его бледное, осунувшееся лицо спадали со лба две прядки волос, которые он то и дело закидывал пятернёй назад. Глаза его — большие, карие — были очень живыми.

Вдруг в кустах мелькнула голова какого-то мальчишки. Мелькнула и исчезла.

— Что-о такое? — приподнялся на локте Владимир Сергеевич. — А ну-ка, Лёшка, узнай, в чём дело.

Лёшка вскочил на ноги и кинулся в кусты.

Через минуту он привёл к шалашу наголо остриженного веснушчатого паренька. На нём были трусы и белая рубашка с пионерским галстуком. Ему было лет девять-десять. Он оглядел нас всех, бросил взгляд на шалаш и нерешительно сказал:

— Здравствуйте… товарищи! К вам можно?

— А-а, заходи, заходи! — будто старому приятелю, ответил Владимир Сергеевич. — Откуда пожаловали? Куда путь держите?

— Мы… я… — проговорил мальчик, не зная, с чего начать. — Мы в пионерском лагере все живём… А мне своего друга позвать можно?

— Ну что ж, зови! — сказал Владимир Сергеевич.

Мальчишка засунул два пальца в рот, оглушительно свистнул и закричал:

— Эй, Славка, иди сюда! Не бойся!

Кусты за шалашом зашуршали, и рядом с неожиданным пришельцем появился новый. Он был так же, как и первый, стриженый и в пионерском галстуке. Лицо у него было монгольское: скуластое, с узенькими щёлочками глаз и с широким облупившимся носом.

— Вот, — сказал веснушчатый, — мы вдвоём пришли. Это Славка, а я Толя. А это правда, что вы к себе в шалаш принимаете?

— Конечно правда. Вы же пришли и видите, мы вас не гоним! — сказала Зойка.

— Нет, мы не об этом… — сказал Славка. — Ну, в свой отряд вы записываете или нет?

— А какой у нас отряд? — удивлённо спросил Владимир Сергеевич.

— Как — какой? Вы же сами знаете… — улыбнулся Толя.

Мы переглянулись.

— Мы-то всё знаем, а вот ты что скажешь? — сказал я.

— Ну про вас говорят, что у вас тут детский партизанский отряд по борьбе за самостоятельную жизнь…

Владимир Сергеевич улыбнулся, но тут же спрятал свою улыбку и спросил:

— Ну и с кем же мы боремся?

— Конечно, это, может быть, враки, — опустив глаза, сказал Славка, — но, говорят… с родителями!

Я хотел захохотать, но Владимир Сергеевич мне сделал знак рукой.

— А тебе кто же насолил, папаша или мамаша? — спросил вдруг Лёшка.

— Ему мачеха насолила, — ответил за друга Толя.

При слове «мачеха» у меня сжалось сердце. Я спросил:

— А она тебя бьёт или работать заставляет?

— Хуже… — ответил Славка.

— Она ему совсем дышать не даёт! — пояснил Толя. — Вот мы приехали в лагерь, а его мачеха в этой же деревне себе дачу сняла и всё время лезет его целовать. А ему стыдно перед ребятами.

— Ясно, — сказал Владимир Сергеевич. — А у тебя, Толя, к кому претензии?

— А он разозлился на нашу пионервожатую! — сказал Славка. — Сегодня Гришка подошёл к Тольке да как плюнет на него, а Толька не растерялся и тоже в него плюнул. Ну тут и пошло!

А Галя их заметила и обоих заставила на кухне картошку чистить. А он удрал.

— Э-эх, граждане… — сказал Владимир Сергеевич. — А мне кажется, что вы сюда не по адресу попали. Во-первых, у вас не веские доводы для приёма в наше содружество. Ну что же — мачеха? Мачеха, видно, у Славки хорошая. А во-вторых, зачем же нам такие члены, которые плюют друг на друга?

— Не примете, значит? — спросил Славка.

— Нет. Надо вам сначала ещё арифметику товарищества изучить.

— Чего-о? — удивился Толя.

— Арифметику! — наставительно сказал Лёшка. — Как надо относиться друг к другу. А потом уже к нам приходите на… высшую математику.

— А как же мы будем арифметику изучать? — спросил Толя.

— А это уж я не знаю, — развёл руками Владимир Сергеевич. — Это дело вашей Гали.

— А она сама ничего не умеет делать, — вдруг сказал Славка. — Мы её попросили морской узел завязать, а она не умеет.

— И не знает, как в лесу без солнца найти восток или запад, — добавил Толя.

— Лёшка, верёвку! — скомандовал Владимир

Сергеевич.

И когда Лёшка принёс пеньковую бечеву, Владимир Сергеевич, не задумываясь, разрезал её на две части, а потом быстро связал витиеватым морским узлом и протянул её пионерам.

— Прошу, на память! А насчёт востока и запада, так это легче лёгкого: вон, видите, на ёлке ветки растут? Так запомните: их всегда больше на южной стороне. И тут уж сами определяйте, где восток или север.

В это время около шалаша, к нашему изумлению, появился сам председатель колхоза Коляскин. Он шёл, как всегда, с хворостинкой в руке.

Владимир Сергеевич никогда не видел его в лицо, и поэтому его глаза насторожились.

— Добрый вечер! — просто сказал председатель. — Ну, как поживаете, разбойнички? — И, протягивая руку Владимиру Сергеевичу, добавил: — Я — Коляскин.

— А-а, слышал, — улыбнулся Владимир Сергеевич. — Наш поилец и кормилец! Присаживайтесь к огоньку. А кстати, насчёт разбойничков. Это у вас в колхозе одноглазый Соловей-разбойник живёт? Чуть вот у Юрки весь вкус к работе не отбил.

— Этот может! Мрачноватый тип. За хулиганство сидел. Мы взяли его всем колхозом на поруки прямо из суда. Может быть, человеком сделаем!

Коляскин сел на самодельную скамейку, снял картуз, будто зашёл в комнату, и положил его рядом с собой.

— А я к вам по делу…

— По какому? — спросил Владимир Сергеевич и поглядел на меня и на Лёшку: уж не набедокурили мы чего-нибудь в деревне?

— Да оно не очень сложное, но и не очень простое. Вы, кажется, геолог?

— Да.

— А в воде разбираетесь?

— Да, кажется, разбираюсь… Вообще-то у меня другая специальность — я поисковик… А что у вас с водой?

— Понимаете, нам артезианский колодец надо. Бурить хотим. Не поможете, а?

— Одну секунду, — сказал Владимир Сергеевич. — Вот я сейчас отпущу этих двух ходоков, — он кивнул на пионеров, — и мы займёмся с вами. Ну как, граждане, вам ясно?

— Ясно, — ответил Толя и, толкнув в плечо своего приятеля, побежал по тропинке в лес.

За ним, подскочив на месте, побежал Славка.

— Хм… Тоже мне обиженные! — усмехнулся им вслед Владимир Сергеевич. — И придумают же: детский партизанский отряд!..

Коляскин достал пачку «Беломора» и закурил.

— Так вот, — начал он, — мы хотим расширить молочную ферму, а вода у нас не очень чистая, и её не хватает.

— Верховодку только используете?

— Да, из колодца берём. Ну, и полчаса назад мы на правлении решили поискать воду получше и бурить землю около фермы. А потом я подумал, что могу сразу проконсультироваться у вас, и пришёл к своим колхозничкам. — Он взглянул на меня и на Лёшку. — Это от них я узнал, что вы геолог.

— Вообще что я могу сказать? — ответил Владимир Сергеевич. — Конечно, я могу заняться этим делом — дать предварительный прогноз, но всё равно вам придётся приглашать мастеров. Надо ведь буровой станок привезти, трубы, фильтр, насос…

— Это я всё знаю, — сказал Коляскин. — Мы достанем. Но пока там приедет человек из Москвы, а вы уже тут, под боком. Может быть, возьмётесь? А мы уж оплатим.

— Да какая там оплата! — улыбнулся Владимир

Сергеевич. — Всё равно мы отдыхаем. И дело-то не сложное: съездить в Москву, в Геологическое управление, и достать материал по вашему району. Кстати, там у меня и друг есть, он поможет.

— Вот и спасибо! — сказал Коляскин. — А ваших мальчишек я с завтрашнего дня на новый объект перебрасываю. Надо будет крышу на школе починить. Пусть приходят завтра в правление, там Михей Николаевич, кровельщик, будет их ждать.

Когда Коляскин ушёл, Владимир Сергеевич сказал:

— Вот вам и шалаш! Видали? Вот они, костры наших душ! О вас уже легенда идёт: отряд! Вас уже на работу приглашают! Человек нигде не пропадёт, только бы у него руки были. А давайте споём песню, а?

Настроение у нас у всех было отличное, и мы запели нашу любимую «Взвейтесь кострами...».

Я пел эту песню и чувствовал, как у меня по спине мурашки ползут от её таких сильных, мужественных и призывных слов.

Глава IX
Лёшка и мохнатое

Однажды утром Владимир Сергеевич оторвал нас с Лёшкой от костра, на котором мы пытались обжечь самодельную глиняную вазу, и позвал в орешник. Здесь мы присели на корточки, и Владимир Сергеевич ткнул пальцем в большую паутину.

— Посмотрите, — почти шёпотом сказал он, — это ведь целый мир!

Похожая на большую шестиугольную антенну, паутина серебрилась на солнце. Сам хозяин этого мощного сооружения — толстый паук, видимо отдыхая от жары, сидел в тени под листиком.

Паутина была выткана необыкновенно искусно. Большой шестиугольник имел внутри себя ещё пятьдесят шестиугольничков, и каждая грань была точно параллельна другой. А всё это держалось на двух основных нитях, растянутых между сучками.

В середине сетки болталась высохшая оса, рядом с ней, свернув набок головку, висела пойманная за шею муха, а мёртвый комар был словно

распят за ножки.

Но один комарик был ещё живым. Он зацепился за паутину тоненькой ножкой и висел вниз головой. Он ожесточённо махал крыльями, бился о паутину так, что она вся дрожала, подтягивался на зацепившейся ножке, и всё было бесполезно. У комара, вероятно, уже иссякали силы, потому что он всё реже и реже пытался выпутаться.

И вот, почувствовав добычу, из-под листочка на свет вылез паук и, медленно переставляя ноги, двинулся к своей жертве.

— Сейчас ему тут каюк! — сказал я о комаре.

— А мы не позволим, — ответил Владимир Сергеевич и, подняв с земли травинку, толкнул комара.

Тот сразу упал на листочек, покрытый росой, вскочил на ножки и в недоумении, вероятно обдумывая, а что же, собственно, с ним произошло, застыл на месте.

— Спасся, бедняга! — засмеялся Лёшка, а потом, весело воскликнув: — «Весь мир насилья мы разрушим», — ударил ногой по паутине.

Пребывая в лесу, мы с Лёшкой совсем не замечали, что вокруг нас идёт кипучая жизнь. Но стоило только Владимиру Сергеевичу показать нам паутину, как мы уже сами захотели

делать натуралистические открытия. Я взялся за научные исследования муравейника, а Лёшка стал вскрывать кротовые норки для того, чтобы «изучить пути движения этих животных» и из добытых кротовых шкурок сшить себе шапку.

Я сидел над муравейником почти каждый день. Мне казалось, муравьиная куча — это огромный город со своими домами, улицами и площадями. Муравьи двигались стройными цепочками, и можно было заметить, что одни цепочки тянутся из «домов» в лес, а другие, наоборот, из леса в «дом». И те, кто направлялся в «дом», обязательно волочили с собой или сосновую иголку, или муху, или гусеницу. Иногда на перекрёстке дорог встречались два муравья и, останавливаясь друг перед другом, словно разговаривали между собой: «Ну как, брат, живёшь?» — «Да ничего, спасибо. А ты?» — «Вот, видишь, тружусь. Сухую былинку раздобыл, жена говорит, что потолок надо поправить!» — «Ну-ну, передавай ей привет. Я пошёл!» И, поговорив, они озабоченно торопились каждый своей дорогой.

В куче можно было заметить и старых, и молодых муравьёв. Старые были толстенькие и чёрные, молодые — худенькие, светло-коричневые и юркие. Эти мчались вперёд напролом, по головам и по телам своих родичей.

Некоторые пожилые, обиженные такой непочтительностью, тут же догоняли молодых нахалов и делали им внушение — видимо, кусали. После такой экзекуции молодые уже шли в лес, еле-еле передвигая ноги.

Я видел не раз, как муравьи втроём тащили одну палочку. Видел, как двое дрались из-за какого-то кусочка коры и их разнимали «прохожие».

А однажды Лёшка засунул палку в муравейник,

пошевелил ею и закричал:

— Граждане! Воздушная тревога! Воздушная тревога!

Ух, что тут поднялось! Весь муравейник пришёл в движение. Побросав свои былинки, из леса на спасение кучи бежали рабочие муравьи. Из «домов» выскакивали муравьи-женщины и, будто спелёнатых детишек, тащили на себе белые яички. Вскоре вся куча покрылась белыми движущимися точечками.

— Как война началась... — вдруг тихо сказал Лёшка и выдернул из кучи свою палку.

Кстати сказать, мечты о кротовой шапке он вскоре оставил. Он изрыл почти всю лесную округу, но ни одного крота не нашёл. И после такой неудачи он решил переметнуться от животного мира к растительному. Тут ничего копать не надо, а слушай, что Зойка рассказывает, и всё.

А Зойкины познания были просто удивительными. Мы, например, каждую секунду встречали самую обыкновенную берёзу, но никто из нас никогда и не думал, что название её рода происходит от латинского глагола batuere, что в переводе означает «бить» или «сечь». Оказывается, эта берёза в древнеримские времена была отличным учебным пособием для школьников.

— Вот здорово! — удивлялся Лёшка. — Теперь мне ясно, откуда пошло выражение «дать берёзовой каши»!

Как-то раз, забравшись в малинник, Лёшка очень сильно обжёгся крапивой и принялся с ожесточением расчёсывать ноги. А Зойка — наш врач, — вместо того чтобы помочь его страданиям, начала читать лекцию.

— А ты, Лёша, можешь не чесать, — поясняла она. — Жгучие волоски крапивы содержат муравьиную кислоту. Крапива — хорошее кровоостанавливающее средство при лёгочных и других кровотечениях.

— Вот тебе бы по языку этими жгучими волосками, — с гримасой на лице отвечал Лёшка, — ты бы по-другому его зачесала!

— Но, честное слово, я не вру! — смеялась Зойка. — А ты потерпи, и пройдёт.

— У вас отличные познания! — восхищался Зойкой наш начальник Кара-Бумбы. — Всё это действительно верно! Но откуда вы набрались таких премудростей?

— А мне папа об этом рассказывает, — улыбалась Зойка, и её синие глаза лучились необыкновенно светло и радостно.

И вообще мы с Лёшкой заметили, что за послед-

нее время, избавившись от ангины, Владимир Сергеевич уж больно часто восхищается Зойкой. Что она ни сделает, он всегда скажет: «Мудро!» или «Вы у меня прелесть!» А почему это «у меня»?!

С нами Владимир Сергеевич разговаривал на «ты», а с Зойкой обращался только на «вы». Зойка всегда очень хорошо выполняла то, что скажет ей Владимир Сергеевич. Но не просто выполняла точь-в-точь, а в заданную работу привносила и что-то своё.

— У Зои великое качество! — говорил нам без неё Владимир Сергеевич. — Творческий подход к делу!

Нередко, сидя у костра, они заводили философские разговоры о жизни, о нашей стране, о литературе.

— Владимир Сергеевич, а вот для чего жить на белом свете? — вдруг спросит Зойка. — Мы с девчонками спорили, спорили в классе, но так ни к чему и не пришли. Одни говорят одно, другие — другое, а главного так никто и не знает. Ну вот рождается человек на белый свет, трудится, трудится, а потом умирает. И всё. А в чём соль жизни? Ну вот моей или вашей? До нас Земля вертелась миллионы лет и после нас ещё будет вертеться

миллионы миллионов. А где наше место?

— Хм, это сложный вопрос! — отвечает Владимир Сергеевич. — Над ним все мудрые люди думали и думают. Ну а я — не знаю, правильно ли это или неправильно, — я его решаю поэтически: природа создала человека, ну, как свои глаза! Для того чтобы он любовался, радовался и наслаждался самой природой. Ведь есть же на белом свете что-то истинно красивое? Есть! Это всё живое: поля, леса, звери, птицы. А есть что-то некрасивое? Тоже есть. Это всё мёртвое: пустыни, ледники, непроходимые болота. Вот природа и видит нашими глазами свои недоделки. Ведь человек-то всегда стремится к красоте?

— Стремится, — кивает головой Зойка.

— А для того, чтобы вся земля была живой и красивой, надо её переделывать, надо трудиться. Но одному человеку, например, не под силу озеленить пустыню Сахару? Не под силу. А если нам собраться всем вместе, провести там каналы, посадить деревья, то пустыня сразу зацветёт. Но тут возникает другой вопрос. Один человек говорит: «Да, если мы её озеленим, то у нас будет больше хлеба и продуктов, пустыня станет красивой. Там появится жизнь, и мы будем радоваться ей!» А другой отвечает: «Нет, а на кой чёрт мне озе-

ленять какую-то там пустыню, я и так проживу свой короткий век!» Вот теперь и решайте, кто прав — первый человек или второй?

— Конечно первый! — отвечает Зойка.

— Правильно! Ну а теперь: какая же цель стоит перед каждым человеком, который появляется на белый свет? — продолжает Владимир Сергеевич. — И на этот вопрос очень легко ответить. Он должен, во-первых, озеленить какую-то маленькую, но свою пустыню или высушить какое-то маленькое, но своё болото, то есть сделать что-то полезное! А во-вторых, он должен ещё переделать каждого человека, который хочет прожить на земле только сам для себя. Ведь должен же какой-то след остаться после каждого человека на земле? А этот след и будет в конце концов красота земли и счастье всех людей! Вот и весь прекрасный смысл нашей жизни.

— А я знаю, о чём Владимир Сергеевич говорит, — серьёзно замечает Лёшка. — Первый человек — это коммунист, а второй человек — индивидуалист. Это тоже недоделка природы.

— Ну хорошо, а как же я лично должна жить? — допытывается Зойка. — Ну где мне найти место, чем заняться?

— Вы, Зоя, мне кажетесь очень способным

человеком. Вот вы немножко знаете медицину, немного ботанику. А к чему вас больше всего тянет?

— Пожалуй, к медицине.

— Вот и займитесь ею.

— А если я не попаду в институт?

— Поступайте в больницу, в медсёстры. Но всё-таки бейте в одну точку. А там подучитесь — и, глядишь, вы уже врач! Только надо быть настойчивым.

— А если меня никуда не тянет, тогда что? — интересуется Лёшка.

— Тогда иди куда хочешь: на завод, в колхоз, на фабрику. Там со временем поймёшь жизнь, может быть, полюбишь свою работу…

— А если не полюбишь, как тогда?

— К тому времени ты, Лёшка, уже умнее станешь и уж сам будешь решать, что тебе делать. Мне сейчас трудно загадывать. Но, главное, не бояться никакой работы! Жизнь — она наука мудрая! Она сама тебя поставит на своё место. А лучше всего к чему-нибудь с детства пристраститься и шагать по одной дорожке. Так сказать, выбрать себе своё жизненное суворовское училище и вступить в него прямо с первого класса. Хотите, могу вас поднатаскать по геологии? Бу-

дете путешествовать, открывать нефть, разные руды…

— Ура! — кричим мы с Лёшкой. — Давайте!

— И вы сможете нас взять в это лето в экспедицию? — перебивает его Лёшка.

— Нет, вас ещё брать рановато, а вот Зоя уже могла бы поехать в поле. Я бы её немножко подучил как будущего коллектора — и к нам в партию! Взяли бы не задумываясь!

Но Зойка только вздыхает:

— Мечты, мечты, где ваша сладость?.. Папа! Мама! Разве они отпустят?

— А ты убеги! С Владимиром Сергеевичем не пропадёшь! — советует Лёшка, и мне хочется ему стукнуть по загривку за такие слова.

Зойку я уже не провожал по вечерам из лесу домой. Её провожал Владимир Сергеевич. Он даже познакомился с её папой и мамой и, бывало, попивал у них чай из самовара.

Я-то к ним заходил домой запросто, но они со мной обращались, как с мальчишкой: спрашивали, как я учусь в школе, занимаюсь ли я музыкой и хороший ли у меня педагог. А вот с Владимиром Сергеевичем они вели разговор о политике, о его специальности и расспрашивали, какой у геологов заработок.

Я прекрасно понимал, что Зойка уже отошла от нашего прошлогоднего дачного детства, и мне было очень жалко, что мне ещё так мало лет. Сначала я сердился на Владимира Сергеевича, но потом решил, что мне с ним не стоит портить хорошую мужскую дружбу.

До свидания, Зойка! И если я ещё когда-нибудь встречу девчонку, то мне очень хочется, чтобы она была такая, как ты.

Однажды поздно вечером я поехал с деревенскими ребятами в ночное. Мы взнуздали лошадей, положили к ним на круп лёгкие подстилки и поскакали на Макарьев луг. Перед выездом наша кавалькада, состоящая из пятнадцати лошадей, долго ожидала Сашку Косого, который почему-то не мог вырваться из дому. И так не дождавшись, мы поехали без него.

Лёшку я с собой в ночное не взял. Он не мог сам вскакивать на лошадь, его надо было поддерживать за ногу, а потом он боялся быстрой езды и всё время вопил: «Ой, ребята, не гоните! Я себе весь зад отбил! Ой, сейчас упаду!..»

Вечер был холодный, и деревенские ребята поехали на луг кто в зимних шубейках, а кто и в валенках на босу ногу. Я был в тоненькой рубашке.

На лугу мы спутали лошадей и сняли с них уздечки. Потом разожгли костёр.

И вдруг я увидел, что к костру подходит что-то чёрное и лохматое!

У меня прямо сердце в пятки ушло.

И это неизвестное животное придвигалось к нам на четвереньках. Ну точно так же, как я видел около шалаша сквозь сон!

— Ой! — тихо ойкнули ребята, и от ужаса все окаменели. А потом все бросились врассыпную.

И я тоже удрал в кусты.

А это неизвестное животное вдруг встало на дыбы и дико захохотало.

— Ребята! Это же я! — закричал Сашка Косой и свалился от смеха на траву.

На нём оказался вывороченный наизнанку мохнатый овчинный тулуп.

Придя в себя, я сразу же спросил Сашку:

— Слушай, а ты ещё кому-нибудь давал этот тулуп?

— Давал, — ответил Сашка, — а что?

— А кому давал?

— Ну, Нарьке с Гарькой давал. Они у меня на сеновале, бывает, спят. А тебе что, холодно в рубашке?

— Холодно.

— Ну и бери его. А завтра отдашь.

Я накинул на себя тулуп, и все мы, весело обсуждая, кто как испугался «медведя», тронулись в деревню.

«Так, — думал я, — теперь ясно, кто к нам ходит по ночам. И ясно, почему ходит… Ну, ходи, ходи… Ты, Нарька, своё заработаешь!»

Подойдя к нашему шалашу, я вывернул шубу наизнанку, накинул на голову широкий воротник и встал на четвереньки. Я видел, что около костра сидит Лёшка, а Владимира Сергеевича не было. Он, видно, пошёл провожать Зойку.

И тут я, продвинувшись к шалашу на несколько шагов, тихонько завыл:

— У-у-ы-а!

— Кто там? — спросил Лёшка, загородившись ладонью от костра.

— Э-ы-ы-у-у!

Я думал, что сейчас Лёшка завопит: «Караул! Спа-си-ите!» — но дальнейшее произошло в одно мгновение. Такой прыти я от Лёшки не ожидал. Он схватил наш тяжёлый дрын, подскочил ко мне и поднял его над головой.

Я едва успел произнести: «Это я, Лёшка!» — и юркнуть в кусты, как Лёшка с размаху хряпнул дрыном по земле, по тому месту, где я только что

находился.

Не увернись я вовремя, эта шутка могла бы кончиться очень печально.

И всё из-за того, что я предполагал, что Лёшка остался прежним.

Глава X
Корень женьшень

Как внезапно началось наше житьё-бытьё в шалаше, так оно внезапно и кончилось.

Однажды Владимир Сергеевич уехал с утра в Москву, в Геологическое управление, за прогнозом для артезианской скважины, и вдруг, вернувшись оттуда раньше времени, он вынул из кармана телеграмму и вслух прочитал:

— «Из Красноярска. Через десять дней уходим тайгу. Ждём». — И добавил: — Вот и конец, друзья-приятели! Ну, что скажете?

— Уже, значит, уезжаете? — всё ещё не веря только что услышанному, спросил я.

— Как видите.

— А… мы куда? — растерянно сказал Лёшка.

— На кудыкину гору… — вздохнул Владимир Сергеевич. — Да, не ожидал я таких быстрых событий. Надо уезжать в Москву.

— И это обязательно сегодня? — спросил я.

— Только сегодня! Я ещё должен кое-что купить, собраться в дорогу, написать письмо родителям. Значит, так. — Голос Владимира Сергеевича стал

деловым. — Сейчас Лёшка начнёт собирать вещи, а мы с Юркой пойдём к Коляскину. Я ему сделал прогноз. Но жалко, что не успел составить проект скважины.

Я чувствовал, что Владимиру Сергеевичу уже не до нас. У него был озабоченный вид, и мне казалось, что между нами и им уже легла какая-то невидимая черта. Он — уже занятой человек, а мы — мы что? Мальчишки! Он уезжает в большой мир поисков и строительства, а мы остаёмся под крылышками своих родителей. Но вот что интересно: если бы раньше, до нашего приезда на Оку, Владимир Сергеевич встретил бы меня на улице и сказал: «А знаешь что? Поедем со мной в тайгу!» — я бы, конечно, ни за что не поехал. Одно слово «тайга» звучало для меня пугающе. Но сегодня я бы махнул рукой на дом, на родителей, на город и своих друзей, но только бы остаться с Владимиром Сергеевичем и поехать с ним в тайгу.

Наш визит в деревню был неудачным. Мы там не застали ни Коляскина, ни Зойки. Коляскин уехал в район, а Зойка отправилась на пляж.

В правлении Владимир Сергеевич оставил записку: «Товарищ председатель! Вода у вас будет хорошего качества, дебита, то есть количества воды, хватит на тысячу лет! А возьмёте вы воду с

глубины 70–80 метров. Это удовольствие будет не слишком дорогое. Желаю успеха!»

Мы пошли на Оку.

Владимир Сергеевич то говорил, что времени у него в обрез, а то теперь полетел зачем-то на пляж.

Мне было очень горько, что вот так быстро пронеслась наша золотая привольная жизнь, и мне хотелось помечтать о таком же житье-бытье на будущий год, а он… Он думал о Зойке! Сегодня вечером мы уже будем в Москве, и кто знает, когда нам доведётся опять встретиться? И никто не отпустит нас без Владимира Сергеевича в шалаш.

Когда мы подошли к реке, то увидели, что Зойка сидит на песке, а поодаль, метрах в пятидесяти от неё, резвятся На-Гарики. Нарик пытался сделать стойку на руках, а Гарик хватал его за ноги. Они не замечали нас из-за ивовых кустов.

Владимир Сергеевич замедлил шаг, посмотрел на меня огорчёнными глазами и спросил:

— Ну, будем к ней подходить?

— Конечно будем, — сказал я. — Ведь надо же с ней попрощаться! И этих бы за шкирку потрясти!

— Идём! — решительно сказал Владимир Сергеевич.

Зойка была в синем шерстяном купальном костюме и красной резиновой шапочке.

— О, здравствуйте! — радостно сказала она, вскочив с песка. — А я, Владимир Сергеевич, сейчас к вам заходила в шалаш. И мне Лёшка сказал, что у вас какая-то новость… Давайте купаться!

— А у нас уже времени нет, — сказал я. — Мы прощаться пришли. Мы сегодня уезжаем. Владимир Сергеевич получил телеграмму.

— Как — уезжаете?! — Зойка отступила на шаг, и я увидел, что у неё дрогнули губы.

— Очень просто, — улыбнулся Владимир Сергеевич, — я — в тайгу, а они — домой. Скажите, Зоя, а это мыло ваше?

Зойка подняла с песка кусок туалетного мыла, завёрнутого в газетку:

— Моё! Пожалуйста!

Владимир Сергеевич кивнул мне на мыло: «Разверни!» — а потом подошёл к Нарику и без всякого предупреждения известным приёмом схватил его за руку на излом.

— Ой! — закричал Нарик. — Что вы делаете?

— А мы рассчитываться пришли! За шубу, за мёд! И ты, Гарька, иди сюда.

Но щупленького Гарьку точно ветром сдуло. Он умчался в деревню.

Нарик было попытался вырваться, но Владимир Сергеевич чуть-чуть нажал ему на руку, и тот почувствовал, что сопротивляться бесполезно.

— Ну, гадюка, — подошёл я к Нарику, — ты что тогда надо мной во ржи измывался, а? — И я его схватил двумя пальцами за нос.

— Уйди… — прогнусавил мой враг.

Я хотел Нарьку хлопнуть по щеке, но, взглянув на Зойку, постеснялся.

Владимир Сергеевич завёл Нарьку в воду и приказал мне намылить ему голову. Я думал, что мы этому типу таких шишек-банок надаём, что он век будет помнить. Но Владимир Сергеевич казнил его остроумнее: я, как заботливая мать, намыливал ему голову, а на берегу отчаянно смеялась Зойка.

Потом Владимир Сергеевич со словами: «Теперь смывайся!» — дал пинка Нарьке, и тот бултыхнулся в воду.

— А может, ему ещё добавить? — сказал я.

— Хватит! — сказал Владимир Сергеевич. — Неохота больше руки марать… — И крикнул: — Ну, Зоя, пойдёмте к нам!

На пляже я нашёл то место, где оставил около берега в воде консервную банку с большой замшелой раковиной и налипшей на ней дюжиной

ракушек. Чуть о ней не забыл!

Банка была полузанесена песком. И когда я её перевернул, на берег упала большая тяжёлая раковина, а за нею все малюсенькие ракушата. Они уже отвалились от «матери».

Я собрал всё это семейство в горсть и бросил его на середину реки. Пусть живут себе в глубине и на быстром течении!

А в шалаше Лёшка уже собрал два узла нехитрых наших пожитков.

Мы в последний раз разожгли костёр, вскипятили кофе и выпили его по кружке.

И тут, лукаво оглядев нас, Владимир Сергеевич вдруг вынул из кармана две бумажки с каким-то машинописным текстом, напечатанным, видимо, ещё в Москве, и торжественно сказал:

— Товарищи! Митинг по случаю вручения двух трудовых дипломов воспитанникам Кара-Бумбской школы жизни считаю открытым! Маэстро, туш!

И сам же оратор замахал, как дирижёр, руками и заиграл на губах туш. Мы ему дружно подтянули.

— Первый диплом, — продолжал Владимир Сергеевич, — вручается Юрию Попову! — Оратор развернул бумажку и возвысил голос: — «Насто-

ящим подтверждается то, что Юрий Иванович Попов прошёл полный курс шалашной жизни первой ступени. Им освоены следующие предметы: приготовление пищи, отгонка лошадей в ночное, помощь в строительстве домов, научно-исследовательская работа в области муравьиных куч, рыбная ловля руками. Товарища Попова необходимо считать человеком, пригодным для самостоятельного существования. Начальник Кара-Бумбы Владимир Карпенко». Ура, товарищи!

Мы закричали: «Ура!»

— Теперь следующий. «Настоящим подтверждается то, что Алексей Демьянович Кузькин за время шалашной жизни прошёл школу торгово-ягодного ученичества и кустарно-фотографического промысла и показал себя человеком изворотливым…»

— А я не согласен! — вдруг с обидой сказал Лёшка. — Вы Юрке серьёзную бумажку написали, а мне какую-то такую… Ну зачем вы написали про ягоды или про то, что я какой-то там ловчила?.. Не это главное!

— А что главное? — спросил Владимир Сергеевич.

— Уж будто вы сами не знаете… — сказал Лёшка. — Надо мне тоже отметить, что я умею варить

картошку, что я был чернорабочим. Ну и вообще, что сначала орал «караул», а потом чуть Юрке хребтину не поломал. И что я тоже теперь не пропаду!

— Ну как, ему можно выдать такой диплом? — спросил нас Владимир Сергеевич.

— Мне кажется, можно! — кивнула головой Зойка.

И Владимиру Сергеевичу пришлось уже от руки, карандашом, написать Лёшке новый трудовой диплом.

В конце каждого диплома, потерев карандашом о герб на пятнадцатикопеечной монете, он приложил графитные печати.

Подхватив два узла, мы пошли на станцию. Нам было очень грустно покидать наше обжитое место, на котором мы пережили столько весёлого и незабываемого. Перед уходом мы присели на дорожку и помолчали. И у каждого из нас в душе родились какие-то свои особые думы и о пролетевших днях, и о том, что нас ожидает впереди.

Лёшка сидел передо мной загоревший и поздоровевший. И я чувствовал, что ему тоже не хочется уезжать отсюда.

Я вспомнил, как Владимир Сергеевич на первой ночёвке на сеновале рассказывал нам о шагре-

невой коже и о том, что никаких чудес на свете не существует и что человек только сам может добиться своего счастья. Я вспомнил, как Зойка не раз нам говорила, что мы ничего не понимаем в жизни. А теперь она этого не скажет!

Да, пройдёт всего лишь каких-нибудь два-три года, и эта полянка перед шалашом зарастёт молодыми берёзками и ёлочками, опутается буйным орешником, и ничто уже не напомнит о том, что некогда здесь жили-были мы, мальчишки, которые захотели поскорее войти в жизнь.

Через несколько дней мы провожали Владимира Сергеевича из Москвы с Ярославского вокзала. Мы приехали сюда на такси.

Владимир Сергеевич сбросил в вагоне свой рюкзак и вышел на перрон. Мы с Лёшкой обняли его и поцеловали. А Зойка подала ему руку. Но он взял её за обе руки и молча поглядел ей в глаза.

Так они и постояли секунду — высокий красивый парень в красной ковбойке с распахнутым воротником и хрупкая девчонка в школьном платьице с беленькими кружевцами.

Поезд незаметно тронулся, и Владимир Сергеевич уже на ходу вскочил в вагон. Мы пошли рядом с ним. А потом побежали за вагоном. Но догнать Владимира Сергеевича мы уже не могли.

И когда в темноте исчез красный фонарик последнего вагона и мы пошли на выход в город, Зойка вдруг остановилась под ярким фонарём и сказала:

— Мальчики, смотрите!

Она разжала кулачок, и на её маленькой ладони — нет, мы не поверили своим глазам! — мы увидели талисман Владимира Сергеевича: корень женьшень, который был очень похож на маленького человечка с ручками и ножками.